

Агагельды Алланазаров

СОЛНЕЧНЫЙ ПАРОХОД

СТИХИ,

сказки,

повести,

пьесы

Ашхабад
2006

УДК 894.361

А.51

Алланазаров Аг. Солнечный пароход, т.1 (стихи, сказки, повести, пьесы). - А.: издательство ГКПТ, 2006 г.

Произведения известного туркменского поэта и писателя Агагельды Алланазарова неоднократно переводились на русский язык и выходили отдельными изданиями в Москве и Ашхабаде. Они также выпускались на других языках и давно перешагнули границы Туркменистана.

В поэтическом сборнике «Солнечный пароход» автор представляет свою родную землю, путешествуя вместе с читателями по страницам этого прекрасного парохода.

В сборник вошли почти все произведения А. Алланазарова, написанные для детей и переведенные на русский язык разными переводчиками. Стихи размещены так, как они ранее выходили отдельными книгами со своими прежними предисловиями и послесловиями.

«Солнечный пароход» давно плывёт в душах своих маленьких читателей. Надеемся, что и на этот раз немало будет желающих попутешествовать на этом солнечном, прекрасном, мудром и весёлом пароходе!

ББК.84 ТУР.7

© Алланазаров Аг., 2006 г.

“Играй моя дудочка”, “Малыш”, 1978 г.; “Выше, чем гора”, “Детская литература”, 1979 г.; “Жаркий день”, “Малыш”, 1983 г.; “Я среди мастеров”, “Детская литература”, 1986 г.; “Вам такое и не снилось”, “Малыш”, 1991 г.; “Догоняя ветер” “Детская литература”, 1991 г.; “Собака, которая летала однажды”, “Магарыф”, 1992 г.

Счастливым и яркий мир детства

(О стихах Агагельды Алланазарова)

Случилось так, что книжки Агагельды Алланазарова я увидел в детских руках еще задолго до того, как познакомился с их автором. Я раскрыл одну из этих книжек, названную «Выше, чем гора», и прочитал стихотворение «О стрекозе»:

Как аэродром, лист зелёный ей нужен -
На нём отдыхает, листочек колышет.
Летает она самолёта не хуже,
Но только в полёте поёт чуть потише.

Перевод Я.Акима

Прочитал и подивился органичности соединений двух образных систем - естественной, традиционной, и новой, привнесённой современностью.

Стихи заинтересовали меня, хотя наша литература для детей богата многими именами, и имя туркменского детского поэта встало в моей памяти в ряд с многими - русских, украинских, узбекских, таджикских поэтов... И все-таки я почувствовал своеобразие почерка автора небольшой книжки. Уже позднее мне стало ясно, что даже

первое соприкосновение с туркменской литературой для детей отчётливо говорит об её безусловных успехах - и у мастеров старшего поколения, и у тех, кто вошёл в литературу сравнительно недавно.

К числу сравнительно молодых детских поэтов относится Агагельды Алланазаров, уже известный в республике своими книгами «Дом солнца», «Добрый конь», «Девушка в пилотке» и др., а также вышедшими в русском переводе сборниками «Играй, моя дудочка» и упомянутым «Выше, чем гора». Агагельды Алланазаров - уроженец юга Туркменистана, он из Тахтабазарского этрапа, Марыйского велаята, пограничного района, где, как он сам пишет, «начинается наша Родина».

Детство в колхозе, воинская служба в десантных войсках, затем учёба в Московском литературном институте им. А.М. Горького. Вот и вся биография! Вся - да не вся... Не вошли в нее путешествия по пустыне, полковые да армейские учения и сотни, десятки прочитанных книг!

Для стихов А.Алланазарова характерна свежесть восприятия, умение как бы воплотиться в ребенка, оставаясь взрослым.

Покоряют его стихи о Туркмении, где родная страна сравнивается с солнечным пароходом, которому облака машут сверху белыми платочками, и где заводы раскуривают мундштуки своих трубок!

Эта свежесть восприятия характерна и для других его стихов - космогонической легендой отдаёт его сказка «Мяч Эзиза» - о мальчике, который оставлял то там, то тут свои игрушки : «Жил-был один мальчик по имени Эзиз. Играя, он оставлял то тут, то там свои игрушки. Однажды его мячик, по имени Солнце, остался во дворе.

Прилетел ветер и унёс его с собой в небо. Солнце обиделось на своего равнодушного друга. И до сих пор оно живёт среди облаков, не зная, как спуститься на землю».

Агагельды Алланазаров идёт по линии создания сюжетных стихотворений. Его стихотворения, чаще всего зарисовки, где вся нагрузка зиждется не на том, что происходит с его героями, а на том, как видят они мир.

И тогда вместо замысловатого сюжета приходит необычный, поражающий читателя образ.

Иногда образность поэта связывает нас с традицией классического фольклора. Это характерно для стихов «Луна пришла погулять» :

«Светит чистая луна, склонившись над холмами. Ее лучи, как птицы, слетают на ветки». И дальше : «А луна удивляется, проливая свет над пустыней, и, словно лебеди, несут её на себе облака».

Как и положено настоящему детскому поэту, он

жизнерадостен, он полон энергии и веселья. Мир, раскрывающийся перед ним, прекрасен.

Он населён друзьями, он украшен прекрасными горами, и даже пустыня дарит ему необычные краски. Мир этот - Туркменистан. Мир этот - вся наша огромная страна. И это непреложно понимает даже самый маленький читатель.

Озаренность, обилие красок, стремление избежать скучных, смазанных строк, монотонности рассказа - прекрасные черты поэта, которые так легко прочитываются в его стихах.

На меня большое впечатление произвела поэма «Если ты на коне», динамичная, очень яркая, где солнце вцепляется в рубашку всадника, чтобы не отстать от него, и обгоняет его, окунувшись в воду, еще до того, как он доскакал до нее.

Прекрасен образ золотых вил солнца, воткнувшихся в песок, и зеленой травы, переодевшейся в жёлтое платье.

Но эта удивительная образность ни в коей мере не становится самоцелью. «Сверхзадание» поэта - это утверждение красоты и радостной силы родной земли, ее жизни, ее счастья.

Можно уверенно говорить о связи поэта с классическим эпосом, но нельзя замыкать его на этом.

С той же органичностью звучат и его стихи, которые

всецело построены на современности - это и упомянутое стихотворение «Солнечный пароход» и многие другие, в том числе стихотворение «Горы»:

*«Горы - вылитые ракеты, взор ввысь - в небо.
Стоят они к полёту готовые,
кого-то дожидаясь».*

А. Алланазаров - автор стихов-миниатюр, из которых я бы особо отметил удачное и в подлиннике и в превосходном переводе Якова Акима стихотворение «Черепаха» :

*- Черепаха - черепаха,
Удивляешь ты меня:
Еле ходишь, черепаха,
Не догнать тебе коня!
- Нету у меня хлыста
Вроде конского хвоста.
Хоть бы кисточка была,
Всех бы я перегнала!*

Интересен экскурс в психологию ребёнка в стихотворении «Я считаю», также мастерски переведённом Яковом Акимом:

*Возвращается вечером стадо.
Сосчитать бы коровушек надо.
Начинаю по пальцам считать:
Раз, два, три... три, четыре и пять,*

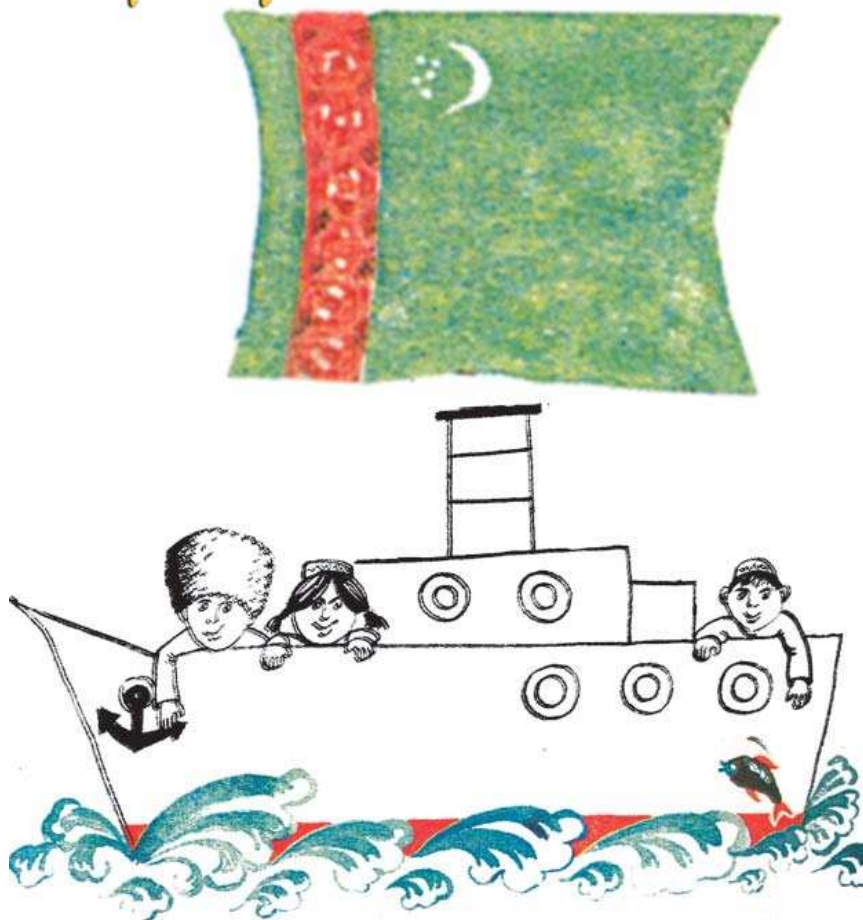
*Шесть, семь, восемь... Стою, вспоминаю,
Как же дальше считать? Не знаю.
А коровы идут. Погодите,
Отдохните же, не уходите!
Сколько вас? Вы не знаете сами,
Раз, два, три... три, четыре и пять...
Я сейчас, только сбегая к маме
И спрошу, как мне дальше считать!*

Детская поэзия - это серьезная школа мужества, юмора и патриотизма.

Звучит в стихах А.Алланазарова та непреходящая любовь к родному краю, без которого нет настоящего поэта способного радовать читателей своими яркими и талантливыми произведениями.

Дм. Молдавский

Солнечный пароход

Переводы Якова Акима

Солнечный пароход

Туркменистан - солнечный пароход,
Сил набирая, плывёт, плывёт.
Вслед пароходу издалека
Машут платочками облака.

На пароходе - плодовый сад,
Трубками мира заводы дымят,
И нефтяные вышки, как лес,
Высятся, тянутся до небес.

Здесь чудо-ковёр мастерицы ткут,
Пёстрый, словно весной Каракумы.
Вот белого хлопка гора-крутизна,
С её вершины вся страна видна.

Плывёт пароход,
Взяв в объятья свой народ.
Наверху - зелёный флаг,
Зелёный флаг - зелёный парус.

Дождь идёт

Арбузной спелой косточкой
Лети, дождинка, вниз,
От тучи белым камешком,
Дождинка, отломись!

Дождинки вышивают
Узоры на песке
И капельками пота
Блестят на стебельке.

Омыл деревья дождик,
Стучит по листьям глуше,
Как будто для серёжек
Прокалывает уши.

Догоняю ветер

Догоняю ветер
И люблюсь им:
Вот задел он речку
Подолом своим.

Шепчется с листвою,
И траву пасёт,
Ветку раскачает,
Грушу потрясёт.

У барашков сонных
Просвистит в ушах
И клочки бумаги
Спрячет в камышах.

Я бегу вдогонку
И гляжу вперёд -
Пусть покажет ветер
Все, что он найдёт.

Проверю

Я слышал, черепахи
По триста лет живут,
Прожить не могут столько
Ни слон и ни верблюды.

Нашел я черепашку
На тропке за горой
И в шапке осторожно
Принёс ее домой.

Совсем еще детёныш
Под миской у меня.
Начну считать я годы
С сегодняшнего дня

Проверю, правда или нет,
Когда ей будет триста лет.

Трудный класс

- Ой, мама, - говорит Ильяс, -
Хочу пойти я в пятый класс,
А то пускай возьмут в шестой,
И этот класс такой простой.

Я и в седьмой согласен, мама,
Учителю скажи ты прямо.
Слыхал я в школе, что у нас
Труднее нет, чем первый класс!

САМОЕ ЛУЧШЕЕ ВРЕМЯ ГОДА

Зима

- Спрячься! - говорит зима
Длинноногой речке.
Снегом заметёт дома,
Выбелит крылечки.

Белой улицею вскачь
Побежим с друзьями.
Снежный ком, как белый мяч,
Катится за нами.

В поле снежное бегу -
Там щенка и лошадь
Нарисую на снегу:
Пусть играют тоже.

Пусть снежинок благодать
Кружит надо мною!
... Только хочется опять
Встретиться с весной.

Весна

Польют урюк ветвистый
Дожди-парашютисты,
Желтенькие почки
Проклюнутся на нём.

Под весенним дождем
Мы и сами растем!
В поле из земли парной
Хлопок кажет уши.

Хорошо у нас весной,
Только летом суше!
Летом на бахче арбуз,
Грязи нет в помине.

На губах остался вкус
Прошлогодней дыни.

Лето

На огромной спине
Загорелой земли
Усатые спеют колосья,
Пшеничные спеют колосья,
Виноградные светятся гроздья.

Ох, жарко!
С берега в воду ныряю,
Долго в реке
Плещусь и играю.

Я дыни срываю,
В мешок их кладу
И с грузом
Тяжёлым и сладким иду.

Игры все
Переиграны летние,
Уже не радуют
Дыни последние.

Осень

Багрянцем ладони земли горят -
Это, значит, осень у нас.
Сладкий, прямо с лозы виноград
Можно сорвать хоть сейчас.

От хлопка - осеннего снега - белы
Колхозные наши поля,
С деревьев листву, обнажая стволы,
Уже принимает земля.

Листья осенние - благодать,
Как по ковру, иду.
Но почему-то опять, опять
Снежную зиму жду.

В каждом времени года я побывал,
Зиму, осень, весну вспоминаю,
Помню лето, которое я повидал...
Что же лучше из них?
Я не знаю.

Дождь

Сначала был он тучей,
Пролиться не хотел,
Бродил по небу долго
И сверху вниз глядел.

Текли за тучей туча,
Как хмурая река,
Цеплялись за вершины
Лохматые бока.

Вдруг дождь меня увидел,
И друга моего
И видно рассердился,
Не знаю на кого.

И ливень вниз сорвался,
Ударил в спины нам.
До дома гнался, гнался,
За нами по пятам.

Добрый конь

Жил да был
Красивый конь,
Добрый конь,
Сильный конь.

Был он молод
И здоров,
Перевёз он
Горы дров.
Дождь ли, ветер -
Всё равно
Вёз на мельницу
Зерно.

А в погожий день,
Весной,
Взял себе он
Выходной.

Посадил в арбу
Ребят,
Всех подряд,
Всех подряд.
И покуда не устал,
Сильный конь,
Резвый конь,
По степи детей катал

Добрый конь,
Весёлый конь.

Играй, моя дудочка!

Играй, моя дудочка,
Длу-длу-длу,
Заливайся, дудочка,
Длу-длу-длу!

Пусть трава послушает
И цветы,
Серп луны прищурится
С высоты.

Пусть услышит мама,
Выйдет за порог:
- Вот идёт с покоса
Мой сынок!

Видишь, окна святятся
Там, вдали.
Все. Спасибо, дудочка.
Мы пришли.

Мячик Эзиза

Жил-был на свете мальчик,
А у него был мячик.
Жил мальчик. Долго спал он,
Потом весь день зевал,
И мячик где попало,
Бывало, забывал.
А мячик звали Солнцем -
Скучать он не хотел,
Однажды вместе с ветром
На небо улетел.
Да, мячик-Солнце в небо
Взвился - и был таков,
С тех пор никак не хочет
Спуститься с облаков.

Я считаю

Возвращается вечером стадо.
Сосчитать бы коровушек надо.

Начинаю по пальцам считать:
Раз, два, три... три, четыре и пять,
Шесть, семь, восемь... Стою, вспоминаю,
Как же дальше считают? Не знаю.

А коровы идут. Погодите,
Отдохните же, не уходите!
Сколько вас. Вы не знаете сами,
Раз, два, три... три, четыре и пять...

Я сейчас, только сбегая к маме
И спрошу, как мне дальше считать!

Гора

Седые горы из окна видны,
В селенье упираются они.
И вот однажды отправлюсь в путь
На спины их блестящие взглянуть.

Нет, не устану и не побоюсь,
На самую вершину заберусь,
Над облаками вырасту с утра.
И стану выше. Выше, чем гора.

Луна гуляет

Блестит луна. Плывёт в ночи.

Ей с вечера не спится.

Спускаются её лучи

На ветки, словно птицы.

Под ней пустыня чутко спит,

Остывшим жаром дышит.

В селенье где-то дверь скрипит,

И тихий голос слышен.

А вот колышется река,

Как сотни паутинок...

Луну качают облака

На крыльях лебединых.

Такая в мире тишина,

Всё-всё кругом уснуло.

... Склонила голову луна

И на холме вздремнула.

Бабушкины очки

Есть у бабушки очки,
Не очки, а чудак!

Их напяливаю я
И гляжу на воробья -
До упаду я смеюсь:
Воробей большой, как гусь!

Посмотрев на муравья,
Ослика увидел я.
Вот и снова хохочу,
Сесть на ослика хочу.

Я гляжу во все глаза -
Это просто чудеса:
Побежал мышонок в угол -
Показалось, он захрюкал!

Найдёт звезду

У каждого человека есть своя звезда,
кто ищет ее, тот найдёт.

(Народная мудрость)

На земле расстилая ойлоук -
Свою чёрную бурку пастушью, -
С неба вечер спустился,
Заглянул он в пещеру,
Потом на равнине улёгся,
На песках,
На такыре*,
На листьях -
Ладонках деревьев.
И одна за другой

Звезды, как угольки,
С неба в тихую воду упали.
Вот парнишка сидит,
Жадно в озеро смотрит
И не может он глаз отвести
От падучих мерцающих звезд.
Его имя - Ильяс.

*Такыр - бесплодная пустынная местность.

Нет, совсем не рыбак он,
Хотя каждый вечер
Сюда прибегает.

Только звезды мигнут -
Им парнишка моргает в ответ.
- Звезды, - шепчет он, - жду вас,
Плывите быстрее ко мне! -
Вынимает он красное яблоко: -
Вот вам, берите! -
Но вдали улыбаются звезды
И к берегу плыть не хотят.

Крошки хлеба бросает Ильяс
Как приманку, -
Может, звезды
Поближе к нему подплывут.
Полосатый телёнок
Ведь тоже не сразу
К нему подошёл,
Когда угощали его отрубями
И свежей травой.

Но звезды к нему не плывут,
Ну и странные звезды!

Застыли на месте
И только мерцают слегка.

Попробовал он
Насадить червяка
И удочку на ночь оставить,
Но утром лишь рыбку нашёл на крючке,
А звезду не поймал.

Снова вечер настал,
И парнишка решил:
Их, наверное, ловят руками, -
И в прохладное озеро
Он, озираясь, вошёл.

Но звезды одна за другой
От него убегали.
- Звёзды, звёзды, куда вы? -
Кричал им Ильяс
И вернулся на берег:
Воды слишком глубоки,
Чтоб плавать без устали.
- Слышите, звёзды, -
Шептал он в вечернее небо, -
С надеждой своей не расстанусь,
Добуду я вас!...
И опять,

Когда звёзды попадали в воду,
Он на берег пришёл
И в вечернее озеро прыгнул.
Он скользил по воде,
А звезда от него убегала,
И одна, и другая, -
Все звёзды стремглав разбежались.
- Погодите, - кричал им Ильяс, -
Поиграйте со мною! -
И гонялся за ними,
И радостно плавал, как рыба,
И забыл обо всем...
Стало небо светлеть,
Показалось багровое солнце,
Звёзды в озере скрылись куда-то,
То ль на дно, то ли рыбы сглотнули.

И опять без звезды он вернулся.
Но я верю в такое упорство -
Он найдёт, доберётся, сумеет,
Он достанет звезду этот мальчик!

...Снова в озере звёзды рождались,
Снова мальчик за ними гонялся.

Я стал взрослым

Пастух колхозный мой отец,
Он бродит по пустыне,
Пасёт ягняток и овец,
Ночует вместе с ними.

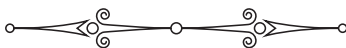
Есть у него верблюд с горбом,
Медлительный, послушный,
Он воду носит за отцом,
Кибитку - дом пастуший.
Вчера пришёл отец домой -
Неделю передышка.
Прошу: - Возьми меня с собой!
- Ты мал еще, сынишка.

Как мне быстрее подрасти,
Догнать скорее папку?
Придумал! Надо мне найти
Пастушескую шапку.

Большую шапку я надел,
Высокую папаху,
И долго в зеркало глядел,
Похож ли я на папу?

Потом напялил сапоги
И палку взял пастушью.
Я взрослым стал. Отец, гляди:
Расту же я, расту же!

Ночь

Выползла
Чёрная ночь из-за гор,
Медленно
Вышла она
На простор.

Двигается к берегу
Сонной реки,
Гасит
Один за другим
Огоньки.
В ней потерялась
Лисья нора,
Тонут и тонут
Дома
До утра.

В ночь падают птицы
Чернее угля,
Глощает деревья она
И поля.

В дом пробралась,
Затенила кровать...
Глаза закрываются.
Хочется спать.

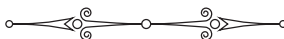

Если бы

- Черепаха-черепаха,
Удивляешь ты меня:
Еле ходишь, черепаха,
Не догнать тебе коня!

- Нету у меня хлыста
Вроде конского хвоста.
Хоть бы кисточка была,
Всех бы я перегнала!

Где спит солнце

Закат мне не раз
Удалось повидать.
Где солнышко спит,
Я не мог угадать.
Однажды я долго
У моря бродил
И зорко
За солнцем закатным
Следил.

Увидел, как в море
Садится оно
И с рыбками, видно,
Там спит заодно.

Я спрашиваю

Я думаю,
В постели засыпая:
День светлый почему,
А ночь - слепая?

Откуда мамы, бабушки
Берутся?
Их спросишь, а в ответ
Они смеются.

Еще один вопрос
Меня тревожит:
Летает птица почему,
А ослик наш - не может?

Так каждый день -
Проснусь я на рассвете,
И в голове опять
Вопросы эти.

Холмы

Холмы в степи похожи на подушки,
Поставленные рядышком друг к дружке.
Зимой они белеют снежным цветом,
Зелёные - весной, желтеют - летом.

А осенью подушки так сверкают -
По ним дожди осенние стекают.
И овцы головы на них положат
И ночью спят, и видят сны, быть может.

Счастье

Счастье - что это?
Знаете вы или нет?
Есть ли руки у счастья,
И ноги, и след?

Может, счастье -
Белеющий снег по утрам
Или скачущий в знойной пустыне
Джейран?

Может, счастье - очаг
Или пламени взлёт?
«Ах ты, счастье моё», -
Мать братишку зовет.

Счастье, может быть, сом,
Уходящий на дно?
Или тот крокодил,
Что я видел в кино?

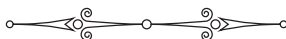
Как же выглядит счастье?
Кто счастье найдёт?
Может, счастье - дорога,
Что к дому ведёт?

Стрекоза

Еще до восхода, росистым рассветом,
Взмывая над спящей землей полукругом,
Жужжит стрекоза над синеющим летом,
Над лесом, над ярко пестреющим лугом.

Как аэродром, лист зелёный ей нужен -
На нём отдыхает, листочек колышет.
Летает она самолёта не хуже,
Но только в полёте поёт чуть потише.

Жеребёнок

Мой жеребёнок поскакал,
И я за ним бегу.
Люблю я бегать, и его
Перескакать смогу.

Отстали все мои друзья:
Сары, Ильяс, Бяшим,
Лишь жеребёнок мой да я
Вперегонки бежим.

Пока он превзошёл меня
Умением своим,
Но ничего, дождусь я дня
И потягаюсь с ним!

Непонятливая бабушка

Я бабушку не понимаю,
Меня ругает целый день:
- Не стыдно ли тебе, лентяю,
Когда ты переборешь лень?

А мне все это слушать странно:
Мол, надо подыматься рано,
Зачем-то застилать кровать
И покрывалом укрывать.

Пусть лучше всё лежит как было, -
Наверно, бабушка забыла,
Что скоро вечер, и опять
Придётся мне ложиться спать!

Купаемся!

В жаркий полдень
Я дома сидеть
Не могу -
У арыка ищи меня,
На берегу.

В этот час
Здесь ребят и девчонок
Полно,
Я купаюсь,
И ослик со мной заодно.

И щенок
Свою мордочку
С визгом
Подставляет
Сверкающим брызгам.

Даже солнцу
Купаться пора, -
И ему надоела жара.

Пусть в прохладный арык
Окунётся,
А потом уж на небо вернётся!

Письмо

Мы прошли все буквы
Букваря,
И теперь все буквы
Знаю я!

Я конверт у мамы
 Попрошу
И письмо братишке
Напишу.

Ох, доволен будет
Старший брат!
На заставе служит,
Он - солдат.

Папа, мама,
Брату написал.
Хоть всего два слова,
Но ведь сам!

Сенокос

Серп блестящий за пояс заткну
И лепешку в платок заверну,
Через сад на поляну спешу,
Ох, сегодня травы накошу!

Озеро на пути у меня,
Родничок на пути у меня,
Жаворонок кружит надо мной,
И ковёр под ногами цветной.

Я ковер потревожить боюсь,
Как серпом я к нему прикоснусь?
Как я эту лужайку скошу,
Сена как из неё засушу?

Нет, пожалуй, вернусь-ка домой.
Но барашек расстроится мой,
Недовольно заблеет он: «М-ме-е,
Мне сенца не запас ты к зим-ме-е!».

И корова-пеструшка придет,
Грустно морду свою задерёт.

«М-му, где сено?» - она промычит
И, обиженная, замолчит.

Долго в травах раздумывал я...
Вдруг шипенье. Спасите! Змея!
Как веревка, она извилась
И, на солнце блестя, напряглась.

Испугался я и задрожал,
Ног не чуя, домой побежал.

И змея не из храбрых была -
Поскорее в нору уползла.

Тем и кончился мой сенокос:
Никому я травы не принёс.

Когда у нас зима

Когда у нас зима
В Туркмении, в песках?
Когда во двор сосед
Выходит в сапогах,

Когда колёсный след
Порошей замело,
И с неба сыплет снег,
Искристый, как стекло,

И в арычке вода
Притихла, не журчит,
И бабушка когда
Придвинется к печи.

Несушка

Кудахтала несушка
На все село,
Кудахтала несушка,
А время шло.

И восемь крохотных цыплят,
Раскрыв глаза, на мир глядят.

Утро

Светлеет за окном.
Еще молчит село.
Но петухи кричат:
- Вставайте! Рассвело!

Ку-ка-кукареку! -
Чуть свет они поют:
Пусть люди не проспят
И побыстрее встают.

В полях работа ждёт
Их, наших пап и мам,
Они душистый хлеб
Испечь успеют нам,
И трактор заведут,
И напоят сады,
И дыни тоже зреть
Не будут без воды.

Коровы не найдут
Траву без пастуха
И утром не дадут
Парного молока.

Горланят петухи,
Кричат на все село:
- Ку-ка-кукареку!
Вставайте! Рассвело!

Мои краски

Солнце красное я нарисую,
Как разрезанный спелый арбуз,
Тёплый солнечный луч принесу я
Прямо в заячий домик, под куст.

Краска жёлтая мягко ложится
Прошлогодним осенним ковром,
Разноцветные яркие птицы
Осторожно уселись на нём.

И теперь я коричневой краской
Лошадей нарисую вдали,
А зелёной - весеннюю травку,
Пусть пробьётся она из земли.

Приготовил я черную краску,
В небе звёзды пора зажигать,
В эту ночь, словно в мамину сказку,
Все войдут, кому хочется спать.

Мой скакун

Я травую вкусной
Ослика кормлю,
Подрастай, мой ослик,
Я тебя люблю!

Маленький покуда,
Но красив уже:
Даже у верблюда
Нет таких ушей!

Будь сегодня, ослик.
Боевым конем,
Как герой Гёроглы,
Поскачу на нём.

Мои друзья

Он всегда со мной, мой кот,
Я его люблю.
Сливов мама мне нальёт -
Поровну делю.

Марширует мой петух,
Как в строю солдат.
Я шагаю рядом с ним,
Будто на парад.

Пусть гуляет мой щенок,
Пусть себе идёт.
Не заблудится щенок,
Дом всегда найдёт.

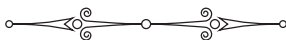
Вот и ослик! Стать хочу
Дедушкой сейчас,
Чтоб на ослике верхом
Ехать не стыдась.

Ласков верблюжонок мой,
Но подрос теперь:

Я б его привёл домой -
Не проходит в дверь!

Мой ягнёночек, я здесь,
Блеешь ты не зря,
«Принеси-ка мне поесть!» -
Просишь у меня.

Только жеребёнок днем
Не даётся мне.
Можно, ночью я на нём
Поскачу во сне.

Скажи, водичка

- Скажи-ка нам, водичка,
Журчащая водичка,
Ты где же пропадала,
Таилась до сих пор?

- Была я белой льдиной,
Застывшею лавиной
Лежала на вершинах
Далёких синих гор,

Пока однажды летом
По скалам разогретым
Гора мне разрешила
Ручьями хлынуть вниз...

- А раньше кем была ты?
- То облаком кудлатым,
То дождиком хвостатым,
Что над землёй повис.

- Ну, а теперь куда же,
Водичка, держишь путь?
- Теперь спешу я к морю,
Там, в голубом просторе,
Хочу передохнуть!

Морские кони

Прибой гудит сердито
И цокает: чак-чак,
Как будто бы копыта
Морских коней стучат.

А волны - чем не кони!
Взвиваясь на дыбы,
Седые гривы клонят
На взмыленные лбы.

Они взмывают круче,
Вздыхают все шумней -
Глянь, превратилось в тучу
Дыхание коней.

Летит морская конница,
Бесчисленная рать,
Таинственная конница -
Считать - не сосчитать!

Ворона

- Ты, ворона, всех пугаешь:
«Кар-р, кар-р, кар-рр!»,
Может, ты кого ругаешь:
«Кар-р, кар-р, кар-рр?!».

- Нет же, - отвечала птица,
В школу я пойду учиться,
И с тебя беру пример -
Повторяю букву «р»:
Кар-р, кар-р, карр!

Идёт верблюд

Идёт верблюд
К подножью гор,
Идёт раскачивая горб,
В песок вминая пятки,
Как круглые печатки.

В пустыне суслики снуют
И смотрят, как бредёт верблюд -
Хотят они, как люди,
Проехать на верблюде.

Кататься им не довелось,
Но любят суслики до слёз
Верблюда поступь мерную -
Им кажется, наверно,
Что не пустой идёт верблюд,
А суслики на нём плывут
И сверху смотрят тоже
На горное подножье.

Первое знакомство

Туркменский поэт Агагельды Алланазаров родился на жарком юге нашей страны, недалеко от города Кушка. Рос Агагельды в большой и дружной семье колхозника - десять братишек и сестрёнок играли с ним. Наверное, будущий поэт был любознательным мальчиком: наблюдал, удивлялся, запоминал самое интересное. Так мне кажется, хотя в те годы мы с Агагельды ещё не были знакомы и жили далеко друг от друга.

Впервые увидел я Агагельды Алланазарова много лет спустя, в Москве, где молодой поэт после службы в Армии учился в Литературном институте им. М. Горького. Агагельды и здесь, в столице, жадно тянулся ко всему новому, не переставал удивляться и запоминать. Особенно нравились ему московские театры. Студент Алланазаров поступил в театр пожарником - теперь он мог проводить по несколько часов в день рядом со сценой, видеть не только спектакли, но и репетиции, дышать волшебным воздухом театра. А поздно вечером, вернувшись в студенческое общежитие, Агагельды вспоминал родной аул, свое детство и писал по-туркменски стихи для ребят: о мальчишке, который, играя на дудочке, возвращается с сенокоса, о весенних

дождинках, падающих с неба, словно арбузные косточки, о добром коне, что катает ребятишек по степи... Мне понравились эти стихи, весёлые, добрые и нежные, и я попытался пересказать их для русского читателя.

Сейчас Агагельды Алланазаров живёт и работает в Ашхабаде, и продолжает писать стихи. Я уверен, мы с вами прочитаем ещё не одну новую книгу талантливого поэта.

Я. Аким
1979г.

Я среди
мастеров

Переводы Владимира Орлова

Из сердца в сердце

Что рождает настоящего поэта? Для чего он живёт на земле?

Какую пользу приносят стихи и песни поэта?

Если внимательно прочесть новую книгу стихов туркменского поэта Агагельды Алланазарова, то ответить на эти вопросы можно легко и просто: настоящего поэта рождает любовь к родной земле, к ее людям, к ее природе. Наверное, земля и народ постоянно заботятся о том, чтобы добрым сердцем и звонким языком воспевалась красота родного края, боль и радость, подвиг и слава Человека - хозяина своей земли.

Вот потому и рождается, живёт на земле поэт.

Голос поэта - голос народа. Сердце поэта - сердце народа. Мысли поэта - мысли народа. Благодаря голосу, мыслям и сердцу поэта люди лучше понимают себя и друг друга. Слушая стихи и песни поэта, они еще больше начинают любить родную землю.

Агагельды Алланазаров - настоящий поэт. Даже тот, кто ни разу не бывал в Туркмении, не видел ее суровой и гордой красоты, не знаком с ее сердечным, мужественным и трудолюбивым народом, узнают и полюбят этот край, прочитав стихи Агагельды

Алланазарова. А такое возможно только при встрече с настоящей поэзией.

В одном из своих стихотворений, посвященных Туркменистану, он пишет:

*Все прошлое твое живёт во мне,
Достоинство твое живёт во мне.
Во мне стучат сердца далёких предков:
Их боль и радость - все живёт во мне.*

Предки Агагельды Алланазарова — люди-труженики, люди-воины. Не зря от поколения к поколению туркменского народа переходит книга героического эпоса о подвигах богатыря Гёроглы, который бесстрашно защищал родную землю от врагов. Эту книгу по вечерам у очага читал вслух своим старшим детям отец Агагельды Алланазарова.

Он был немногословным человеком: о его делах лучше всяких слов говорили его натруженные руки - руки тракториста, руководителя тракторной бригады. Не слова, а дела отца служили примером для его десяти детей: он им тоже казался богатырем, подобным Гёроглы, беззаветно любящим свою землю, украшающим ее садами и виноградниками, выращивающим на ней хлопок и пшеницу.

Из рассказов отца дети знали, что многие туркменские солдаты, защищавшие Родину во время Великой Отечественной войны, не расставались

на фронте с книгой о Гёроглы. Эта книга учила их мужеству, и бывало так, что, пробитая пулями и осколками, спасала жизнь солдату.

Пока отец читал эпос старшим детям, младшие слушали сказки. Их придумывала бабушка Амангуль. Какие это были сказки! В них оживали заснеженные горы, с трех сторон окружавшие родной аул будущего поэта Меручак, горная речка Мургаб разговаривала человеческим языком, дикие кабаны, лисы и шакалы в густых зарослях долины сговаривались, как лучше обхитрить сторожа бахчи и полакомиться сладкой, как мед, дыней или сахаристым арбузом...

Эти сказки, а позднее и эпос жадно слушал маленький Агагельды, еще не зная, как потом они пригодятся ему в жизни, как помогут в трудной солдатской службе в воздушно-десантных войсках, где он совершил сорок девять прыжков с парашютом, как помогут они ему осваивать поэтическое мастерство в литературном институте имени А.М.Горького и писать потом добрые, мужественные стихи для детей.

Я был однажды свидетелем спора между младшими детьми Агагельды Алланазарова. Каждый из них доказывал, что именно он больше других любит отца. Но не только родные дети любят, тянутся к этому человеку. Каким добрым светом и благодарностью сияют глаза ребят-школьников, когда поэт читает им свои стихи! Ведь недаром говорят: что из сердца выйдет — в сердце войдет.

Сегодня Агагельды Алланазаров - признанный детский писатель.

Он - автор десятка сборников стихов и прозаических произведений. Им гордятся в родном ауле, где до сих пор живут его братья и сестры, ставшие трактористами, колхозниками, учителями. Агагельды Алланазаров воспевает родную землю, людей, живущих на ней, и люди платят ему за это любовью и благодарностью, понимая, что только настоящий поэт может написать такие прекрасные строки, посвящённые Туркмении:

*Твоя судьба счастливая - во мне,
Грядущее твоё живёт во мне.
Твоя земля, вода твоя и слово
Живут, звенят и здравствуют во мне.*

*Что б ни стало со мною - ты во мне,
Что бы ни было с тобою - ты во мне.
В твоей крови навек я растворился:
Живу в тебе, а ты живёшь во мне.*

В. Орлов
1986г.

В летний денёк

Солнышко стало
С утра припекать.
День разгорается -
Жаркий и ясный.
Если хотите
Меня разыскать,
Дома меня
Не ищите напрасно.

Дома не высидишь
В летний денёк -
Я - на арыке
До самых потёмок.
Ослик со мной
И весёлый щенок.
Много мальчишек
И много девчонок.

Мяч разноцветный
Летит над водой.
Брызги взлетают
И звонкие песни.

Солнышко с нами
Купается вместе
И дотемна не уходит
Домой.

Хороший кот

В глазах кота
Пылает жар -
На мышку смотрит
Кот:
Она настроила дутар -
Танцует и поет.
Из телевизора звучит
Мышиный перепляс,
А кот молчит,
Хвостом стучит,
И щурит
Жёлтый глаз:
Как пляшет мышка!
Как поет!
А я ее не съел
Какой же я
Хороший кот -
Артистку пожалел.

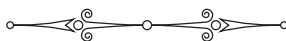
Бабушкина колыбельная

Спи, внучок,
Усни, внучок.
Ляг удобней
На бочок.
Спи, мой маленький
Ребёнок,
И представь,
Что ты котёнок.
На кошме
Ты сладко спишь
И усами
Шевелишь.

Спи, внучок,
Усни, внучок.
Ляг удобней
На бочок.
А сейчас ты
Не ребёнок,
А сейчас ты -
Верблюжонок.
У тебя высокий
Рост,
И совсем короткий
Хвост.

Спи, внучок,
Усни, внучок.
Ляг удобней
На бочок,
Спи, мой маленький
Ребёнок,
И представь,
Что ты - ягнёнок.
Ты бодаешься
С дубком,
И несёшься
За щенком.

Спи, внучок,
Усни, внучок.
Ляг удобней
На бочок.
Звёзды щурятся
От ветра,
Ночь проходит
Незаметно.
Не успеешь утром
Встать -
Станешь мальчиком
Опять.

Доброе слово

На тропинке
Улегся верблюд -
И верблюды порой
Устают.
Он спокойно
Лежит на пути -
Невозможно
Его обойти.
- Что разлётся! -
Сказала корова, -
Не нашел себе
Места другого?
- До чего же
Нахальный, однако! -
На него зарычала
Собака.

- Убирайся! -
Заблеял баран, -
А иначе
Мы вызовем кран!
- Дорогой! -

Промурлыкала кошка, -
Очень узкая
Эта дорожка!
Мы не можем
Тебя обойти!
Ты, пожалуйста,
Дай нам пройти!
Дома всех
С нетерпением ждут!
... И покорно поднялся
Верблюд.

Шакал на дереве

Перепуганный шакал
От собаки удирал.
Оглядеться не успел,
Как на дерево взлетел.

Отдышался,
Заморгал:
- Как же я сюда попал?
Раньше
Просто никогда
Не залез бы я сюда!
- М-да, -
Сказал себе шакал, -
Я и не подозревал,
Что взобраться высоко
С перепугу так легко!

Шла собака

Как-то шла собака
Из села в село,
Чтоб найти работу,
Ласку и тепло.
Только пса повсюду
Прогоняли прочь.
В зарослях однажды
Он провёл всю ночь,
И нашёл там волчью
Старую нору,
И оттуда волком
Вышел поутру.

Птичка-счетовод

Я иду на работу,
А после - с работы,
А на дереве будто бы
Щёлкают счёты.

Щёлк да щёлк наверху -
Что за голос у птички?
Видно, что-то считает
Она по привычке!

Щёлк да щёлк - и уже
Пересчитаны мушки,
На арбе старичок
И четыре старушки.

Пересчитаны куры,
Ослы и бараны,
На строительстве школы -
Подъёмные краны.

Щёлк да щёлк - и меня
Сосчитала, наверно:

- Погоди, погоди,
Ты считаешь неверно!

Я стою на тропе
И не прячу улыбку:
- Птичка, видимо, ты
Допустила ошибку!

Сосчитала ты дважды
Меня, вероятно!
Потому, что прошёл
Я туда и обратно!

Подарок

Мы свою собаку
От зимы спасли:
Мы своей собаке
Шубу принесли.

Собрались мы вместе,
Стали мы вокруг:
Как приятно, если
Радуетя друг.

Говорит собака:
- До чего приятно!
Шуба дорогая!
И совсем бесплатно!
Только в новой шубе
Не нуждаюсь я!
Для чего мне шуба?
У меня - своя!

В магазин снесите
Шубу дорогую,
А взамен возьмите
Косточку мясную!

А как у вас?

К порогу школы прикатили,
Не пряча важности в себе,
Сын чабана в автомобиле,
Сын бригадира на арбе.
А председательский сынок
Пешком приплелся на урок.
Так происходит всякий раз.
А интересно, как у вас?

Первая работа

Были туфли отца
Велики и смешны:
Вот такой ширины,
Вышины и длины!

Я решил их уменьшить
И сузить решил,
И сперва их ножом
Целый час потрошил.

Оказалось, что туфли
Ножом потрошить
Было легче гораздо,
Чем заново шить!

От волнения пот
Вытираю с лица,
И глаза не могу я
Поднять на отца.

И смеются морщинки
У ласковых глаз:
- Ничего, ничего!
Будет мастер у нас!

Снежный пух

Все деревья возле дома
Нарядились в белый пух:
Все, что было так знакомо,
Незнакомым стало вдруг!
Что за белая картина! -
Дом пушистый,
И - порог!
Во дворе лежит перина
Выше папиных сапог!
Этот пух -
Душистый, нежный
Скоро станет под рукой
Верблюжонком белоснежным
И стеною крепостной!

На границе

На горе -
Пограничная вышка,
Над горою -
Табун облаков.
А кругом,
Как раскрытая книжка,
Необъятное море
Песков.

Эту книжку
Любой пограничник
Наизусть прочитает
Во сне.
Тут любой пограничник -
Отличник,
Это знают
На той стороне.

Здесь устав и учёба
В почёте,
До песчинки

Прочёсан песок.

Здесь ворона -

И та на учёте,

На учёте -

Любой стебелёк.

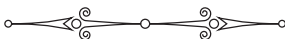
В чём я виноват?

Не знаю, за что
Я наказан так строго?
И в чем перед мамой
Я был виноват?
Я сахара взял из буфета,
Немного
Отсыпал конфет,
Отломил шоколад.
Конфеты сначала
Я дал нашей кошке,
Ослу предложил,
Разделив на двоих.
Но скромная кошка
Не съела ни крошки,
А гордый осел
Отвернулся от них.
Позвал я собаку свою -
Алабая,
Я знаю - способности есть
У него:
Ему шоколад по кусочкам

Бросаю,
Он - хап! - и без промаха
Ловит его!
Потом я решил
Поделиться с овечкой -
Овечка сбежала
От этой еды,
Тогда я остатки
Рассыпал над речкой -
Пусть рыбки попробуют
Сладкой еды.

Зачем же бранится
И сердится мама?
Ведь я же вернулся
И все объяснил!
Не скушал я сам
Ни кусочка, ни грамма -
Я сладости поровну
Всем разделил!

Часы

По часам я себя проверяю,
Я давно это делать привык.
Я уже хорошо понимаю
Их особый и точный язык.

Я когда-то обидел сестрёнку,
Леденец у нее отобрал,
Мне часы повторили тихонько:
- Ты не прав!

Ты не прав,
Ты не прав.

Мне потом леденец подарили,
Я сестре подарил леденец.
Трижды тихо часы повторили:
Молодец.

Молодец.
Молодец.

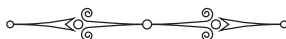
Может, это на сказку похоже,
Может быть, я немного чудака.
Но тебе я советую тоже:
Делай так,

Делай так,
Делай так.

Маяк

И ветром испытан,
И штормом испытан,
Он тянет к себе корабли,
Как магнитом.
Горит до рассвета,
Покоя не зная,
Собою морские сердца
Согревая.

Пока не стану Дедом Морозом

С удовольствием падают
На землю снежинки.
Малым и взрослым
Цель снега ясна.
И на этот раз он пришёл,
Чтоб все обелить,
Всё повсюду побелить.

И над моей головой
Кружится он.
А я стою, не шевелясь,
Во дворе, как часовой.
Не войду я в дом
Пока хорошенько не побелею.
Вернуться я хочу с мороза
В белой шубе Дед Морозом.

Забывчивые котята

Три брата котёнка
Мечтали о мышке.
Кастрюлю нашли,
Накололи дровишки.
Решили они
Приготовить обед -
Ведь блюда на свете
Чудеснее нет.
За старым сараем
Три брата котёнка
Под вечер поймали
Худого мышонка.
Чтоб стал он крупнее
И толще чуть-чуть,
Котята решили
Мышонка раздуть.
И вот принялись
За работу котята:
Они раздували его
До заката.
Когда же взошла
Над сараем луна,

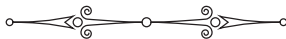
Они из мышонка
Раздули слона.
Котята в испуге,
Стоят на коленях
И просят пощады.
Не могут от страха
Припомнить того,
Что сами они
И раздули его.

Обиженный ветерок

В жаркий, солнечный денёк,
В небе над пустынею,
Быстроногий ветерок
Бегал с хвостотиною.
Пробежал он в летний зной
Все пути небесные,
Собирая над землей
Облака окрестные.
А когда все облака
Были в небе собраны,
Не нашли для ветерка
Люди слова доброго.
Сколько он потратил сил,
Проявил старания,
Но никто не обратил
На него внимания!

Возмущенная ворона

Я не хуже,
Чем другая птичка -
Вышла я
Из белого яичка,
Быть должна
Белее молока я!
Почему ж я чёрная
Такая!

Мой братишка

Мой братишка младший
Бегаёт весёлый,
Целый день смеётся,
Взрослых теребя.
И, хотя братишка
Не дорос до школы,
Все же повзрослевшим
Чувствует себя.
Папа улыбнулся:
- Подрастай, сынишка!
Дед его погладил:
- Подрастай, внучок!
До чего счастливый
У меня братишка -
Целый день сегодня
Радость у меня.

Жаворонок

- Скажи мне,
Жаворонок звонкий,
Скажи скорей,
Певец полей,
На чём висишь?
- На нитке тонкой,
На нитке песенки своей!
- Тогда скажи,
Зачем такая
Нужна для песни
Вышина?
- Чем выше в небо
Я взлетаю,
Тем дальше песенка слышна!

СТИХИ-ЗАГАДКИ

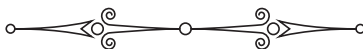
Живой мешок

Во дворе
Трава шуршит.
По траве
Мешок бежит.
А на нём иголки
Точно, как на ёлке.

Съедобный зонтик

От ливня тебя
Он укрыть не способен,
Зато он полезен,
Зато он съедобен.

Самоходная кибитка

Ни ворот
И ни калитки
У кибитки не найти.
И не выйти из кибитки,
И в кибитку не войти.
Спит хозяйка
День-деньской
Под бронёю
Костяной.

Незнакомые братья

Дружно живут они
В доме одном:
Смотрят кино
И читают вдвоём.
Вместе они
Закрывают ресницы,
Ночью им сон
Одинаковый снится.
Утром они
Просыпаются рядом,

Смотрят на все
Одинаковым взглядом.
Плачут вдвоем,
Коль приходится туго.
Но никогда не видали
Друг друга.

Дорожка

Дорожка бежит
И бежит подо мной:
Петляет, кружит
И несётся стрелой.

Дорожка немалый
Проделала путь.
Я вижу, что хочется
Ей отдохнуть.

Во двор к Марал
Забегала дорожка -
Дорожке пора
Отдышаться немножко!

Жаркий день

Уже разгорается
Солнце, как печка,
И в тень от забора
Уходит овечка.
Нас мама торопит:
- Вставайте, пара!
Поешьте, пока не настала
Жара!

У камня и дыни
Горячие спины,
И жар - над спиною
Забора из глины.
От солнца спасения
Нету нигде.
Скорее, скорее, скорее
К воде!
...И только под вечер
Остынут заборы,
Закатится солнце
За синие горы.
Но свет предвечерний
Прощальной зари
Оставит оно
У арбуза внутри!

Песенка жеребёнка

Я проснулся в ранний час
И помчался по дороге.
- Эй, смотрите, я сейчас
Жеребёнок быстроногий!
Ла-ла-лай,
Ла-ла-лай,
Жеребёнок быстроногий!
С высоты орёл глядит,
Смотрят горные отроги,
Как легко вперёд летит
Жеребёнок быстроногий!
Ла-ла-лай,
Ла-ла-лай,
Жеребёнок быстроногий!
Степь колышется вокруг,
По траве топочут ноги.
- Здравствуй, бабушка-пастух!
Я примчался для подмоги!
Ла-ла-лай,
Ла-ла-лай,
Жеребёнок быстроногий!

Если овцы выйдут в путь
И заблудятся в дороге,
Сможет стадо повернуть
Жеребёнок быстроногий!
Ла-ла-лай,
Ла-ла-лай,
Жеребёнок быстроногий!

К бабушке

У меня на ногах
Лёгкие ботинки.
Я бегу, я спешу
И не устаю.
Словно птицы летят
Ноги по тропинке,
Чтобы смог я обнять
Бабушку свою!

Вот уже позади
И река, и мостик,
Вот уже впереди
Домик вижу я.
Кто глядит из окна,
Ожидая гостя?
Ну, конечно, она -
Бабушка моя!

Скажет бабушка мне:
- До чего я рада!
Угощенье тебя
С нетерпеньем ждет! -

На столе у нее
Кисти винограда,
На столе у нее -
И урюк, и мед!
Помогу принести
Дыни с огорода.
Скажет бабушка мне:
- Ты хороший внук! -
Мне такие слова
Будут слаще меда,
Слаще будут, чем сам
Бабушкин урюк!
У меня на ногах
Лёгкие ботинки,
Вот уже под горой
Тополь промелькнул.
Словно птицы летят
Ноги по тропинке,
А навстречу спешит
Бабушкин аул!

Мой дед

Мой дед седобородый
Был добрый человек.
Ходил в цветном халате,
На голове - тельпек*.

Он мне оставил солнце
И звездочки с луной,
Цветущие тюльпаны
В пустыне золотой.

И чтоб в родном ауле
Я бегал, как в саду,
Сюда он как-то речку
Привёл на поводу.

Земля прохладной, сладкой
Водою напилась,
И птицы прилетели,
И рыба развелась.

* Тельпек - папаха.

Мой дед седобородый
Был добрый человек.
Мне всё богатство это
Оставил он навек.
Он и эти горы
Поставил по краям,
Чтоб внуку захотелось
Взобраться к облакам...

Ласковое солнышко

Рано утром
Солнышко проснулось,
Солнышку, как видно,
Не до сна:
Золотыми крыльями
Коснулось
Маленькой свирели
Чабана.
Никого оно
Не позабыло -
Винограду
Закрутило ус,
Персик и урюк
Позолотило,
Ласково погладило,
Каждого согрело
Теплым взглядом
И своей улыбкой
Золотой.
Возвратилось вечером
Со стадом,
А потом ушло
К себе домой.

Черепаха

- Ты скажи мне, черепаха,
Что с тобой?
Ты устала?
Ты измучена жарой?
Путь, наверное,
Становится тяжёл,
Если тащишь на себе
Такой котёл?
Или просто нет хлопот
И нет забот?
Очень медленно
Ты движешься вперед!

- Ошибаешься! -
Послышалось в ответ. -
Я в заботах провожу
Немало лет!
Путь, конечно же,
Становится тяжёл,
Если тащить на себе
Такой котёл!
Но без этого

Тяжёлого котла
Я бы очень беззащитною
Была!
Без него, возможно,
Было бы легко,
Только вряд ли
Я ушла бы далеко!
Потому я не жалею
И не злюсь,
А терпению и мудрости
Учусь.
Пусть мне холод угрожает
И жара -
Торопливость не доводит
До добра.
Дальний путь преодолевает
Только тот,
Кто умеет не спеша
Идти вперед!

Я друга потерял...

Что значит друга потерять,
Не каждому знакомо:
Не отзывается мой друг
На голос и на свист.
Остался дом его пустой,
И миска возле дома,
А рядом косточка лежит,
Которую он грыз.

Быть может, кто-нибудь из вас
Встречал его, ребята?
Я вам приметы назову:
Он весел, невысок,
Четыре лапы у него,
Он - рыжий и лохматый,
Метелкой - хвост,
И мокрый нос,
И чистый голосок.

Он не умеет умножать
И прибавлять не может,

Стихи читать не может вслух -
Хоть плачь, хоть умоляй.
Зато он очень хорошо
Любые кости гложет,
К тому же имя у него
Простое - Алабай.

Когда вы встретите его,
Узнаете в два счета:
Свисает красный язычок,
И уши с двух сторон.
Вы дайте косточку ему
И, если грызть начнет он,
Вы тут же сообщите мне:
Наверно, это - он!

Я среди мастеров

Утром встаю,
Выхожу из ворот.
Смотрю, как спешит
На работу народ,
Смотрю,
Как в любую погоду
С утра
По улице нашей
Идут мастера.

Вот тетя проходит,
Она мне знакома:
Живет она около
Нашего дома.
Халат ее белый
Мне тоже знаком -
Он фермою пахнет
И молоком.

Вот палки пастушьей
Доносится стук.
Из дома торопится

Дядя пастух.
Он мне улыбнулся,
Кивнул головой.
Он мне верблюжонка
Подарит весной.

А вот трактористы
На поле спешат
И каждого пахнет
Солярой бушлат.
Недавно служили
Четыре танкиста,
Теперь поступили они
В трактористы.

Проходит по улице
Дядя шофёр,
До ночи он возит
На стройку раствор.
Машина его
Называется ЗИЛ.
Недавно он к дому
Меня подвозил.

Я утром встаю.
Выхожу из ворот.
Смотрю, как спешит
На работу народ.
И вижу себя я
Среди мастеров:
Как будто бы я -
Поливальщик садов.
Вот мимо себя
Я сейчас прохожу -
И с гордостью
Сам на себя я гляжу!

Последняя рыбка

Быть может, в такое
Поверит не каждый,
Но вот что со мною
Случилось однажды.

Я с удочкой к морю
Пришёл на рассвете:
Спокойная гладь
Расстилалась кругом,
Заря поднималась
В малиновом свете
И весь горизонт
Укрывала крылом.

Проходит в тиши
За минутой минута,
Но рыбка моя
Не клюет почему-то.

Но вдруг поплавок
Заплясал и запрыгал,
Я удочку дернул,

Восторг затая,
И леску из моря
Я выдернул мигом:
И вот она -
Первая рыбка моя!
Стою возле моря,
Улыбки не пряча:
- Какая удача!
Какая удача!

И удочку в море
Забросил я снова,
Не слыша, как ветер
Унес тишину.
Стою и сижу
В ожидании лова,
И вижу, как ветер
Вздымает волну.

Ударили брызги,
Вода зарычала,
И сразу же вздрогнули
Стены причала.
Волна за волной
Загремели сурово,

Как будто кого-то
За что-то виня.
И каждая - ростом
С верблюда большого -
Идёт на меня
И шипит на меня!

Какое-то злое,
Ревущее море!
А может, у моря
Огромное горе?

Быть может, сейчас
Совершил я ошибку,
Хоть в ловле я был
Не совсем новичок?
Быть может, у моря
Последнюю рыбку,
Любимую рыбку
Поймал на крючок?

И, чтобы скорей
Успокоилось море,
Я выпустил рыбку:
- Живи на просторе!

И ветер утих,
И поверьте, что вскоре -
Я этим и сам
Надивиться не мог -
Вздохнуло слегка,
Успокоилось море,
И тихо-претихо
Легло возле ног.

Осёл

- Ты чего, осёл, ревёшь?
Что покоя не даёшь?
- А зачем ты мне принёс
Воду, сено и овёс?
Проявляешь ты заботу,
Чтобы выгнать на работу?

- Вовсе нет!

- Не может быть!
Так зачем меня кормить?
У тебя дела к соседу?
Хочешь съездить?

- Не поеду!

- Значит, нету срочных дел?

- Лишь одно: чтоб не ревел!
Ты обычно не ревёшь,
Если что-нибудь жуёшь!

Рыбак Юсуп

Рыбак Юсуп
Совсем не глуп.
Готов к рыбалке
Наш Юсуп.

В углу,
Поставленные в ряд
Четыре банки
С червяками,
Коробка -
С новыми крючками.

Стоят на кухне
Два ведра,
И соль стоит
На полке:
Ведь рыбы
Целая гора
Потребуется засолки!

Не позабыл он
Ничего
Для ловли и похода.
От зноя шляпа
У него
И плащ от непогоды.

Не будет бегать
Он домой -
Давно запаса
Он едой:
Есть брынза
И лепешка,
А также - нож
И ложка!

Рыбак Юсуп
Совсем не глуп.
Готов к рыбалке
Наш Юсуп!
Такие снасти
Он припас,
Что рыба вся
В реке у нас
От страха задрожала!

И слышен рыбий
Разговор:
«Спасаться просто
Глупо!».

...Хоть эта рыба
До сих пор
Не видела Юсупа!

Цветущая пустыня

С безоблачного неба
Лучами солнце льётся
На хлопковые ветки
На хлебные поля.
И красные тюльпаны,
Протягивает солнцу
Туркменская пустыня -
Цветущая земля.

Пасутся на просторе,
Верблюды, овцы, козы,
А самолёт над ними
Проходит на Москву...
Почтительно кивая
Знакомым тепловозам,
Шагают караваны,
По мягкому песку.

Где засуха стояла,
Травинки не жалея
Теперь поёт в арыках
Прохладная вода

По светлomu каналу,
Как будто по аллее,
Плывут неторопливо
Огромные суда.

Сады пустили корни,
И листья распустились.
Покрылся виноградник
Пыльцою золотой
Раскинулась широко
Цветущая пустыня
И зелени цветы
Как флаги над землей!

Верблюжонок

Без присмотра
Медленно,
Враскачку,
Кланаясь колючему
Ростку,
Важно пережёвывая жвачку,
Верблюжонок бродит
По песку.
Он один:
В пустыне у верблюда
С детства нету
Няньки ни одной.

И куда уйти ему
Отсюда? -
Ведь пустыня -
Дом его родной.

Наш зеленый крокодил

Переводы Юрия Кушака

Вам такое и не снилось!

Вы на речку посмотрите -
Вон верблюды плывет в корыте!
А кататься надоест -
Отдыхает, дыню ест.

Ну, а рыбы в этой речке,
Как в кольчугах человечки,
Маршируют
Ряд за рядом,
Сом командует парадом!

Там доходит до смешного,
Даже до нелепости!
Там вчера,
Даю вам слово,
Подрались две крепости!
В страшной ссоре
Башня с башней
Не поделят
День вчерашний!

Заряжают пушечки
Дынями старушечки,
А напротив старички
Не жалеют кабачки!
И весь город,
Словно градом,
Осыпают виноградом,
Помидорами, хурмой:
Хочешь есть -
Глаза закрой
Да разинь пошире рот -
Что-нибудь да попадёт!
А еще,
Даю вам слово,
Там летают все коровы,
Щиплют в небе облака:
Оттого нигде такого
Нет парного, молодого,
Голубого молока!

А потом приходит ночь -
Всех утешить, всем помочь,
Закрываются глаза,
Чтобы видеть чудеса.

Мой шар

Мой шар улетел,
Мой оранжевый шар,
Который я в пальцах
За нитку держал.

И вдруг его ветер
Унес за собой
Оранжевым облачком
В мир голубой!

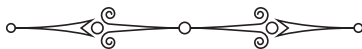
От нашей беседки,
От наших чинар
Все дальше, все выше
Качается шар.

В окно заглянул
На восьмом этаже -
Да, видно, хозяева
Не по душе!

И снова он ввысь
Потихоньку поплыл...
Я так
Ни один еще шар
Не любил!

Пускай он летит
Среди звёздных миров -
Ведь это мечта
Всех на свете шаров!

Коснулся Луны,
Но не хочет пристать!
Лишь те и видны,
Кто умеет летать.

Брат рассказывает сон

Брат рассказывает сон,
Как с акулой
Дрался он.

И сестра сказала:
- Ах!
И в глазах у мамы -
Страх!

Только я сказал:
- Не верю! -
И ушел,
И хлопнул дверью.

Я же этой
Ночью рядом
Спал в одной
Постели с братом,

Почему ж
Не снилось мне
То, что видел
Он во сне?

Кошка, кошка, не сердись!

Кошка норку сторожит,
Целый час в углу лежит:
«Только б вышла мышь-плутовка,
От меня не убежит!».

Кошка норку сторожит,
Два часа в углу лежит:
«Вот ленивая какая,
Прогуляться не спешит!».

Кошка норку сторожит,
Три часа уже лежит,
Но никто в мышинной норке
Не скребётся, не шуршит...

Кошка страшно возмутилась:
«Вот народ, скажи на милость!
Хитрецы! На воре вор!».
И в слезах ушла во двор.

Кошка, кошка, не сердись,
Мышки здесь перевелись!
Разбежались на обед
В те дома, где кошек нет.

Разговор с жирафой

- Эй, жирафа,
Ты не видела щенка?
- Ходит он
Или взлетает в облака?
- Нет, летать
Не приходилось малышу...
- Не видала!
Я под ноги не гляжу!

Весной

Машет в поле одуванчик
Мне папахой золотой,
А тюльпанчик,
Слово мальчик,
По пятам бежит за мной.

Так вокруг
Светло и чисто,
Пахнет солнышком трава,
Вьются пчелы,
Словно искры,
Просто кругом голова!

Сколько в птицах нетерпенья!
Птичья песня зелена,
И в зеленом этом пенье
Всё «Весна! Весна! Весна!».

К мамам ластятся ягнята
И глядят во все глаза:
Хороша, но страшновата
Голубая стрекоза!

И ягнят,
И птичье пенье
Унесу в душе с собой,
И как в детстве -
Удивленье
Перед этой красотой!

Снег-снежок

День-деньской
Снег-снежок
Каждый меряет шажок:
У больших и маленьких,
В башмаках и валенках.

Он со всех
Снимает мерку,
Приглашает
На примерку,
Но пока
И для щенка
Он не сшил
Ни сапожка!

Наш зелёный крокодил

Крокодилы где живут?
В Африке! В Африке!
Даже спорить глупо тут -
Ну, конечно, в Африке!
Однако тем не менее
Один живёт в Туркмении!
Совсем не страшен
Он на вид
И по-туркменски говорит.

Он вратарь.
Во время матча,
Он с утра
Бежит в кино.
Говорит:
- На все, без сдачи! -
Покупая эскимо.

А однажды,
А однажды
Он залез
В вагон багажный.

И отправился в аул,
Словно кожаный баул!

О пропавшем крокодиле
Слухи в городе ходили,
Мамы деток утешали,
Чтобы детки не сбежали:
Он вернется к нам опять,
Просто вышел погулять.

А у сельской ребятни
Замечательные дни!
Возит ослик крокодила -
Улыбается верзила,
Надоест ему кататься -
Всех ребят зовёт купаться!

До сих пор
В селенье этом
Вы услышите рассказ,
Как на речке
Прошлым летом
Крокодил мальчишку спас.
До сих пор
Хохочут люди,

Как он ездил на верблюде,
Как он хлопок облизал.
- Не пломбиррр! -
Р-рыча, сказал.
И поэтому был рад,
Что вернулся в Ашхабад.

Снова он
Спешит на матчи,
Снова он
Бежит в кино,
Говорит:
- На все, без сдачи!
Покупая эскимо.
Дети из дому ему
Тащат дыни и хурму.

Безобидней нету пасти
У того, кто любит сласти.
У кого друзья вокруг,
Тот и сам
Хороший друг!

Переводы Евгения Новичихина

Впервые туркменский поэт Агагельды Алланазаров появился на моем горизонте пять-шесть лет тому назад. Однажды, возвращаясь из поездки по Украине, мой друг - поэт Александр Лисняк при встрече радостно сообщил: «Я во время поездки познакомился с прекрасным поэтом из Туркмении. Я был свидетелем как хорошо принимает его чудесные стихи аудитория. Стихи пропитаны восточной мудростью и им присущ загадочный, тонкий юмор. Его надо немедленно побольше переводить для русских читателей. Он поэт твоего духа, и ты именно его должен переводить. Я ему уже о тебе рассказывал...».

Вот так и началось наше творческое сотрудничество с поэтом Агагельды Алланазаровым. Переводя его, я для себя открыл, что в Ашхабаде действительно живёт настоящий поэт с большой буквы.

Особенно меня очень заинтересовала и обрадовала «Весёлая Азбука»: добрые и действительно весёлые, умные стихи и проза. И, честное слово, давно не работал с таким удовольствием, с таким желанием. Надеюсь, она читателям тоже понравится.

Близко познакомившись с творчеством этого поэта,

я убедился, насколько точный диагноз поставил поэт-переводчик В. Орлов, написавший предисловие к одной из книг Агагельды Алланазарова, вышедшей в Москве: «Что рождает настоящего поэта?... Даже тот, кто ни разу не бывал в Туркмении, не видел ее суровой и гордой красоты, не знаком с ее сердечным, мужественным и трудолюбивым народом, узнают и полюбят этот край, прочитав стихи Агагельды Алланазарова. А такое возможно только при встрече с настоящей поэзией.».

Я уверен, прочитав «Весёлую Азбуку», читатель еще раз убедится в сказанном и о поэте Агагельды Алланазарове, и о его творчестве.

Е. Новичихин, поэт-переводчик.

Россия

1997г.

А

Арбуз

Арбуз с землёю, словно с соской,
Не расставаясь, воду пьёт.
На солнцепеке под матроской
Растёт один большой живот.

* * *

Рисую букву «А»

Я букву «А» рисую то и дело:
То на заборе, то раскрыв альбом,
То на асфальте, взяв кусочек мела,
То на большом листе карандашом.
Ведь эту букву я отлично знаю.
Вас научить? Ну что ж, начнем урок:
Туда-одна нога, сюда-другая,
А в середине палка поперек.

«А» на холме

Вдоль дороги идут-бредут телеграфные столбы. А на самом холме то ли столб, то ли буква «А» стоит. Подошёл Ата поближе: ну конечно, это буква «А». Ведь он с нею уже хорошо знаком. Стоит она и как будто кого-то ждёт.

- Буква «А», - спросил Ата, - ты кого это ждёшь?

- Жду своих сестёр и братьев, - ответила она.

- А где же они?

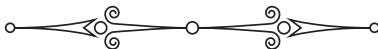
- А они должны идти за мной следом.

Буква «А» оглянулась:

- Посмотри-ка вон туда!

И в самом деле: от самого горизонта шагали по дороге буквы.

Шагали в стороны холма и напевали песенки...

Б

Баран

Баран и меня убедил,
Что мир интересен и мил.
- Бабочка! Бантик! Бутон!
Бе-е! Бе-е! - удивляется он.

Братья-ботинки

Вернулся Батыр из школы и торопливо стал разуваться. Да так спешил, что один ботинок в доме остался, а второй через порог перелетел. А ботинки-то, они - как братья. И не просто братья, а братья-близнецы. Привыкли они всегда бегать наперегонки, вместе в футбол играть. Один мяч пасует, другой гол забивает. Как быть друг без друга? Да и ночью, когда они рядышком, спокойнее и слаще спится.

Словом, обиделись ботинки на Батыра, крепко обиделись. Особенно тот, которого Батыр на улице ночевать оставил. Лежит левый ботинок на боку, а уснуть никак не может.

Пробежала мимо соседская собака.
Принюхалась, увидела ботинок и остановилась.

- Ботинок, это ты что ли?

- Я, соседка.

- Ах ты, бедняжка! - Тебя что, выкинули? -
посочувствовала собака.

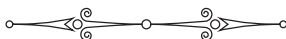
- Ну да, выбросили... - вздохнул ботинок.
Так тяжело вздохнул, что чуть по швам не
разошёлся.

- Бывает, значит, не нужен стал, - сказала
умудренная жизнью собака. - Нас, собак, тоже
нередко бросают. Пойдем со мной - может, кому-
то и пригодишься.

Взяла собака ботинок в зубы и унесла.

А утром стал Батыр в школу собираться.
Один ботинок нашёлся, а второго нет. Пришлось
босиком идти. А что делать? Ведь один ботинок
- уже не ботинок. Если у брата нет брата, то кому
же он брат?

В

Волк

Волк из села к себе домой
Вернулся без добычи злой:
- У-у-у-у, я не трус и не слабак,
Но как же много там собак!

Белая ворона

Молодая ворона совсем недавно научилась летать. Однажды, когда старшие вороны возились возле какого-то дома и что-то поклёвывали, она подошла поближе к входной двери. Там, в доме, была постелена кошма. Ворона вошла в дом и увидела, что на кошме разбросаны семечки и хлебные крошки. Ворона увидела на кошме и расчёску. Видно, какая-то девочка оставила ее здесь, расчесав волосы и торопясь в школу. Ворона заметила и зеркало, в которое смотрелась девочка. Взглянула ворона в зеркало и вдруг увидела в нём свое отражение. Ворона не узнала себя и удивленно спросила:

- Ой, ты кто?

Ворона в зеркале ничего не ответила. Она только повторила все движения нашей вороны. И тогда наша ворона, немного подумав, поняла, что в зеркале - она сама. Ворона очень удивилась. Она просто не верила своим глазам. Ведь родители всегда говорили ей ласково, восторженно:

- Ах ты, наша светленькая!

И ворона всегда была уверена, что она белая-белая - единственная среди всех ворон. А из зеркала на нее смотрело чёрное-пречёрное отражение. Ворона задумалась:

- Где же я так вымазалась? О какой же это казан я обтёрлась? А?

Г

Горы

Вершины гор похожи на ракеты,
А небо им лучи - сигналы шлёт.
И каждая зовет пилота: «Где ты?», -
Готовая отправиться в полёт.

Гордость

Холмы, сплошные холмы вокруг. Они похожи на верблюдов. Если верблюд присядет на песке, то он - как холм. Верблюжонок тоже живёт среди этих холмов. Здесь он совсем не чувствует себя одиноким. Какое там одиночество, если рядом - свои, похожие на тебя. Когда верблюжонок садится, то он сам похож на небольшой холмик. У него же, как и у всех верблюдов, - горб на спине. Верблюжонок очень любит свой горб. Он им просто гордится. Время от времени, поворачивая шею, смотрит на горб и любит его. Да и как не

любоваться, как не гордиться, если горб любому верблюду придаёт привлекательность. Однажды верблюжонок даже поехал в аул, чтобы показать свой любимый горб бабушке. И бабушка его горбом тоже была горда.

Д

Дождик

Дождик с нами на лугу
Поиграл охотно.
Нашим пяткам на бегу
Было так щекотно!

Дорогой камень

Однажды лиса водой из арыка огород поливала. Вдруг вода стала убывать. Видно, там, наверху, с арыком что-то случилось. Лисе очень хотелось узнать, в чём дело. И она пошла к источнику. Шла, шла, и через некоторое время дошла до гор. Здесь и был источник. Смотрит лиса и видит: огромный камень скатился с горной вершины и загородил путь воде. Лиса попыталась убрать камень с дороги. Но не вышло. Камень был очень тяжёлый, такой тяжёлый, что одной его никак не сдвинуть. Что же делать? Бегала, бегала лиса вокруг камня - и вдруг увидела медведя. Встала лиса перед камнем и, ласково не

него поглядывая, заговорила:

- Мой хороший.... Мой дорогой...

Медведь удивился:

- Лиса, ты чего так глядишь на него, на камень этот?

- Ой, дядя Медведь, даже не спрашивай. Долго-долго я искала его в горах. Наконец-то нашла! Это необыкновенный камень. Мы его вместе с братом искали...

- Что же это за камень? - продолжал удивляться медведь

- Это камень счастья, - сказала лиса. - Он приносит счастье каждому, кто им владеет.

- Ну да!... - засомневался медведь.

- На базаре за него дают большой кусок золота, - убеждала лиса.

Глаза у медведя загорелись:

- Это хорошо!

- Конечно, - сказала лиса. - Потому мы и искали его. И вот - нашли.

- Да, вам здорово повезло!

- Еще как!

Увидев, что медведь заинтересовался, лиса сказала:

- Дядя Медведь, у меня к вам просьба...

- Давай, валяй!

- Мой брат ушел в село. А я караулю камень. Что-то брата долго нет. Я пойду встречу его, ладно? Может, он заблудился где-нибудь?

Медведь все время думал о камне и, решив обмануть лису, охотно согласился:

- Ну, конечно, иди! Ступай! А я за камнем присмотрю.

- Я мигом. Одна нога здесь, другая там, - обрадовалась лиса.

- Да ты не спеши, - сказал медведь. - Я никуда не тороплюсь.

Когда лиса скрылась из виду, медведь поднял камень и взвалил себе на плечо. Согнувшись, он, торопясь, двинулся к себе домой. А лиса снова к арыку побежала, чтобы огород поливать. В арыке опять звонко журчала вода.

Е

Ель

Елям наряд
Предлагала природа,
Самый различный
В течение года.
Сделали выбор
Красавицы - ели:
Платья весеннего
Цвета надели.

Если ты сам не ешь...

Смеркалось. Еген сидел на топчане во дворе. Вдруг он заметил быстро семенящего мимо ёжика. Внимание Егена привлекло то, что ёжик торопился, будто от кого-то убегая. Еген спрыгнул с топчана, догнал ёжика и преградил ему дорогу. Ёжик поёжился, встреча ему не понравилась. Свернулся. И превратился в колючий чёрненький мяч.

- Ты куда спешишь, ёжик? - заговорил с ним Еген.

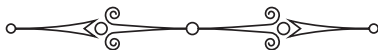
Вместо ответа ёжик еще больше свернулся. Еген вспомнил, что ежи любят яблоки. Он вспомнил о миске с яблоками, побежал к топчану, схватил яблоко, предложил его ёжику.

- Хорошее яблоко. На, попробуй. Скажешь: «Действительно вкусное яблоко!».

Как ни обхаживал ежика, тот так и не развернулся.

-Ну и упрямый ты, - сказал Еген, разочаровавшись, что не найдет общего языка с ёжиком. Встал и воткнул яблоко в колючую спину ёжика.

- Если сам не хочешь есть, то отнеси своим детям! - Повернулся и ушёл. Ёжик еще немного посидел свернувшись, а когда убедился, что кругом никого нет, не спеша вынул из своего мешка нос и заспешил своей дорогой.

Ё

Ёжик

- Ёжик, ёжик,
Не держи в секрете:
Для чего тебе
Иголки эти?
- Да иголки
Каждому нужны!
С ними -
Даже змеи не страшны!

«Ещё, ещё...»

Школьники сажали на улице ёлки. А маленький Ёлли стоял рядом и смотрел на ребят с завистью. Ему только осенью в первый класс идти. Увидела его учительница, пожалела и тоже дала один саженец.

Посадил Ёлли деревце и опять загрустил. Учительница спросила удивленно:

- Ёлли, ты чего печалишься? Радоваться должен. Вон какое хорошее деревце посадил!

- Ему одному скучно будет, - сказал Ёлли. - Можно я еще одно посажу?

Учительница улыбнулась и дала ему ещё один саженец. А потом - ещё один, и ещё...

Когда работа закончилась, учительница стала спрашивать у каждого школьника, сколько деревьев он посадил. Спросила и у Ёлли. И Ёлли бойко ответил:

- Одно, ещё одно, ещё одно и ещё одно...

- Так сколько же всего?

- Не знаю, - сказал Ёлли.

- Ну ничего, - успокоила учительница. - Вот осенью пойдешь в школу и научишься считать. Не только деревья посчитаешь, но и сколько листочков на каждом распустилось. Иголки на елях -и те, если захочешь, сможешь посчитать...

Ж

Жираф

- Жираф, тебе из высока
Не видно нашего щенка?
- Сейчас найдём. Нетрудно это.
Наверно, в облаках он где-то...
- Ты что? Какие облака?
Ведь нету крыльев у щенка!
- Тогда найти его непросто...
Жирафы все такого роста,
Что видят только облака.
Земля отсюда далека!

Жеребёнок

Оседлав палку, словно коня, я бегал по улице.
Я чувствовал себя быстроногим жеребёнком.
Вдруг ко мне подошёл настоящий жеребёнок.

Такой красивый - со звёздочкой во лбу. Я в это время ел конфеты, и в руках у меня оставалось еще несколько штук. Одну из них я протянул жеребёнку:

- Возьми! Вкусная, с мятой!

Жеребёнок протянул к руке голову, понюхал, но конфету не взял.

Как видно, он не сластена. А может быть, вспомнил, как мама-лошадь говорила ему, как моя мама мне говорила:

- Если будешь есть много сладкого, то зубы испортишь!

Рядом журчал арык. Я подумал, что жеребёнок пришёл сюда напиться. Вспомнив, что при свисте кони спокойно пьют воду, я свистнул. Я был похож на чабана, который пригнал отару на водопой.

Но жеребенок в воду не пошёл. Он взглянул на меня удивленно, потом посмотрел куда-то вдаль, покрутил хвостом. Казалось, что он хочет что-то сказать.

А через минуту он поскакал. Весело, вприпрыжку. Только тогда мне стало понятно, что хотел сказать жеребёнок. Он предлагал мне:

- И ты жеребёнок, и я жеребёнок. Давай поскачем вместе!

Вон он, уже далеко, скачет себе, скачет. И время от времени оглядывается назад. Наверное, думает: «Догонит меня или не догонит этот странный жеребёнок на палке?».

3

Заяц

Заяц шустрый зверь и ловкий.
Заяц знает вкус морковки.
Стал и я, как заяц, ловок,
Съел на завтрак шесть морковок!

Скороговорка

Змеи занозинами
Землю зазанозили:
Злыми, зелёными
Зельями змеиными.

Знамя Туркменистана

Развевается знамя Туркменистана. Оно - зелёное. Зелёный цвет всегда красив. Это - цвет весны. Туркменское знамя и весна похожи не только внешне. Весна, приходя на землю, каждый раз приносит с собой много радости. С ее приходом зеленеют и растут и трава, и деревья.

Весь мир становится таким красивым! Мысли

и душу заполняет уверенность в завтрашнем дне.

Гордо реет наше зеленое знамя. Как и весна, оно несёт с собой веру в завтра.

Знамя весеннего цвета можно видеть сегодня во многих столицах мира: там оно представляет нашу Родину, наш Туркменистан.

Знамя реет. У каждого, кто смотрит на него, в глазах появляются радость и гордость. Знамя реет!

И

Ива

Ива стоит над рекою,
Косы висят за спиною.
В воду стройна и красива,
Кокетливо смотрится ива.

Илли

Илли шёл вдоль арыка. Его взгляд остановился на маленьком листике, который, как лодочка, плыл среди волн. Они стайкой бежали за листочком, как бы старались поймать его, но и лодочка была шустрой. Поймать ее было нелегко. Она выныривала то тут, то там.

Глядя на нее, Илли сказал:

- Храбрая лодочка!

И волна, плескаясь и брызгаясь капельками воды, словно подтвердила мысли Илли:

- Вот только такие храбрецы и потом становятся матросами...

Лиса всегда лиса

Однажды верблюжонок, глубоко засунув голову, пил воду из тыквы - ведра.

И вдруг его голова застряла. Прибежала мама, попыталась освободить малыша, но ничего не получилось. Собрались соседи - верблюды.

Но и они не смогли помочь верблюжонку.

Один из соседей сказал:

- Выход один - придётся отсечь голову...

Мать верблюжонка горько заплакала. Она стала просить Аллаха, чтобы он помог. Обещала Аллаху за помощь много хлеба и даже барашка.

Тут подошла лиса. Она издалека увидела собравшихся верблюдов, и ей захотелось узнать в чем дело. Стояла лиса в стороне и тихонько смеялась над верблюдами.

Когда мать верблюжонка расщедрилась на барашка, лиса поняла, что наступило ее время. Подошла к верблюдам и сказала:

- Может, я тоже попробую?

- Пожалуйста, сестрица лиса! - обрадовались верблюды.

- Ой-ой-ой, дела плохи...

Этим она напугала верблюдов еще сильнее.

Неожиданно лиса остановилась и, держась

за тыкву-ведро с двух сторон, в одно мгновение разломила ее на две части.

Облегченно вздохнули верблюды:

- Надо же! Какая лиса умная! А мы-то и не додумались...

Приятно было лисе слышать похвалы. Но больше всего понравился ей барашек.

Й

Умный

Умный мой щенок.
Уже вот-вот
Он служить в полицию пойдёт:
Притащил домой -
Найти помог -
Мой давно потерянный сапог.

Всезнайка

Йылмаз возвратился из школы радостный,
гордый.

- Что с тобой? - удивилась мама.
- Оказывается я, - сказал Йылмаз, - знаю больше всех. Даже больше нашей учительницы!
- Ну и хвастунишка ты! - улыбнулась мама.
- С чего ты взял, что всё-всё знаешь?
- Да, я знаю даже букву «Й», - также гордо ответил Йылмаз.
- Ну и что? Все её знают!

- Нет, не все! - возразил Йылмаз - Наша учительница её не знает. Сегодня на уроке показала на букву «Й» и спросила у меня: «Какая это буква?». А ты говоришь, что она знает...

К

Котёнок

Картина на комоде
Коричневого цвета.
Коричневый котёнок
Глядит на нас с портрета.
А наш котёнок хмурится,
Ему до слез обидно:
- Да здесь усов красивых
Совсем-совсем не видно!

Крокодил

Вы слышали? Крокодил
К нам в Туркменистан приплыл!
Долго-долго добирался
Он из Африки в арык.
Как в арыке искупался -
Навсегда к нему привык.
Он совсем не злой на вид,
По-туркменски говорит.

Капитан

Вот уже много дней курица-наседка сидит на яйцах. Она даже завтракать не встаёт. Все сидит и сидит. Один разок только вставала, чтобы прогуляться по двору, слегка размять ноги.

Наседка прикрывала беленькие яйца своим куриным телом, согревала их так, как может делать только мать.

Однажды, когда курица снова решила размять ноги, одно из яиц как будто качнулось. Оно стало похоже на клубок, готовый вот-вот покатиться. Вскоре этот клубок покрылся трещинами и лопнул.

Появился цыплёнок. Он удивленно оглянулся вокруг. Кусочек скорлупы, на котором он стоял, был похож на маленькую белую лодочку. Сам же цыплёнок выглядел капитаном, только что причалившим эту лодку к берегу. Он и осматривался кругом точь-в-точь, как капитан. Немного помолчав, цыплёнок сказал:

-Ну что ж, и здесь жить можно!

Сказал - и вылез из лодки.

Л

Лебеди

Снег кружится, на ладошках тая,
И ложится ласково на луг.
Кажется, что в небе пролетая,
Лебеди роняют белый пух.

Ласточка

Ласточка порхает между крышами:
- Дом найду - обзаведусь детишками.
Песенку им лучшую спою:
«Спите, мои ласточки,
Баюшки-баю!».

Ляле*

Пришла весна. Весь мир стал одним огромным
зелёным домом. Нет ничего краше этого дома.
Войдешь в него - и петь хочется. В нём и так все
поют: птицы щебечут, ручейки звенят, пчёлы
жужжат.

* Ляле (туркм.) - цветочек, а также имя девушки.

Слушай и радуйся!

Однажды Ляле в гости к весне пришла. Только на порог ступила - ласковый ветерок волосы ей пригладил. Весна в своем доме любого гостя встречает приветливо. Цветы, завидев Ляле, шепчутся:

- Вот и еще одна наша сестрица раскрылась.

- Какая красивая!

- Когда я подрасту тоже такой стану. Ляле будет моей подругой...

- И моей!

- И моей!

Приятно Ляле слышать этот шёпот. Она сразу почувствовала себя своей среди этих цветов.

Ей было легко и радостно. Когда ты среди своих - всегда хорошо!

М

Метла

С рассветом у нее уже дела -
Метёт прилежно улицы метла.
Она не знает отдыха - досуга:
И без того затянут пояс туго.

Море

Море - это огромное синее одеяло. Когда наступает ночь и морские жители спят, они укрываются этим одеялом. И рыбы, и крабы, и тюлени... Под этим одеялом они прижимаются друг к дружке, чтобы было теплей.

А утром, когда еще солнышко не взошло, над морем летают чайки. Они звонко кричат, проснувшись раньше всех. Синее одеяло волнуется. Видно, что там еще немало спящих.

Море - огромное синее одеяло...

Н

Небо

На облачное небо посмотрите:
Большой - большой верблюд
Плывёт в корыте.
А ветер стихнет, облако замрёт, -
В корыте сидя,
Дыню он жуёт.

Ножик

Нуры и Хоммат возвращались из школы.
Идут и видят: прямо перед ними, на дороге,
лежит перочинный нож. Хороший ножичек,
красивый. Красноватого цвета. «Вот так
находка!» - подумали ребята и почти
одновременно протянули руки к ножу.

- Но Нуры все же на мгновение опередил
товарища. Хоммат расстроился.

Почему нож достался не ему?

- Нож должен быть моим, - сказал Хоммат.

- Но я же его первым поднял! - возразил
Нуры.

- Нож должен быть моим, потому что это вещь моего отца.

- А как ты это докажешь?

- Мой отец - ты ведь это знаешь - каждый день ходит этой дорогой на работу. А вчера он сказал, что потерял перочинный нож. Вот такой же красивый. Понятно?

Нуры еще раз поглядел на нож, вздохнул и протянул находку Хоммату:

- На, возьми. Но скажи отцу - пусть он больше не роняет свои вещи где попало. Мало ли кто может найти? А ведь это - ножик!...

О

Буква «О»

«О» - колесо, открытое давно.
То крутится, то вертится оно.
Не старится от самого рождения,
Поскольку жизнь его -
Одно движение.

Обезьяна

Мы все произошли от обезьяны.
Вот почему
Я так люблю бананы!
Иду в зверинец как к себе домой:
Здесь обезьяна. Это - предок мой!

Озорной дождик

Весенний дождик - как ребёнок. Причём, очень озорной. Всё бы ему поиграть. Подкараулит кого-нибудь на улице и начнёт в догонялки играть. А потом быстро исчезает. Словно в прятки приглашает играть.

Дождик то садовником работает - поливая

грядки, то ручьями весёлыми бежит, призывая по ним кораблики пускать. До нитки промочил он школьников, идущих по дороге домой. Но никто из ребят и не хотел прятаться от него, такого озорного. Наоборот, все прыгали, смеялись и дурачились. Промочив одежду детей, дождь пожалел об этом. Он постарался исправить ошибку и решил: пусть высохнет их одежда. Сразу откуда-то появилась радуга. Она сияла всеми своими цветами.

- Пусть каждый повесит свою одежду на тот цвет, который ему нравится, - сказал дождик.

Он хорошо знал, что у каждого есть свой любимый цвет. Самому дождику больше всего нравился оранжевый.

П

Поросёнок

Поросёнка мыли, мыли,
А потом кормили.
Недовольно он бормочет,
Он совсем другого хочет:
Чтоб кормили и кормили -
И совсем не мыли.

День буквы «П»

Оказывается, и у буквы «П» есть свой день!
Нам об этом учительница сказала. Пришла в класс, нарисовала на доске большую красивую букву «П» и говорит:

- Ребята, сегодня день буквы «П». Эта буква - у нас в гостях вместе со своим младшим братишкой. И нарисовала рядом с большой буквой - маленькую «п», такую же красивую.

А потом, чтобы получше с этими буквами подружиться, мы их в своих тетрадях рисовали. И вспоминали, какие слова на букву «П» начинаются. Их, этих слов, очень много. Пароход,

печка, помидор, папа, платок, пакет...

Когда из школы домой возвращался, вижу - буква «П» не только к ним пришла. Она - повсюду. Вот спортплощадка. На ней не турник, а знакомая буква «П» стоит. И ворота нашего дома - тоже буква «П».

И дверь в моей комнате...

Теперь я букву «П» ни с какой другой не спутаю. Она навсегда у нас осталась, прийдя в гости. Каждый день - её праздник!

Р

Учусь произносить «Р»

- Ворона, спать уже пора,
А ты все каркаешь с утра.
- Кар-р-р, я с тебя
Бе-р-у пример-р-р
Кар-р-р, изучаю букву «эр-р-р».

Рога

Рахман очень любит козлят. А их у него - целых два. Они часто играют, бодаясь друг с другом. Рахман каждый день наблюдал за этими играми. Ему и самому хотелось поиграть с козлятами. Однажды он не удержался, открыл загон и вошёл внутрь. Один из козлят испугался и побежал вприпрыжку, чтобы спрятаться за свою маму. А второй - красивый, пятнистый - не испугался и не убежал. Наоборот, опустил голову вниз и приготовился бодаться с Рахманом. На его голове были хорошо заметны недавно появившиеся шишечки рогов. Рахман встал напротив козлёнка и тоже нагнул голову,

показывая, что и он готов бодаться. Козленок обрадовался новому противнику. Он разбежался и так боднул Рахмана, что у того из глаз искры посыпались. Даже голова разболелась.

Рахман не стал больше рисковать и вышел из загона. А пятнистый козленок заблеял ему вслед:

- Эй, Рахман, если хочешь бодаться, то приходи! Но только тогда, когда у тебя рога вырастут!..

С

Снег

Ах, какой сегодня выпал снег!
Оглянулся я - следы за мною.
Мерки с ног
Снимает он у всех,
Может, сапоги сошьёт весною.

Настоящая собака

У соседей собака ощенилась. Сапар стал целыми сутками пропадать возле забавных мохнатых малышей. Вместе со своей подружкой - соседкой Гульнаррой они кормили щенят, играли с ними. Им даже не верилось, что из этих маленьких созданий смогут вырасти настоящие породистые собаки.

Шло время. Щенки росли. Однажды сосед пригласил к себе Сапара вместе с отцом и предложил им выбрать себе щенка.

- Остальных, - сказал он, - я обещал раздать чабанам. Они уже давно просят меня об этом.

Сапар растерялся. Как выбрать? Ведь все они такие славные, красивые. Но отец не торопил его. Он сам присел возле щенят на корточки, взял одного из них за ухо и приподнял. Пятнистый щенок стал пронзительно лаять. Отец отставил его в сторону, взял другого.

Этот не лаял, не скулил. Он обнажил ряд белоснежных зубов и попытался укусить руку отца. Отец погладил его ласково по спинке и протянул Сапару.

- Возьми, сынок. Это будет хорошая собака.

Сапар взял щенка, но с удивлением посматривал на того, пятнистого, которого отставили в сторону. Чем же он не приглянулся?

Ведь он тоже - такой красавец!

- Сынок, - пояснил отец, - И среди людей, и среди собак есть слишком крикливые. Таких не любят. А вот из этого щенка вырастет настоящая собака. Ты видел, как он оскалился? Он уже сейчас знает свой долг. Эта собака никогда не подведёт.

Сапар прижал своего маленького друга к груди. Он спешил с ним домой.

Т

Туча

Из объятий речки выплывала
Туча тяжела, темным - темна.
Мокрые одежды выжимала
Трижды нам на головы она.

Троллейбус

Тронулся троллейбус, как всегда,
С места тихо так и осторожно.
Катится, держась за провода:
Это - город. Зablудиться можно.

Талисман

У туркмен есть свой талисман. Называется он
- аладжа*. Однажды мама завязала этот талисман
на запястье у Айгозель и сказала:

- Никогда не снимай его, доченька. Аладжа
тебя от всего дурного надёжно защитит.

Аладжа* - пёстрый шнурок от сглаза.

Айгозель не очень-то поняла, как этот пестрый шнурок сможет защитить ее от всяких бед. Но раз мама сказала, значит, так и будет.

Мама всё знает.

И Айгозель решила, что ей для куклы тоже надо аладжу сделать.

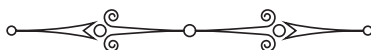
Трудного тут ничего нет: возьми две нитки, белую и чёрную, сплети их вместе - вот и готова аладжа.

Так она и сделала. А потом аладжа не только у куклы появилась: и кошке, и собаке Айгозель тоже аладжу повязала. Когда петуху аладжу надевала, то он кричал на весь двор и даже пытался клюнуть Айгозель. Но привык: теперь ходит важно, носит аладжу гордо, терпеливо.

Айгозель еще много талисманов сделает. Чтобы всем-всем хватило! Пусть каждому на этом свете будет так же хорошо, как ей!

Взрослые, увидев, что и кошка, и собака, и петух аладжу носят, сначала смеялись. А теперь хвалят Айгозель:

- Такая добрая девочка! Добрый человек - он всем добра желает!

У

Утки

- Утки, утки! Не пойму,
Вы босые - почему?
- Мы травую на лугу,
Чистим пятки на бегу!

У-у-у

- Снова за селом шакалы воют:
- У-у-ув...
 - Эй, шакалы, чего вы воете?
 - В воздухе есть запах нашей любимой дыни.
 - Ну, и что? Разве из-за этого так воют-кричат?
 - Очень есть хочется же... дыньку сладкую. У-у-ув...

Утром

Уже несколько дней дул холодный ветер. Не ураган, конечно, но в природе - суматоха. Ведь он, ветер, преследуя опавшие листья, уносил их куда-

то вверх. И даже обрывки бумаги, торопливо, наудачу зацепившись за первый попавшийся предмет, нервно дергались, готовые вот-вот улететь. Казалось, что всем хочется от кого-то убежать. Ветер усердно подметал не только улицы, всё-всё вокруг. Он даже поле сделал таким пустым, таким голым! Будто готовил площадку для посадки огромного самолёта. А утром все увидели: кругом-белым-бело.

Осень подошла к концу, наступила зима. И выпавший за ночь снег сделал поле похожим на огромную посадочную площадку.

Все с удивлением и удовольствием смотрели в это утро на белую площадку, представляя себя пассажирами белоснежного лайнера.

Ф

В гостях у филина

У филина
До утренней зари -
Как факелы глаза,
Как фонари.
За сказками
При свете фонарей
Ночь не страшна для птиц и для зверей.

Футбол

Верблюд гоняет мяч уже с утра:
Футбол - его любимая игра.
А если сыро,
На футбольном поле -
Всегда поет он песни о футболе.

Фиолетовый карандаш

Бахар взяла в руки фиолетовый карандаш и
начала рисовать.
Карандаш рисовал всё похожим на себя.

И небо получилось фиолетовым, и земля. И трава, покрывшая фиолетовые холмы, была фиолетовой. И все цветы расцвели фиолетовым цветом. По небу летели фиолетовые голуби, а во дворе гуляли фиолетовые куры. Рядом с курами гулял фиолетовый петух.

Посмотрел альбом старший брат Бахар. Посоветовал:

- Поле нарисовала, а коровы нет. Здесь нужна корова, нарисуй ее.

Бахар подумала и сказала:

- Зачем рисовать корову? Ведь я нарисовала здесь траву. Значит, корова сама придёт!

- Где ты видела коров, которые любят фиолетовую траву? - удивленно фыркнул брат.

Но он ошибся. Вскоре на фиолетовом поле появилась корова. Она была просто красавицей. Фиолетового цвета. Фиолетовые коровы очень любят фиолетовую траву.

Х

Хлопок

В поле хлопоты опять:
Время хлопок убирать.
Хоть нелёгкая работа -
Поработать мне охота!

Хор цветов

Наступила весна. Хорошее время года! Торе вышел за село, всё вокруг было зелёным-зелёным. И поле, и луг. Весело тянулась к солнышку трава. И повсюду цвели цветы.

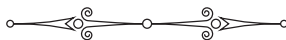
Подул лёгкий ветерок. И цветы, тихонечко покачиваясь, хором запели песню:

- Хорошо расти!
- Хорошо цвести!

Торе даже не заметил как и сам тоже к ним присоединился. Как хорошо поётся вместе-хором.

Хороший друг

Тропинка будто ждала Хаджи у порога. Как только он вышел из дома, тропинка побежала перед ним. Откуда только знала, куда Хаджи собирается? Проскочила мимо белой курицы с цыплятами. Выскользнула за ворота. Увидев собаку, лежащую у калитки, тропинка завернула, как бы оглядываясь. Стало ясно, что и она, как Хаджи, ее обогнать не смогла. Посмотрела вместе с ним на бахчи на противоположном берегу, свернула и бросилась вброд. Хаджи вспомнил, что его будет искать мама, и направился назад. Но, видно, и тропинке мама строго-настрого наказала вовремя вернуться. С утра Хаджи выглянул в окно, а тропинка уже у порога. Вот дружба так дружба!

Ц

Цирк

Цирк, наконец, приехал к нам! Ура!
Там целый день -
Такие номера!
Я в цирк, чтоб оценить его программу,
С собой возьму
И бабушку, и маму.

Какую букву любит цапля?

Интересно: какая буква в алфавите - самая лучшая? У кого бы это узнать? Вот кошка бежит. Рыжая, пушистая. Может, она знает?

- Кошка, кошка! Ты не знаешь какая буква самая лучшая, самая красивая?

- Ц-ц-ц-ц-ц-ц... - прошипела кошка и спину дугой выгнула. Она смотрела на меня сукоризной, словно говорила: «Эх, ты! А еще в школе учишься! Неужто таких простых вещей не знаешь?».

Кошка убежала. Вижу - неподалёку машина

стоит. Водитель шину накачивает. Подошел я поближе и слышу, как насос приговаривает:

Ц-ц-ц-ц....

Вот дела! Оказывается, и у кошки, и у насоса - один и тот же друг. И не только у них. Помню, когда я цветы поливал, вода, вырываясь из шланга, тоже говорила:

- Ц-ц-ц-ц...

А потом я в зоопарк пошёл и там красавицу-цаплю увидел. Решил и у нее спросить, какая ей буква больше всех нравится. Только услышала она мой вопрос - сразу своим клювом зацокала:

- Ц-ц-ц-ц....

А поцокав, пошла к воде. Остановилась, приподняла ногу. И стала похожа на букву «Ц».

И снова зацокала:

- Ц-ц-ц-ц...

Оказывается, «Ц» - ее любимая буква. Как у кошки, как у насоса.

И как у меня.

Ч

Черепаха

Ползёт черепаха вперёд без опаски,
В надёжно надетой на голову каске.
Не знает испуга,
Не чувствует страха
Отменный пожарник она, черепаха!

Чемпион

Тонконогий жеребёнок обогнал меня.
А ему на пятый месяц лишь четыре дня.
И Джемал за мною гналась, и толстяк
Чары,
Но они бежать устали, вышли из игры.
Я хотел быть чемпионом нашего села.
Тонконогий жеребёнок обогнал меня.

Чабан Чары

Чары возвращался из школы. День был ветренный. На пути Чары, как всегда, был мост через речку. Чары остановился и посмотрел с

моста вниз. Там, одна за другой, бежали волны. Как будто овечки, которых гонит чабан. Чары так мечтал чабаном стать! Но овец ему не доверяли. Он же еще маленький!

Чары зачарованно смотрел на речку. И вдруг представил, что речка - это его отара. А сам он - чабан. Быстро бегут овечки, но послушно. Дальше речных берегов не разбегаются. Вот что значит - опытный чабан!

Ш

Шишки

Падают шишки,
Прыгают шишки,
С шишками шумно
Играют мальчишки.
Шишки, как шуба,
Под ёлкой лежат.
Очень похожи
Они на ежат!

Шары

Раздуют шары то и дело,
Пузаты шары до предела:
Вовсю не раздуешься, то
Тебя не заметит никто.

Шофёр Лис

Эта история случилась тогда, когда Лис шофёром работал. Повёз он однажды своего шефа в город. На краю села вынужден был остановить

машину: овцы всю дорогу запрудили. С ними и пастушок был.

Услышал пастушок сигнал шофера - и растерялся. В спешке он не смог сообразить, как быстрее освободить дорогу. Замешкался, заметался, погоняя овец то в одну сторону, то в другую. Шофер Лис понял, что овцы не спешат пропустить машину. Он высунул голову из кабины и закричал:

- Убирайтесь по-хорошему! Дорога - не пастбище! Ишь, разгуливают тут!

Пастушок поднял голову, посмотрел на шофера и улыбнулся.

Увидев пастушка, разулыбался и шеф, но Лис этого не заметил. Он смотрел на улыбающегося пастушка и продолжал шумно возмущаться:

- Ты что, ненормальный что ли?

Пришлось ждать, когда овцы дорогу освободят. Когда машина снова отправилась в путь, шеф спросил:

- Узнал пастушка?

- Нет, не узнал. А кто он? - спросил шофер Лис.

- Да это же сынишка моего старшего брата!

- Вот оно что! - не растерялся шофер. -
Пастушок сразу показался мне послушным,
таким благородным.

Вот так шофер Лис мигом исправил свою
оплошность. Лис есть Лис.

Если он ошибается, то исправляет свою
ошибку хитростью.

Машина, шурша шинами, мчалась в город....

Щ

Щётка

Щука купила
Щётку на рынке.
Очень колючи
У щётки щетинки.
Щука глотать
Эту щётку не хочет:
Щётка приятно ей
Щёчки щекочет.

Щенок

Девочка возвращалась из школы. К ней подбежал щенок.

- Гав! Гав!

- Какой ты симпатичный! - обрадовалась девочка. Щенок обиделся:

- Почему - какой? Я - не какой! Еще чего!

- Не обижайся, - сказала девочка. - Но ты же не щенок, а просто красавец!

Щенку это понравилось. Девочка теперь будет знать его. Щенок снова залаял:

- Гав!

А потом - еще и еще:

- Гав! Гав!

- Почему ты лаешь? - спросила девочка.

- Как почему? - удивился щенок. - Если я не буду лаять, то кто же меня заметит?

Щенок был прав. Если ты молчишь, то кто же обратит на тебя внимание?

Ъ

Твёрдый знак и мягкий знак

Январь звонил:

- Жду не дождусь никак -

Когда приедешь в гости,

Твёрдый знак?

А тот в ответ:

- Здесь нет моей вины.

К тебе дороги все замечены.

Подъеду - лишь растает снег весною,

И будет братец Мягкий знак

Со мною...

Коль собаку на пир приведешь...

Илли приснился удивительный сон: будто бы он вышел из подъезда, сел на собаку и поехал. И привезла его собака на большой пир. Уселся Илли рядом с собакой за стол, стал ждать угощения. Им подали кушанья вместе, в собачей

миске. Собака принялась за угощение с большим аппетитом. А Илли ничего не съел, ни к чему даже не притронулся.

- Ты чего сидишь? - спросила собака. - Давай, ешь!

- Ешь сама, - насупясь, ответил Илли, глотая слюнки. Он ведь никогда не ел из собачей миски. И очень разобиделся за такое угощение. Встал и ушёл. А вслед ему долго звучала песня:

*Если едешь куда иль идёшь,
Прежде соображай:
Коль собаку на пир приведешь,
Вместе с нею из чашки хлебай...*

Ы

Бык

Для быка мычать привычно.
Бык бодается обычно.
А бодаться не привык -
То какой ты был бы бык?

Ыклым и ботинки

Смотри-ка:
В новых ботинках Ыклым,
Теперь никому
Не угнаться за ним.
Был в школе Ыклым
Через десять минут:
Так быстро ботинки Ыклыма бегут!

Ыльяс и дыня

Круглые, полосатые, среди листьев и стеблей
лежали дыни. Они были похожи на спеленутых
детишек. Ыльяс увидел их, когда проходил мимо
бахчи. Он бросил сумку на землю и, выбрав

самую красивую дыню - малыша, взял ее на руки. В это время Ыльяс увидел старика, который в тени тутовника, облокотясь на локоть, пил чай.

- Салам алейкум! - сказал Ыльяс.

- Что нашёл, сынок? - спросил старик.

- Здесь лежала хорошенькая дыня. Маленькая дынька, - уточнил Ыльяс, - дынный малыш. Когда мама принесёт малыша из роддома, я его буду вот так носить.

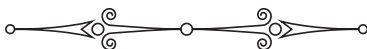
Ыльяс покачал дыню из стороны в сторону.

Старик - сторож улыбнулся:

- Иди, сынок, отнеси этого малыша домой. Пусть мама положит его в люльку. Малыш хорошенько выпится в ней.

Ыльяс быстро выскочил с бахчи и побежал домой.

Ь

Съедобный барашек

Волк знает, волк чует по запаху: есть
Съедобный барашек.
Но как его съесть?
Схватить бы добычу,
В овраг уволочь,
Но лают - проклятье! -
Собаки всю ночь.

Счастье

Жеребёнок родился недавно и пока не отходил
далеко от матери.

Он видел счастье в ее глазах. Большое счастье.
Самое большое в мире.

А мир, так он думал, это расстояние между
этими двумя ущельями.

Большой мир! Как только жеребёнок удалялся
от матери, она беспокойно ржала.

- Не увлекайся желанием ног. Они тебя уведут
на край света...

И жеребёнок слушался. Но однажды желание все-таки вывело его на вершину холма. Тогда он увидел степь, растянувшуюся от горизонта до горизонта!

- Смотри, какая ты, оказывается!

- Хочешь - пасись. Хочешь - скачи. Я принадлежу тебе, - прошептала степь.

Жеребёнок оглядывался вокруг и никак не мог наглядеться - сколько счастья у него вокруг, конца края не видно!

Э

Страус эму

С рожденья страус Эму
Приобрёл себе проблему:
Страус Эму - это птица,
Только птице - не летится.
Страус Эму - быстрый бег.
Он бежит резвее всех!

Экскаватор

- Экскаватор, что ты роешь?
Что с утра копаешь ты?
- Не мешайте! Под землёю
Братья ждут меня - кроты.
Может быть, и братец крот
Мне навстречу роет ход...

Это - снежный человек

Эзиз увидел на улице Акмурада. Тот стоял
рядом со снеговиком.

- Это что? - спросил Эзиз.

- Это? - удивился Акмурад. - Эх, ты! Не узнаешь? Это же - снежный человек. Ну как, нравится?

- Нравится. Жаль только, что он растаять может.

- Ничего, еще постоит. Здесь же не экватор.

- Ты его один слепил, этого красавца?

- Да нет, мы сюда целым экипажем прибыли. Вместе со мною его лепили, снежного человека - и вот нашли...

- Этот снежный человек похож на Деда Мороза. Вот только нет у него мешка с подарками за спиной, - сказал Эзиз.

Акмурад не стал возражать:

- Это совсем нетрудно сделать. Можно и мешок притащить. Эх, подарков только нету!...

Ю

Юсуп и пёс

Юсуп домой пришёл весёлый.

Вокруг юлой вертелся пёс.

- Гав - гав! Юсуп, а ты из школы

Сегодня что-нибудь принёс?

- Мы в школе буквы изучали.

Принёс я «пять» за букву «Ю»!

- А мне, Юсуп, лизнуть нельзя ли

Добычу вкусную твою?

На юг

Нуры уже давно приметил: у ласточек очень интересные повадки.

Каждой осенью они куда-то исчезают. Проходит много времени, люди уже начинают забывать о них. И вдруг весной ласточки также незаметно появляются. Как будто саму весну откуда - то приносят с собою.

- Эй, ласточки - белогрудки, - спросил

однажды Нуры. - Куда это вы улетаєте осенью?

- На юг, - ответили они.

- А зачем вы летите на этот юг?

- Чтоб знать цену Родины!

- Зачем же вы с юга возвращаетесь весной?

- Чтобы знать цену Родины!...

Я

Яблоне на яблоне
Цвета янтаря
Светится, как яркая,
Ясная заря.
Съесть хотел я яблоко -
Только не могу:
Жалко зорьку ясную -
Лучше сберегу!

Ягмур и его старший брат

Старший брат Ягмура возвратился из армии.
Увидев его, Ягмур очень обрадовался:

- Я так тебя ждал!

Ягмур сразу заметил, что брату очень идёт форма десантника. Вот бы пройтись с ним рядышком по улице! Все мальчишки завидовали бы...

Еще не успели родственники обняться с солдатом, а Ягмур его за руки потащил:

- Пойдем, погуляем с тобой немножко!

Брат не сразу понял, для чего Ягмур тянет его на улицу. Но несколько минут спустя все же согласился прогуляться.

- Смотрите, какой брат у Ягмура, - говорят встречные, глядя на них. - Он служил в десантных войсках. Туда берут только способных, самых умных ребят...

А кто-то сказал даже:

- Когда Ягмур вырастет, тоже будет десантником. Толковый парнишка!

Ягмур гордо шагал рядом с братом.

СТИХИ

Три усатых капитана

Занавешено окошко,
И стоит во мраке дом.
- Мама, сказку! - просят кошку
Три котёнка перед сном.

Одного зовут Хомматом,
Два других - Юсуп, Эзиз.
Недосуг сейчас котят
Откликаться на «кис-кис».

До утра они готовы
Слушать сказочный мотив.
Не пропустят даже слова,
Рты доверчиво открыв.

В сказках - битвы, в сказках - вьюги.
Кто сильнее? Кто храбрей?
И они уже друг в друге
Видят трёх богатырей.

Тают в печке дров поленья,
Тихим пламенем горя.
А они спешат в сраженьё
За леса и за моря.

Там за правду биться нужно.
Там отважных ждут котят.
Там они возьмутся дружно -
Чудо-юдо победят.

Кто же к сказкам равнодушен?
Кто в них с детства не влюблен?
Их часами можно слушать,
Хоть давно уж клонит в сон.
Братья долгими ночами,
Сказки страшные любя,
Представляют силачами
И героями себя.

Первая встреча

Был мышонок и мал, и беспечен,
И к тому ж, разумеется, глуп.
А мышонку - котята навстречу:
И Хоммат, и Эзиз, и Юсуп.

Братья так на него загляделись,
Что в восторге разинули рты
И воскликнули:
- Экая прелесть!
Ну какой же хорошенький ты!

- Кто ты? - хором кричали три брата, -
И откуда, любезнейший гость? -
Преждемышь ни Эзизу с Хомматом,
Ни Юсупу встречать не пришлось.

Незнакомец - как будто из сказки,
Он и вправду хорошеньким был.
У Хоммата расширились глазки,
Ушки сразу Юсуп наострил.

Выгнул спину Эзиз по привычке,
У него - настороженный вид:
- Может, это какая-то птичка?
Может, скоро она улетит?

Заслонили дорогу котята -
И Юсуп, и Эзиз, и Хоммат.
А мышонок сидит виновато,
Хоть ни капельки не виноват.
Весь он сжался, дрожит от испуга.
Поневоле начнётся испуг!
Ну а братья, толкая друг друга,
С визгом радостным пляшут вокруг.

Разве худо попрыгать немножко?
Но не худо и вспомнить о том,
Что не вечно же мамочка-кошка
Деток сможет кормить молоком.

Кошка часто внушала им:
- Дети!
Изучайте повадки мышей!
Но летели внушения эти
Как-то мимо да мимо ушей.

- Не спасуем! - котята мечтали. -
Только б встретить мышонка хоть раз! -
Ну а встретили - и не узнали
И пустились в безумный пляс.

Праздник вышел всерьёз, а не в шутку.
Хорошо у котят на душе!
Гость смекнул, что настала минутка:
Был мышонок - и нету уже!
Под завесой поднявшейся пыли
Он тихонько за печкой исчез.
А котята скакали, кружили -
Так, как будто вселился в них бес.

Хоть знакомство прошло и нескладно,
Вскоре братья забыли про то:
Убежал незнакомец - и ладно.
С ними радость осталась зато!

На солнцепеке

Три котенка на солнцепеке
Играют, головы очертя,
Кувыркаясь, и подставляя
Подножки, вприпрыжку.

Припев: Лежит их мать
В сторонке, глядя на игру,
Гордясь сыновьями,
Постукивает хвостом.

Котята самозабвенно
Поднимают пыль,
Каждый из них
Старается выделиться среди остальных.

Своей ловкости и удали
Каждый считает достаточной.
Уступить никто из них
Не собирается.

И видя, какими
Удальцами они растут,
Как ей не гордиться,
Помахивая хвостом.

Игра

Что такое? Что случилось?
Горе - целому двору!
Три котёнка расшалились,
Вновь затеяли игру.

Напугали так телёнка,
Что телёнок замычал.
Так обидели козлёнка,
Что козлёнок осерчал.

На цыплят глядели косо,
И цыплята - кто куда.
Поцарапали Барбоса,
Разорили три гнезда.

Со двора прогнать хотели
Кур, присевших на шесте.
Между делом повисели
У коровы на хвосте.

Возмущаются соседи:
- Нет покоя от котят!

Улетим,
Уйдём,
Уедем
Мы куда глаза глядят!

Видят братья: дело худо,
Покраснели от стыда:
«Эти выедут отсюда -
Въедут новые сюда?

И, конечно, неизвестно -
Лучше будет или нет.
Славно, если рядом честный,
Умный, добрый, интересный,
Удивительный, чудесный,
В общем - правильный сосед!».

- Мы, - сказали братья, - бросим
В игры глупые играть.
Мы вас очень-очень просим
Никуда не уезжать.
Кочевая эта доля,
Каждый знает, нелегка.
Пусть кочуют ветер в поле
Да по небу облака!

Считалка трех котят

Серый кот
Тучный кот
Собирается
В поход.

А в походе
Неодетым
Будешь зябнуть
Даже летом.

Недовольно
Кот бормочет -
Одеваться
Кот не хочет.

Одевали
Мы кота
От ушей
И до хвоста.

Подобрав
Трусы и майку,
Сшили
Ватную фуфайку.

На затылок
Еле-еле
Шапку тёплую
Надели.
В шапке
Серый кот хорош -
Стал
На чучело похож.

Но теперь,
Уйдя в поход,
Не озябнет
Серый кот!

На крыше

Средь котят - любой проказник.
На трубе они сидят
И все трое дразнят, дразнят,
Дразнят с крыши всех подряд.

- Солнце! Что повисло? Лучше
К нам спускайся поскорей.
Вмиг щелчка от нас получишь
Ты по лысине своей!

- Жеребёнок! Жалкий пони!
Как ты скачешь? Стыд и срам!
Разве ты годишься в кони?
Вьючным ты сродни ослам!

- Эй, корова, эй, старуха!
Из костей дырявый тюк!
Не корова ты, а брюхо,
Молока большой бурдюк!

- Эй, ворона! Захотелось
Стать еще черней тебе?

Не для этого ль уселась
Ты, ворона, на трубе?

Средь котят - любой проказник.
На трубе они сидят
И все трое дразнят, дразнят,
Дразнят с крыши всех подряд.

Ах, котята! Ну а сами
Вы б обиделись иль нет,
Если б: «Эй, хвосты с усами!» -
Кто-то крикнул вам во след?

Три котёнка и радио

Нелегкий труд - уборка урожая.
Кипит, бурлит работа на полях.
А радио под вечер сообщает
О самых свежих сельских новостях:

«Сегодня хлопка убрано немало.
Пример в работе Хрюшка подала.
Она сама ударно убирала
И поросят с собой привела.

Когда пришла вечерняя прохлада,
Участок не покинула она.
Трудилась эта славная бригада
Буквально от темна и до темна.

Неплохо поработали телёнок,
И гусь, и черепаха, и баран.
Хоть маловато у щенка силёнок -
И он старался, выполняя план.

Нам солнышко сегодня улыбалось,
Над полем в полдень замедляя ход:
- Я вам бы тоже подсобило малость,
Да только много с фруктами забот...».

Программу эту ждут Юсуп с Хомматом,
Эзизу тоже нравится она.
Уж очень-очень хочется котят
В ней и свои услышать имена.

Включают братья радио, но снова
Совсем не то, что хочется, звучит.
Опять - верблюд, ишак, баран, корова...
А про лентяев радио молчит.

Печальные, унылые все трое.
Начнут играть - не радуется игра.
Село - такое скучное, пустое.
Ведь каждый в поле с самого утра.

Село теперь надолго опустело.
Юсуп лежит у печки, греет бок.
Эзиз сидит, зевает то и дело,
Хоммат глядит угрюмо в потолок.

И надоели так мученья эти,
Что мысль сама собою к ним пришла:
Взяв три мешка, котята на рассвете
Легко и дружно вышли из села.

...Нелегкий труд - уборка урожая.
Кипит, бурлит работа на полях.
А радио под вечер сообщает
О самых свежих сельских новостях:

«Сегодня в общий ряд котята встали.
Мы братьев от души благодарим.
Они и сами хлопок убирали,
И помогали, как могли, другим.

Юсуп, Эзиз таскали хлопок с нами,
Ну а Хоммат увязывал мешок.
Все трое стали передовиками
И каждый получил флажок!».

Забывчивые котята*

Три брата котёнка
Мечтали о мышке
Кастрюлю нашли.
Накололи дровишки.
Решили они
Приготовить обед -
Ведь блюда на свете
Чудеснее нет.
За старым сараем
Три брата котёнка
Под вечер поймали
Худого мышонка.
Чтоб стал он крупнее
И толще чуть-чуть,
Котята решили
Мышонка раздуть.
И вот принялись
За работу котята:
Они раздували его

* Перевод В.Орлова

До заката.
Когда же взошла
Над сараем луна,
Они из мышонка
Раздули слона.
Котята в испуге,
Котята не рады:
Стоят на коленях
И просят пощады.
Не могут от страха
Припомнить того,
Что сами они
И раздули его.

Однажды

То вдаль идёт дорожка,
А то свернёт к избе.
На свадьбу едет кошка,
Усевшись на арбе.

Поездке этой рады,
Тихонечко сидят
Котята с мамой рядом -
Юсуп, Эзиз, Хоммат.

Мелькает зелень леса,
Бегут столбы, дворы...
Доехать бы до места,
Покуда нет жары.

Лошадка торопилась,
Пустилась вскачь - и вот
Случайно оступилась,
Упала - не встает.

Лошадку очень жалко.
Но что же делать тут?

Не помогает палка,
Не помогает кнут.

Котята встали дружно:
- Неужто мы слабы?
Да разве, если нужно,
Не сдвинуть нам арбы?

Опять бежит дорожка,
Вокруг - цветы, хлеба...
Довольна мама-кошка,
Что катится арба!

Путешествие

Неведомые страны
Котят давно влекут.
Котята - капитаны,
А их корабль - верблюды.

Здесь палубы, здесь трюмы.
И не велик обман
Считать, что Каракумы -
Огромный океан.

Уселись капитаны
На корабле верхом.
Песчаные барханы
Раскинулись кругом.

Собою так похожи
Барханы на волну!
По ним приедешь тоже
В далёкую страну.

В бинокли неустанно
И пристально глядят
Три храбрых капитана:
Эзиз, Юсуп, Хоммат.

И видят мореходы:
По курсу их, вдали,
Пираты-мыши бродят
И грабят корабли.

Сильна бандитов стая,
Коварна и умна.
Так вот она какая -
Далёкая страна!

Был бой совсем не краток.
Он шёл весь день, всю ночь.
Пленив мышей с десятков,
Штук сто прогнали прочь.

Бесстрашно атакуя
Песчаную волну,
Корабль плывёт в другую
Далёкую страну.

В бинокли неустанно
И пристально глядят
Три храбрых капитана:
Эзиз, Юсуп, Хоммат.

Песня сытой собаки

Пусть, от солнца изнывая,
Всё погибнет на жаре.
Ну а мне беда какая?
Мне спокойно в конуре!

Здесь уютно, здесь прохладно,
Здесь не нужен мне никто.
Дома нет у вас? И ладно!
У меня он есть зато!

Пусть вокруг трещат морозы,
Пусть весь мир покроют льдом -
Наплевать на их угрозы:
У меня прекрасный дом!

Здесь и в стужу - словно летом,
Как под шубой иль в пальто.
Дома нет у вас? С приветом!
У меня он есть зато!

Не замечу здесь ни града,
Ни метели, ни жары,
Ни того, кто бродит рядом,
Не имея конуры.

Сухо в мире или влажно -
Не страшит меня ничто.
Дома нет у вас? Неважно!
У меня он есть зато!

Поднимаюсь с петухами

Пусть подремлет солнца лучик.
Ну а я не буду спать.
Говорит бабуля: - Внучек
С петухами встал опять!

Физзарядку сразу сделав -
И охотно, и легко,
Из красивой кружки белой
Пью парное молоко.

Смелым всадником на палке
Я во двор спешу скакать.
Двух девчонок в догонялки
Приглашаю поиграть.

Не пойму я их, девчонок, -
Очень странные они:
На уме у них спросонок
Дочки-матери одни.

Хоть Баллы в войну играет,
Я к нему не подхожу:
Он задира - каждый знает.
Я с такими не дружу!

Подожду Сары немножко -
Он привык подолгу спать.
У Сары - щенок и кошка,
Будем долго мы играть.

Днём бабуле помогаю
Мыть полы, сушить белье.
А под вечер, уставая,
Сказки слушаю ее.

Солнца лучик еле светит,
Но покамест не темно.
А глаза под сказки эти
Закрываются давно.

Еле двигая ногами,
До кровати доберусь.
Поднимаюсь с петухами -
С петухами спать ложусь.

Лисица-охотница

Солнышко садится.
Темнота пришла.
Мечется лисица
Около села.

Бегаёт, считает,
Сколько фонарей
По селу мигает
И скрипит дверей.

Вышла на охоту,
Но удачи нет.
Мимо ходит кто-то,
Где-то вспыхнул свет.

Чей-то голос рядом.
Экая напасть!
Ей в курятник надо!
Как туда попасть?

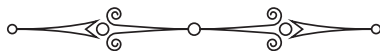
Так хорош на ужин
Плов из петушков!

И ничуть не хуже
Суп из потрошков.

Даже выступает
Слюнка на губах.
Но собаки лают,
Нагоняя страх.

Ночью ей не спится -
Не дают дела.
Мечется лисица
Около села.

Ползёт черепаха

Найдя себе цель очень странную,
В упорстве немного смешна,
Нелёгкой дорогой песчаной
Ползёт черепаха одна.

Ползет черепаха. Дорога трудна.
Но с солнышком встречи
так хочет она!

А солнце глядит, улыбается.
Картина, конечно, странна:
В песках, словно в море, качается,
Плывёт черепахи спина.

Ползёт черепаха. Дорога трудна.
Но с солнышком встречи
так хочет она!

Мне кажется в утро погожее,
Когда я гляжу из окна:
На ту черепаху похожая,
На солнышке точка видна.

Ну что ж! Хоть дорога длинна и трудна
Так с солнышком встречи
хотела она!

Моя мечта

Просыпаясь
Утром рано,
Слышу
Звуки барабана.

Я всегда
Увидеть рад
Учеников
Чёткий ряд.

Из окошка
Им кричу:
- В школу
Тоже я хочу!

И рукою
Им машу:
- Я, ребята,
К вам спешу!

Я лишь только
У бабули

Разрешения
Спрошу.

Выбегаю
Из ворот,
Но меня
Никто не ждёт.

Торопясь,
Шагают к школе.
Трудно что ли?
Трудно что ли?

Хоть обидно
Мне до слез,
Я не стану
Вешать нос.

Я - не маленький!
Смотрите,
Как я за зиму
Подрос!

У меня -
Хороший план:

Надо выкрасть
Барабан.

Постучу
По барабану -
Школьником я
Сразу стану!

...Лето.
Солнечно.
Тепло.
Мне сегодня
Повезло!
А ребята
Летом где?
Всем известно:
На воде!

Вижу я
Издавека:
Переполнена
Река!

Быстро к речке
Я бегу.

Барабан -
На берегу!..

Я теперь
По барабану
Целый день
Стучать могу!

Спрятан он
У нас в сарае.
Я один
Об этом знаю.

Барабаню:
- Тра-та-та!
Ах, какая красота!
Вот и стал я,
Как ребята,
И сбылась
Моя мечта!

Только это
Был обман.
Неудачным
Вышел план -

Прибежали
Школьники
И забрали
Барабан.

Во дворе мне
С той поры -
Ни прогулки,
Ни игры:
Все зовут меня
Воришкой,
Хоть и звать меня -
Чары,
Даже папа -
Вот досада! -
- Так, сказал, -
Тебе и надо!

А бабуля
Подошла,
Тихо
За руку взяла:
- Ученик
Обязан делать
Только добрые
Дела!

... Просыпаясь
Утром рано,
Слышу
Звуки барабана.

В школу очень
Я хочу,
Но об этом
Не кричу.
Я до вечера
Успел
Сделать уйму
Добрых дел.

Утром
Два часа подряд
Я зерном
Кормил цыплят.

Раскудахталась
Наседка,
Перепугана
Соседка -

Подзатыльник
Мне дала.
Жаль, она
Не поняла:

И соседкам
Делать надо
Только добрые
Дела.

Говорит
Бабуля наша:
- Хороша
Из тыквы каша!

В огород иду -
А тут
Тыквы жёлтые
Растут.

Хвастуны

Повстречались три соседа:
Кошка, мышка и осёл.
Началась у них беседа.
Каждый чем хвастнуть нашёл.

Ход началу разговора
Мышь дала:
- Мой дядя - слон.
Едем в Индию мы скоро -
Приглашает в гости он.

Кошка выступила важно:
- Посмотри-ка на меня!
Сразу видно: тигр отважный
Мне - ближайшая родня.

А осёл нетерпеливый
Поразмыслил так и сяк
И сказал:
- Мой брат - красивый
И породистый рысак.

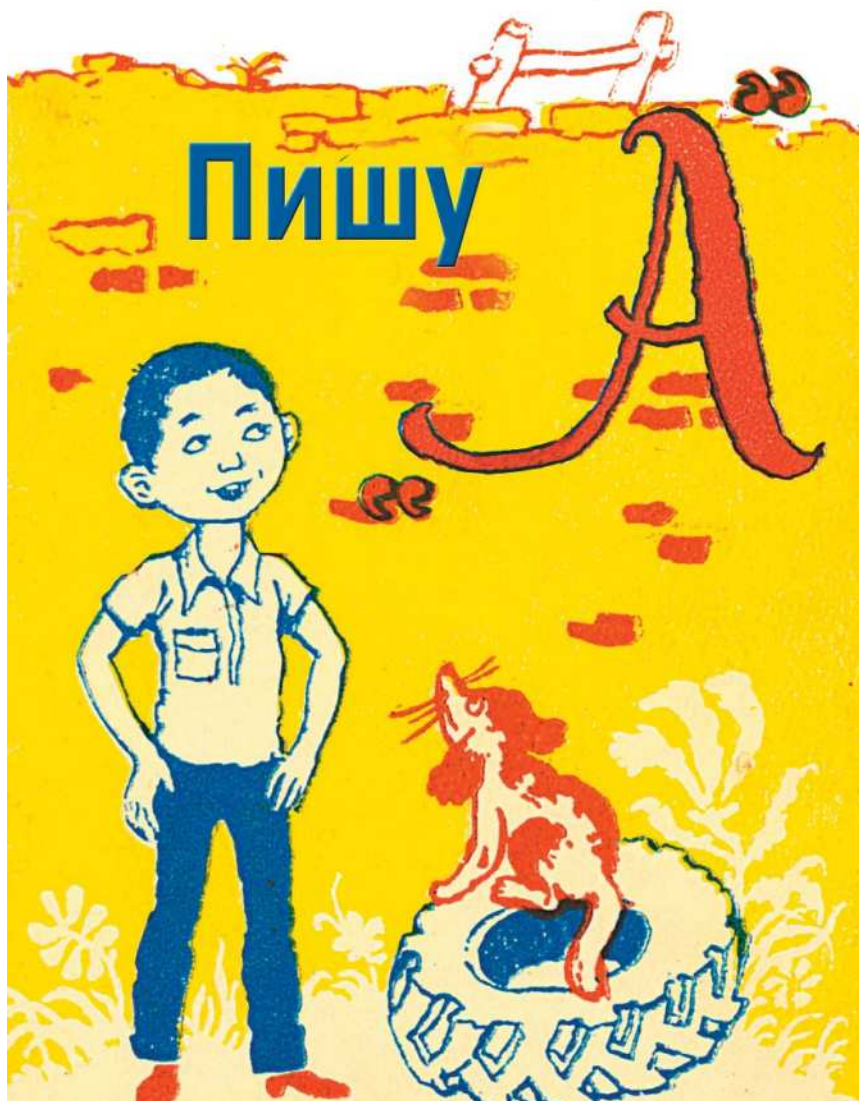
Он то в Риме, то в Париже
Состязанья там идут...
Подшли, всё слышав, ближе
Черепеха и верблюд.
- Так, - изрёк верблюд, - похожи
Мы со страусом! Вот-вот
Раздобуду крылья тоже
И взлечу под небосвод!

Черепехе слово дали.
А она:
- Верблюд отстал!
Мы с сынком уже слетали -
В небе солнышком он стал!

Всё мы слышим, замечаем.
В споре так они смешны!
Кто есть кто - прекрасно знаем.
Только мы - не хвастуны!

Переводы Равиля Бухараева

Пишу «А»

Я знаю букву «А»
В словах «трава» и «мама»!
Отныне букву «А»
Везде пишу упрямо.

Пишу карандашом
В большом блокноте белом.
И на песке - прутом,
И на заборе -
Мелом.

Я выцарапал «А»
Гвоздем
На шине старой,
Кусочком кирпича -
На лестнице пожарной...

Нетрудно «А» писать
Красиво и умело,
Нобходимо взять
Простой кусочек мела.

Одна нога - туда.
Одна нога - сюда.
Линейку - поперёк,
И повторить урок!

Мое слово

Брожу
В пастушьей шапке.
Как взрослый,
Бормочу:
От папы и от мамы
Отдельно
Жить хочу.
Я к собственному дому -
Родному шалашу,
Чтоб мягче спать,
Солому
Охапками ношу.

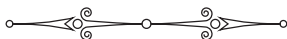
Беру бинокль и шубу,
Чтоб в ней зимой
Ходить.
А из бинокля буду
За бабушкой
Следить.

Она клубок мотает.
Смеётся надо мной:

Внучонок подрастает,
Скучает он со мной.

Я тоже улыбаюсь
Вслед бабушке
Своей...
Когда проголодаюсь,
Приду я
В гости к ней!

Верхом на коне

Соколом в седло взлетаю!
Можно выезжать!
Тут ведь главное - поводья
Правильно держать.

С четырех сторон - простор,
И скачи во весь опор!
Гул копыт. Пустыня - словно
Барабан гудит.
На коне сажу я ровно.
Так отец сидит.

Ослика или верблюда
Догоню легко.
Э-ге-гей! Я скоро буду
Очень далеко!

Еду, солнце обгоняя,
И пускаюсь вскачь!
Солнце прыгает по небу,
Будто жёлтый мяч.

Солнце вслед за мною мчится!
Солнце, поспеши!
Вот - колючая пшеница.
Это - камыши.

Я от ветра тюбетейку
Прячу на груди.
В камыше ищу лазейку -
Берег впереди!

Странное дело:
В озере, дразня,
Солнце плавает...
Успело обогнать меня!

Вот озеро. Рыбы
В его глубине,
Совсем как мальчишки,
Играют на дне.

Я тоже не хуже
Лягушки любой
Нырял в это озеро
Вниз головой.

Шуршит предо мною
Стена камыша.

Я б дудочку вырезал
Здесь не спеша.

Но жаль, выезжая,
Оставил я нож.
А лист камышовый
На саблю похож.

Прозрачное озеро
Плещет у ног.
Пущу по волне
Камышовый челнок!

А знаете, чем
Удивляет вода?
Она подражает
Всему и всегда!

Вот сделалась небом:
Колеблясь слегка,
Неспешно плывут
По воде облака.

Вот белая птица
На синей волне,

Сквозь птицу я вижу
Растенья на дне.

Я радуюсь! Озеро -
Словно кино:
Коня и меня
Показало оно.

Конь по пустыне идёт деловито,
В мягкий песок окуная копыта.

Если бархан могуч и высок,
Я опускаюсь на белый песок

С вихрем беседую я иногда.
Вихрь улетает - и вновь ни следа!
Едем. Трава здесь была зелена,
Желтой и блеклою стала она.

Вот черепаха, покрытая каской,
Вдруг на меня поглядела с опаской.

Жарко! Попрятались змеи в тени
И насекомые. Только одни
Оводы кружат, туда и сюда,
Осликов бедных гоняя стада.

Конь птицей взлетел на бархан!
Вздыхает, уздечкой звеня.
Прекрасней неведомых стран
Родная пустыня моя!

Легко предо мною легли
Веселые краски земли.
Как будто плывут корабли,
Мираж исчезает вдали.

Мы вниз устремимся стрелой,
По жарким пескам, напрямик!
Столб пыли несётся за мной.
Журчит предо мною арык.

Преграды для всадника нет!
Дивятся, тряся бородой,
Две ивы седые мне вслед,
Склонясь над блестящей водой.

Сурово глядит саксаул,
Я вижу родимый аул.
Весь мир открывается мне,
Когда я верхом на коне.

Цветущий луг пустыни

Над пустыней
Сини
Небеса весной!
Все
Цветы пустыни
Говорят со мной.
Бабочку
Ловлю я
Носовым платком.
Вот летит,
Кочуя,
На цветок опять!
До чего хочу я
Бабочку
Поймать!
Мир
Такой огромный!
Красочны,
Легки
Пчёл аэродромы -
Чудо-лепестки!

На реке

И чайка,
И парус,
И зной
Над волной,
И я
Улыбаюсь
Волне
Озорной.
На мелкие камни
Ложится
Волна.
Моими руками
Играет
Она.
Сначала
Горой
Начала
Вырастать -
Опять
Зажурчала
По камешкам
Вспять.

Волна
Разговоры ведёт,
А вдали -
Как белые горы
Плывут
Корабли.
Прощальный гудок
И дымок
Над трубой,
И жёлтый песок
У волны
Голубой...

Куда спешит аул

Летом
Я всегда ношу
Лёгкие ботинки.
В гости к бабушке
Спешу
по степной тропинке.
Съем урюк и курагу,
Горку винограда.
На бахче ей помогу
То-то будет рада.
Эй, тропинка, приведи
Поскорее в гости.
Вот остались позади
И канал,
И мостик.
Ветер,
Хлопнув по спине,
Посильней задул.
И бежит навстречу мне
Бабушкин аул.

Письмо другу

Здравствуй, Агагельды! Знаешь, я неожиданно думал о том, что прошло уже пять лет со дня нашей первой встречи и нашей первой совместной работы. Это были дни VI Всесоюзного совещания молодых литераторов, когда Валентин Дмитриевич Берестов впервые показал мне подстрочники твоих книг для детей.

Знакомство наше состоялось позже, и я рад был увидеть именно того человека, какого представлял себе по стихам. Ибо незнание туркменского языка не помешало разглядеть в твоих подстрочниках тебя - настоящего детского поэта, доброго и умного.

Прошло уже пять лет, ты - автор нескольких книжек и на туркменском, и на русском языках, а мне впервые захотелось объяснить себе простоту и обаяние твоих стихов - секрет, который я ощущал до сих пор как солнечное свечение колодца на извечном караванном пути.

Может быть, и тебе это пригодится...

Я не удивлюсь тому, что твой поэтический взгляд на мир - это искренний взгляд ребенка, без этого и нельзя быть поэтом. Важно, что ты - детский поэт Туркмении, умеющий подать взгляд туркменского мальчика любому маленькому человеку страны, умеющий все же

взглянуть на заповедные взрослые аксиомы. Вот одна из них: Туркмения - страна суровых песков. Но что видит твой маленький герой, переходящий из стихотворения в стихотворение? Конечно, и черепаху, лежащую, как качка, на пустынном песке, и змею, скользящую в тень, и крохотный смерч, на мгновение оживший жаркий песок... Но главное для него - это журчащий арык в тени седобородой ивы, игра рыбёшек в глубине камышового озера, отражение птицы и своего скакуна на воде.

Да хочет по-своему объяснить окружающий мир:

А знаете,

Чем удивляет вода?

Она подражает

Всему и всегда!

- Или из той же поэмы «Верхом на коне»:

Я радуюсь:

Озеро - словно кино.

Коня и меня

Показало оно!

“Вода - это жизнь”, - сказал бы взрослый человек. Определение справедливо, но в нем нет удивления, вечно рождающего поэзию, и гораздо более справедлив и прозрачен ликующий возглас твоего маленького всадника:

Прекрасней неведомых стран

Родная пустыня моя!

Думая о твоих стихах, работая над переводами, я

понял, что твое творчество совершенно лишено даже лёгкого оттенка грусти о невозвратности детства, той печальной иногда задумчивости, которая придает очарование многим стихотворениям для детей. Перечти хотя бы Овсея Дриза, Маршака или Уолтера де ла Мера. Отчего это, думал я, и, мне кажется, осознал. Грусть не свойственна характеру твоего маленького героя, ибо основное в его будущем взрослом самосознании - это мужество, непоколебимое мужество жителя пустыни. И, может быть, именно в этом главное национальное своеобразие твоих книг - из поколения в поколение передаваемая вера в свои силы:

Гул копыт. Пустыня - словно

Барабан гудит.

На коне сажу я ровно.

Так отец сидит, -

гордо говорит маленький туркмен, и потому-то исток твоего творчества - незамутненный свет воды, пронизанный жгучим солнцем песков.

Журчание арыка под палящими лучами не навеет грусти, как, например, тенистый родник средней полосы России. Яснее всего искони заложенная в характер туркменского мальчугана суровая доброта видна в стихотворении «Верблюжонок», так ты и хотел назвать следующую книгу:

Пусть жара!

Пусть овод жжет!

Верблюжонок здесь живёт

Ну куда же он уйдет

Из родной пустыни?

В каждом твоём стихотворении открывается новая чёрточка характера твоего героя: и лукавство, и мудрость, и недоумение, и серьёзность «под взрослого» - забавная и милая «серьёзность»!

Даже не зная тебя, я знал твои стихи: твоя любовь к детям - это умение внимательно слушать их, удивляться и верить вместе с ними.

Много дано - много и спросится, но мир, которому ты посвятил себя - неисчерпаем: помнишь, как ты рассказывал мне историю о том, как четырехлетний мальчик остался в доме за старшего:

- Папа, а мама опять меня не слушалась!

- А что случилось?

- Весь день отказывается со мной кузнечиков ловить!

Удачи тебе и новых стихов!

Твой друг и переводчик

Равиль Бухараев.

“Детская литература” №7 - 1981г.

На солнцепеке

Играли
Три брата-котёнка
В саду:
Сначала - в пятнашки,
Потом - в чехарду,
Затем - в догонялки,
А после уж - в прятки
На клумбе в цветах
И в моркови на грядке,
Пока побороться
Чуть-чуть не решили,
И так себя
В серой пыли извозили,
Что их
И родная бы мать
Не узнала,
Когда бы от них
Чуть подальше лежала,
И глаз не сводя
Со своих близнецов,
Таких вот
Про них бы

Не думала слов:
- Конечно,
Есть самые разные дети,
И все же мои
Всех прекрасней на свете:
Растут удалцами,
Глядят молодцами,
И все,
Как один,
От рождения - с усами!...

Жаворонок

Однажды
Жаворонок
К солнышку поднялся,
И сам своей отваги
Испугался:
- Зачем, - взмолился, -
К солнышку я взвился,
Когда спускаться вниз
Не научился?
И крыльями
В испуге замахал,
Но - как это ни странно -
Не упал,
А между небом
И землей повис,
А после уж легко
Спустился вниз...
С тех пор
В себя поверившая птица
Летать уже
Нисколько не боится,

А вновъ
И вновъ
Взлетает ввысь, в зенит,
И, как бубенчик,
Там весь день звенит!...

Рассвет

Я. Аким

Сведя ночную мглу на нет,
В мой край опять
Вернулся свет -
Над ним опять
Проснулось утро:
И снова вспыхнула роса
Из жемчугов и перламутра,
И взмыли

птицы

в небеса.

А вот и солнце, не спеша,
Взошло вдали,
Светясь багрово,
И ставшая добрей душа
К любому

добру

готова.

Собака под седлом

В одном из селений,
Не помню в каком,
Решили собаку
Считать скакуном.

И тут же, конечно,
Конём нарекли,
Надели седло
И на луг отвели

Затем, чтобы сил она
Там накопила
И всех бы в округе
На скачках побила...

Собака смирилась, привыкла,
Однако,
На скачках в ней вновь
Пробудилась собака:

Она и пустилась
На всех своих лапах

Бежать не по кругу,
А прямо - на запах
Какого-то зайца,
Не помня немало,
Про то, что Коню
Так вести не пристало,
Что Конь должен легкою
Рысью лететь
И, пыль поднимая,
Уздечкой звенеть,
И ржать громогласно,
Как все скакуны...
И все-таки - нет здесь
Собачьей вины:
Она ведь Конём
Никогда не была,
Хотя, словно Конь,
Под седлом и жила!

Джейранья чаша

Стоит,
Забравшись на крутой бархан,
На чётках
Чаши с дождевой водою,
И смотрит -
Не спешит ли к ней джейран,
Не мчится ль птица,
Утомясь от зноя,
Ведь на бархане
Всем теперь она
Издавека легко видна...

Прощанье с теплом

Снова осень пришла,
Жухлой стала трава.
Облетает, шурша,
С веток сада листва.

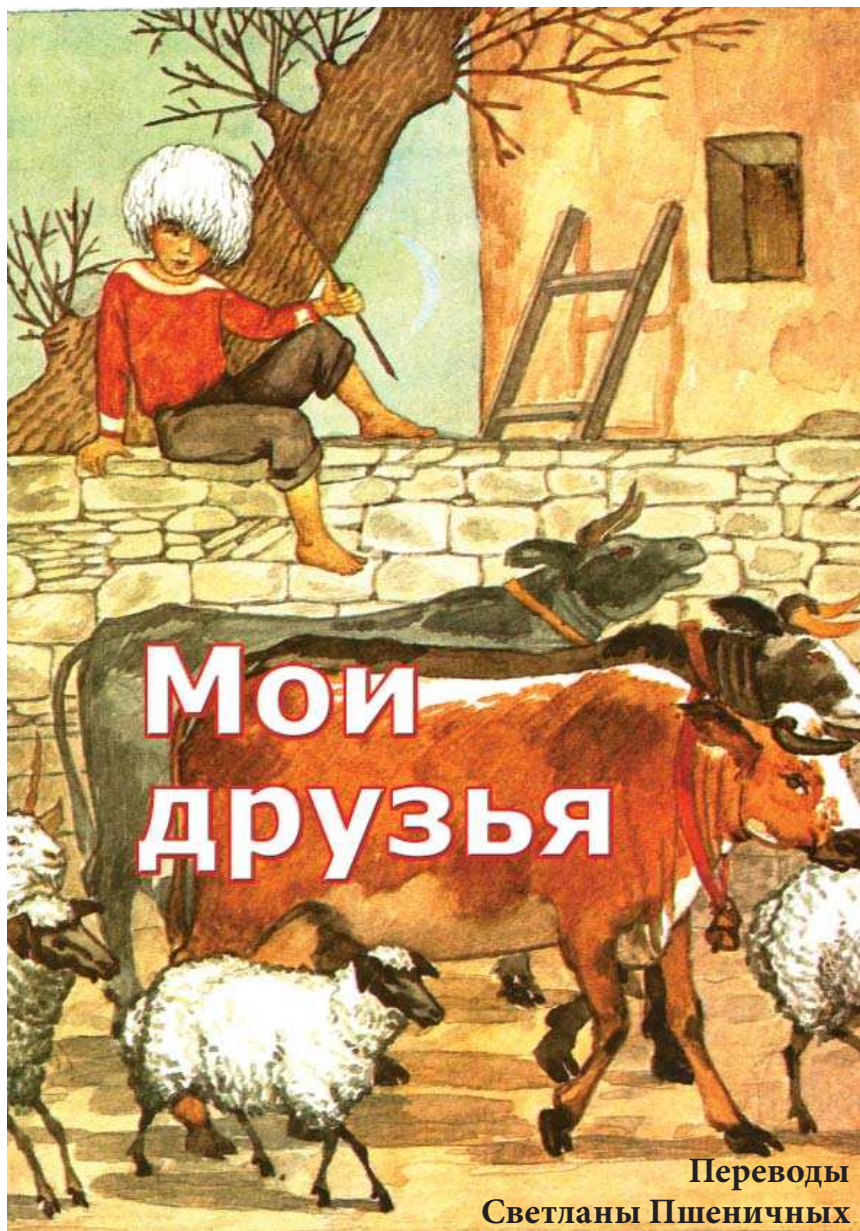
Воздух свеж,
А река -
Словно лёд, холодна.
На долины легла
Серой мглы пелена.

Облака...
Как они
Тяжелы от дождей,
А в недавние дни
Были хлопка белей
И летели легко
Над землей во весь дух
Далеко-далеко,
Невесомы, как пух!...

А теперь,
А теперь
Все приметы за то,
Что уж скоро за дверь
Не шмыгнёшь без пальто.

...Ветер мечется зло
И свистит на ходу,
Что вернётся тепло
Только в новом году,
Что вчера журавли
В край заморский, чужой,
До весны унесли
Его вместе с собой...

Мои друзья

Переводы
Светланы Пшеничных

Мои друзья

У нас большой и дружный двор.
В нём не бывает драк и ссор.
Здесь все жильцы - мои друзья,
И обо всех забочусь я.
Друзей своих я берегу,
Их угощаю, как могу:
Припас я для лошадки
Кусочек дыни сладкой.
И приготовил кошке
Я молока немножко.
И соли я в солонку
Насыпал верблюжонку.
И ослику напиться
Налил воды в корытце...
Мне забывать о них нельзя,
Ведь все они - мои друзья!

Верблюжонок

Хоть с верблюжонком
Я дружу,
Его домой
Не привожу -
Он хоть и маленький
Пока,
Но дверь уже
Ему узка!

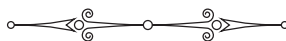
Петушки

Возле нашего порога
Петушки шагают в ногу.
Маршируют петушки -
Раскраснелись гребешки.
Я шагаю с ними в ряд -
Я ведь будущий солдат!

Собака

Где живет
И ходит пес
Помнят лапы,
Помнит нос.
Оттого и не боится
Он в дороге заблудиться.

Лошадка

Я лошадку
Не боюсь.
С нею утром
Сливками делюсь.
Мне лошадка
Машет головой:
- А теперь овса
Поешь со мной.

Ослик

Возит ослик дедушку
Из села в село -
Ослику нетрудно
И не тяжело.
Я сажусь на ослика,
Говорю: «Вперед!» -
Наш упрямый ослик
С места не сойдет.
Стал теперь пораньше
Я ложиться спать,
Чтобы поскорее
Дедушкой стать.

Счастливый телёнок

У нашей коровы
Счастливый телёнок:
Едва он ресницы
Откроет спросонок,
Умает корова
Его языком,
А после напоит
Парным молоком.
Не надо телёнку
Кровать застилать,
Не надо ботинки
Ему шнуровать.
И делать зарядку
Не надо ему...
А мне вот приходиться
Всё самому.

Ягнёнок

Я узнал язык овечий,
Он почти как человеческий.
Говорит ягнёнок: «Ме! -
Дай поесть скорее мне!».
Если он чуть слышно блеет,
Значит чем-нибудь болеет.
Если сердится - кричит.
Я теперь его всегда
Понимаю без труда.

Кошка

- Мур, мур, мур,
Мур, мур, мур, -
Кошка напевает.
Потому что другой
Песенки не знает.
Просто не ходила
В детский сад она.
Потому у кошки
Песенка одна.

Цыплята

Я наседке помогаю:
Вместе с ней
Цыплят считаю.
Но трудна работа,
Сбился я со счёта -
Все цыплята -
Вот беда! -
Разбежались
Кто куда.
Я до ста считать могу -
Пусть она построит в ряд
Непоседливых цыплят!

ЗЕЛЕННЫЕ КАЧЕЛИ

Переводы Александра Брагина

День смеха

Ослы чистят
Черные фраки.
Гладят рубахи
Собаки.
От мыла чихают
Грачи:
- Ап-чхи.
А перед зеркалом
Мамы-верблюды
Выйти готовятся
В люди.
Куда же
Почтенное общество
Утром в субботу
Торопится!
Может быть,
Им на работу
В эту субботу?
Звонко кукует
Кукушка.
Все собрались
На опушке.
Лица такие

Серьезные, важные,
Строгие, грозные,
Я крокодилу
Кричу:
- Над чем вы смеётесь,
Милый?
Не до меня
Крокодилу.
- Ло-ло-ло. -
Смеётся верблюд.
- Мо-мо-мо. -
Хохочет корова
И больше
В ответ мне
Ни слова.
Час ожидаю -
Смеются.
К вечеру день -
Не уймутся.
На следующий день,
Собираясь уехать,
Узнал я,
Что был у животных -
День смеха.

Зелёные качели

- Пиу-пиу, - пели
Зелёные
Качели,
Ветер их
Раскачивал,
Слова
Переиначивал,
Баловался
И шалил,
По-туркменски говорил.
На зелёные
Качели
Три отважных
Мухи сели
И четыре
Воробья.
- Пью-а, пью-а.
Капельки
Летали,
Чуть
Не упали.
Небо -

Земля.
- Пи-я, пи-я.
В очередь бабочки
Становились,
Внучки и бабушки
Прокатились.
Но вы еще об этом
Не знаете,
Друзья,
Качели - это
Ветви,
А ветер -
Это я.

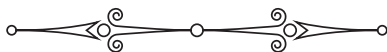
Петух

Ах, курицы!
Ах, умницы!
Берут по лёгкой сумочке,
С зелёною каёмочкой,
И мигом на базар.
Петух бежит вдоль улицы
И солнышком любитесь,
И думает, что солнышко, -
Пшеничное зерно.
«Его бы поклевать», - кричит.
«Его бы поклевать», - кричит.
«Зачем такое зрелое
Во двор не упадёт?».

Странная лиса

Вот прибежала
Лиса тяжело.
А на лисе
Золотое седло.
Всадник садится
И машет рукой,
На рыжей плутовке
Всадник
Лихой.
Ездит
Горами,
Спускается
Вниз,
Чудно -
Смотреть
На оседланных
Лис.
Это впервые
Мой брат
Без меня
В новом альбоме
Рисует
Коня.

Помощница

Гозель не терпит грязи,
Пылинку с рук смахнет.
Гозель не терпит грязи,
А брат, наоборот.
Гозель в его портфеле
Увидела тетрадь.
На ней, смеясь сидели
Клякс триста пятьдесят.
В тазу шипело мыло
И океан играл:
Гозель тетради мыла
А брат о том не знал.
Но только он заметил -
Закричал и замычал...
Он мыло ненавидел,
А кляксы защищал.

Жёлтая дыня

Жёлтая дыня,
Жёлтая дыня
Кто тебя ел -
Все не называли медом?
А кто тебя
Так разрисовал?
Скажи,
Хочу узнать...
....А вот что вспомнил я:
Недавно мой братишка
Был около тебя.
Наверно, он разрисовал,
Как разрисовывает тетрадки.

Настоящий телефон

Перепутав всё на свете,
Называют «ветром»
Ветер.
А на самом деле он -
Настоящий телефон.
Куры,
Ветренный народ,
Зачастили в огород.
Я, увидев, крикнул:
- Пошли!
И слова до них
Дошли.
Разлетелись кто куда,
Не оставили следа.
А донёс мой голос
Он -
Настоящий телефон.
У меня щенок пропал,
Я его весь день искал.
Безнадёжно крикнул:
- Лана!
Он ко мне из-под дивана.

А донёс мой голос
Он -
Настоящий телефон.
Все задачи решены,
Мне мои друзья нужны.
Пальцы в рот,
Свистну я -
И бегут ко мне друзья.
Свист до них доносит
Он -
Настоящий телефон.

1971 год

Переводы Сергея Каратова

ВЕРБЛЮЖОНОК - ЧЕМПИОН

Дождь

Долго был он тучей,
Не пускался в пляс.
Дождь глядел на землю
И глядел на нас.
Силы собирая,
Он бродил вокруг.
На кого -
Не знаем
Рассердился вдруг.
Да и хлынул сверху,
Были мы - и нет!...
До дверей за нами
Дождик гнался вслед.

ВЕРБЛЮЖОНОК-ЧЕМПИОН

/поэма-сказка/

I

Есть в жёлтой пустыне
Под сводом небес
Таинственный город -
Город чудес.

Там стены обрывов
Почти решето,
И птицы влетают
В родное гнездо.

Лиса свои окна
Украсила в шёлк.
А в доме роскошном
Сосед ее - Волк.

Зверь многодетный -
Там суслик в норе.
Тесно в комнатухе
Его детворе.

А в доме у Тигра
Окошек не счесть...
И дача у моря
Огромная есть.

Телом здоровы,
Красивы душой -
Обжили спортсмены
Тот город большой.
Войдите в квартиры,
В кафе или в сад;
Там всех чемпионов
Портреты висят.

Среди быстроногих
Джейран - чемпион.
С портретов друзьям
Улыбается он.

Заснят был со штангой
Внушительный Слон.
Он диски осилил
Пять с половиной тонн...

Журавль голенастый,
И надпись гласит:
«Всех дольше на ножке
Одной он стоит».

Там лодырей нет
Но множество дел.
Есть здесь Верблюжонок -
Он всем надоел.

Любимым занятием его
Является сон.
Мочалку и мыло
Совсем не терпит он.

Не раз говорили:
«Ты тощ, как игла.
Занялся б футболом -
Вот это игра!

Кто трудится много,
Тот телом здоров,
А ты ж не готовишь
Ни корма, ни дров.».

Однажды он в степь
От позора бежал.
Ну чем же я хуже
Других горожан?

Ведь вот у Коровы
Ни сил, ни ума,
Но всё равно ее уважают
И ценят весьма.

И долго решал он:
“Что делать?, как быть?,
Какое лекарство от лени
И откуда добыть.

Напрасно послушать
Людей не хочу.
С болезнью своей
Покажусь я врачу”.

II

Вот дом на холме.
Возле дома скамья,
И в белом халате
Сам доктор - Свинья.

Он разные травы
И корни припас,
Зверей от болезней
Спасал он не раз.

А в доме Свиньи
Жаром пышет очаг,
Кипят в казанах
И полынь, и горчак...

Не нравится Зайцу
Настойка из трав.
Журит его доктор,
И в этом он прав.

Входи-ка, Верблюд,
Говори, что болит!
Знает он - горячий песок
Снимет радикулит.

Убрал доктор клещи,
Убавил огонь.
Прибита подкова -
Скачи себе, Конь!
Но вот Верблюжонка
Слушает врач:
Ай, мальчик -
Не болен,
А учишься врать!...

Ты в городе первый
Бездельник и плут!
Вдруг доктор смягчился:
Садись-ка вот тут!

Садись, объясни,
Отчего ты такой,
Что все на тебя
Вдруг махнули рукой?

От лени своей
Натерпелся я бед,
Вы дайте мне, доктор,
Полезный совет.

Задумался доктор -
Он вовсе не прочь
Помочь Верблюжонку.
Но чем бы помочь?

И тут от аптеки
Достал он ключи.
Лекарством зовутся в ней
Гири, мячи...

Канат, словно косы,
Ядро, как арбуз...
Любое лекарство
Отведай на вкус.

Врач мячик подбросил, -
Пусть лечит футбол!
Тугим животом
Мяч ударился об пол.

Ты это лекарство
В сарае не прячь,
И лень как рукой
Снимет кожаный мяч.

И мяч далеко
Побежал по песку.
За ним Верблюжонок
На полном скаку.

III

Вставай, Верблюжонок! -
Мяч кличет с утра, -
Скорее на поле,
Размяться пора!

Не хочется так
Подниматься чуть свет,
Но помнится доктора
Добрый совет:
«Мечтаешь быть сильным -
Про мяч не забудь,
И к Олимпиаде
Проляжет твой путь!».

И стал Верблюжонок
От солнца рыжей,
И день стал длиннее,
И память свежей.

Наступит жара,
Он за мячиком - прыг
В глубокую воду,
В прохладный арык.

IV

Пришёл как-то с вестью
Глашатай - Осёл:
Спешите, спешите
Увидеть футбол!

Команду сильнейших
Покажет игра.
Кассир на такыре,
Билеты - с утра.

От радостной вести
Запрыгали вскачь
С криком: «Ура!» -
Верблюжонок и мяч.

V

У кассы с рассвета
Толпится народ.
И пыльно и шумно -
Все лезут вперед.

Билеты получше,
Конечно - волкам,
Вот стаду куланов,
А эти - быкам.

Свинья же на сорок
Берёт поросят,
А Суслик - себе,
Да просит еще брат...

Требуют сзади:
«Оставьте билет!»,
Но вот и табличка:
«Билетов нет!».

VI

Такыр - стадион,
А скамейки - холмы.
Болельщики взяли
Урюка, халвы.

Толкуют о встрече,
- Ну как там, Шакал, -
Лев громко спросил, -
- Волки сдержат накал?

Команда верблюдов
Волнует коней,
Здесь больше всего
Разговоров о ней.

Осёл же болел
За верблюда Инер
И всем остальным
Его ставил в пример.

Вниманье - свисток!
Судит нынче Лиса.

Притихли трибуны
И матч начался.

Вышли команды
Остальных игроков:
Сборная верблюдов,
Сборная волков.

Мяч прыгнул на поле
И бросился вскачь,
И всех футболистов
Увлёк этот мяч.

Какой-то игрок
Его в аут загнал.
Футбол любит точность!
Судейский сигнал...

Болельщики жаждут.
На то и футбол -
Игры настоящей:
Гол надо им, гол!

Страсть накопилась,
Вдруг крики с боков:
Счёт открывает
Один из волков.

От радости волки
Вверх мечут волчат.
Верблюды...
Те сгорбились все
И молчат.

Мяч снова на поле,
Притих стадион.
Игра набирает
Весёлый разгон.

Подбадривать с места
Всяк способ нашел -
Кто: «Бей по воротам!»,
Кто: «Гол нужен, гол!».

Команде верблюдов
Опять не везет,

Хоть поле одно,
А игра не идёт.

Инер атакует,
Мяч гонит, но вот
На радость волкам
Он упал у ворот.

Привстал стадион,
Слышен голос свистка.
И с травмой ноги
Увезли игрока.

Ведущий игрок,
Кто заменит его!
Верблюды задумались...
Нет никого!

Решил Верблюжонок:
«Попробую я!».
К Лисе подошёл он:
- Товарищ судья!

Я стану заменой,
Тут рост ни при чём.
Я крепко теперь
Подружился с мячом.
Про Олимпиаду
Здесь все говорят...
И книжку он вынул,
Где вписан разряд.

Судья, не затрагивай
Честь игрока.
Мечта, что созрела,
Как дыня, сладка!...

О, счастье! Зачислен
Юнец к игрокам
На горе верблюдам,
На радость волкам.

Верблюды примолкли,
Их злит новичок:
«Мы крепко попались
На лисий крючок».

Как волки ехидны,
Всех бесит их смех.
Встал Конь, чтобы выразить
Мнение всех.

Смеяться давно уж
Пора перестать,
Цыплят мы по осени
Будем считать.

Любимец игры -
Мяч по полю гоним.
Куда б ни помчался -
Все взгляды - за ним.

Но вот Верблюжонок
Мяч добыл, и раз!
Напарнику шлёт он
Классический пас.

Забегали волки:
Мяч в зону вошёл.

Трибуны волнуются:
- Гол нужен, гол!

Эй, Серый, напрасно
Стоишь на пути...
И мяч тут забился,
Как рыба в сети.

И вновь Верблюжонок
В атаку идёт.
Встревожены волки -
Мяч у ворот.

Опасный момент.
Снова гол
Тут как тут!
Вратарь промахнулся.
...Минуты идут.

Догнать хотят волки:
«Минут бы пяток!» -
Игру обрывает
Финальный свисток.

Здесь каждый сегодня
Игрой увлечен
И города кубок
Верблюдам вручен.

Фоторепортёры
Здесь ловят момент.
Герой наш с улыбкой
Заснят для газет.

КОСОЛАПЫЙ ПАРАШЮТИСТ

Переводы Леонида Сороки

Косолапый парашютист

I

Солдаты пришли на поле,
А самолёты ждут их.
Проверили - все ли в сборе,
Пристегнуты ль парашюты.
Строится отделение.
Вот-вот мы уже взлетим.
Но всем нам на удивленье
Есть новичок один.
Разглядываем у трапа
С улыбкой - что за солдат.
Немножко он косолапый
И в бурой шубе до пят.
Зовется он Мишкой просто.
В десанте - живой медведь!
Садится со всеми в хвост он,
Готовый, как все, лететь.
Сидит, не боится риска.
Раздался моторов гул,
Он пожевал ириску
И головой кивнул.

II

Над нами небо,
Ниже - облака,
Совсем внизу -
Зелёные луга.
Глядит медведь
Задумчиво в окно,
Сегодня он снимается
В кино.
Он нынче
В окружении солдат,
Готовит оператор
Аппарат.
Со всеми вместе
Прыгнет вниз медведь.
Не так-то просто
Снять его суметь.
Вот прыгает
Один солдат, второй...
А следом Мишка -
Главный наш герой.
Шагнул он в небо
Храбро через дверь,
Как будто он десантник,
А не зверь.

Летит он вниз
Ничуть не хуже всех.
Лишь ветер шевелит
Медвежий мех.
Все полукругом в воздухе
Парят.
Стрекочет рядом
Киноаппарат.
...Вот на земле мы.
Кончен наш полёт.
И командир медведю лапу
Жмёт.
Пошёл бы к нам
В десантные войска,
Ефрейтором бы
Стал наверняка.
И все солдаты
Им восхищены,
Сухой паёк
Берут у старшины.
Ешь, Мишка,
Косолапый смелый зверь.
Ведь стал парашютистом
Ты теперь.

Место для волны

Есть место,
Где берег обрывист и крут.
Все волны к нему
Издалека бегут.
На берег они
Налетают
И делают вид,
Что глотают.
Глотают,
Глотают
Обрывистый берег.
А берег нисколечко
В это не верит.
И сердятся волны:
«Ну, берег, стой!»,
И каждая хочет
Казаться горой.
И вправду
Горой вырастает,
Но миг -
И в песке она тает.
Гудят корабли -

Им отчаливать скоро.
Они-то и в вправду
Похожи на горы.
И некуда больше
Прибиться волне,
И мчит она к берегу,
В руки ко мне.

Контролёр

Попроще что-нибудь надень,
Сегодня санитарный день,
Мы моем, чистим, драем,
Мы школу убираем.

Я подоконник тру.
Чары
Понёс на улицу ковры.
Помыла доску Нурджемал,
Курбан ей тряпку отжимал.

Чисты и стекла, и стена.
Кипит работа у звена.
Кичи раздал работу всем,
А сам в углу за парту сел.

- Кичи! Бездельничать позор!
Ты подведешь весь класс!
- Я не бездельник, - контролёр.
Я проверяю вас.

Реклаитис и мама

(из литовского цикла)

- Мама, дай-ка мне лыжи!

Выпал снег по колено.

- К печке садись поближе.

Замерзнешь! Подкинь полено.

- Мам, я одену свитер

И тёплые рукавицы.

- Взял лучше пыль бы вытер,

На улице вьюга злится.

- Зайцев много повсюду,

Я их поищу по следу.

- А я волноваться буду,

Как в прошлый раз, непоседа?

- На лыжах пойду - увижу

В лесу живую лисицу.

- Дались тебе эти лыжи!
Можно ведь заблудиться!

- Ну, мамочка, я всегда ведь
Вернуться назад смогу.
Увидишь, лыжи оставят
Две ленточки на снегу.
Даю тебе слово, мама,
Вернусь через час домой.

- Бери уж лыжи, упрямый,
Уйди с моих глаз долой!

Отчего плачет кошка

Слетелись чижи и галки,
Сели на крышу дачи.
Кошку им стало жалко -
Как она громко плачет.

Ива склонилась низко,
Веткой ее лаская:
- Что ты рыдаешь, киска?
Может, беда какая?

- Ой, моя доля злая!
Как свое горе скрою?
Трёх котят родила я -
И слепые все трое.

Бабушка и я

Пил я с сахаром чаёк,
Сидя у окошка.
От жары ягнёнок взмок -
Дал ему немножко.

Стала бабушка кричать:
- Отойди от клетки!
Уши бы тебе надрать,
Сорванец ты эдакий.

Вот капустные головки
Изнывают от жары.
Я из веревки
Смастерил для них шатры.

Стала бабушка кричать:
- Что теперь за детки!
Уши бы тебе надрать,
Сорванец ты эдакий.

Влез с ногами на кровать,
Взял сестрёнкину тетрадь,

Выставил отметки.
И услышал я опять:
- Уши бы тебе надрать,
Сорванец ты эдакий.

На кота одел пальто,
Уронил корыто.
Что ни сделаю - не то!
Бабушка сердита.

Воду вылил из ведра.
Как мне быть, не знаю.
Хорошо еще - добра
Бабушка родная.

Только я хотел удрать,
Слышу у колодца:
- Уши бы тебе надрать!
А сама смеётся.

Добрый лес и злой Пильбасан

(Сказка)

Жил-был на свете
Лес дремучий.
Он песни пел
Во тьме ночной.
Над ним летели
Низко тучи,
То плача,
То смеясь порой.
Грибы там
Шляпы поднимали,
Собравшись кругом
Возле пня.
В цветастых юбках
Танцевали
Там мотыльки
При свете дня.
А ёж свой плащик
Из иголок
Топорщил вверх
Назло врагам.
И суслик,
Словно археолог,

Разрыл заброшенный курган.
В лесу могли бы
Заблудиться,
Вдруг окажись там -
Мы с тобой.
Но зверю каждому
И птице
Дарил он хлеб
И водопой.

Жил когда-то
Пильбасан,
Хоть слышал о нём
Не каждый.
По другим ходил
Лесам,
И сюда пришёл
Однажды.

Расскажу о нём
Немного.
Глаз - побольше
Кулака.
Сам огромный,
Шестиногий.
Хобот с жалом,
Два клыка.

И во всех
Вселял он страх
Беспричинной
Лютой злостью.
Собирал он
Черепаш
И играл он
Ими в кости.
Только он
Покажет жало,
Всё вокруг него
Дрожало.
Длинный высунет
Язык -
Раздается
Страшный крик.
Даже тигра
Пильбасан
За загривок брал,
Как кошку,
И на дерево бросал.
А слона
Валил подножкой.

Для него орёл
Что муха.
И с медведем

Был он груб.
Тянет волосы
Из уха,
И кричит:
- Снимай тулуп!
Там, где он,
Повсюду боль.
От него
Спасенья нету.
Говорит он:
- Я - король
Всех животных
Всей планеты.

Да и лес огромный
Сам
От него страдал
Немало.
Гнул осины
Пильбасан,
Кедры все
Переломил он.
С корнем
Выдернул орех
И швырнул с размаху
В речку.
Думал он, что без помех

Издеваться будет
Вечно.

Иву он довёл
До слёз,
Стали звать её
Плакучей.

Но охотник
Дед Мороз
В лес приплыл
На чёрной туче.
Он над лесом
Закружил,
Завертел
Метели-вьюги,
Стрелы острые
Пустил,
Побелело
Всё в округе.

Добрый лес
Дарил тепло
Всем друзьям
Четвероногим.
Белку спрятал он
В дупло,
А медведей -
По берлогам.

И жуку, и муравью,
И лисицам, и косулям
Бурку бросил он свою,
Чтоб они под ней уснули.
В лес рванулся
Пильбасан.
Но сказали
Клён и ясьень:
- Ты нас мучил
И кусал,
Убирайся
Восвояси!
Стали крепкими,
Как сталь,
На морозе
Сосны, ели:
- Пильбасана нам
Не жаль!
Хватит! Сколько
Мы терпели!
Все терпели!
Как один,
Встали плотною
Стеною,
Пильбасана не пустив
В царство теплое
Лесное.

А охотник
Дед Мороз
Взял мучителя
За хобот
И кинжал над ним
Занёс,
И вонзил в его
Утробу.
И в мгновение
Изчез
Лютый враг
Всего живого.
И вздохнул
Свободно лес.
И запел он
Песни снова.

Лес,
Весною молодея,
Веселится
С этих пор.
И остался от
Злодея
Только
Каменный бугор.

СЛАДКАЯ ДЫНЯ ВАХАРМАН (или день рождения Лиса)

(Сказка-пьеса для детей)

Действующие лица:

1. Лис
2. Шакал
3. Дыня вахарман
4. Сторож

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Дом Лиса. Звучит веселая музыка. У стены стоят стулья разной высоты. На стене - большой портрет, на котором изображены вместе Лис и Лев. На сцене появляется Лис с длинным блюдом в руке. Он напевает в такт музыке и пританцовывает.

ЛИС (напевает): В пустыне, в роще,

Под кустом

Верчусь зимой и летом.

Пою о том,

Пою о том,

Что там, где я

Крутну хвостом, -

Считайте, ваших нету.

*Припев. (См. текст припева
в конце песни).*

Я и со Львом самым знаком,

Мы в дружбе с ним

Сердечной.

Бывает, он

Заглянет в дом,

Поговорим о том, о сём,

И обо мне, конечно.

Припев.

И на того, кто духом слаб,

Не раз мы

Нападали.

Из-за угла его мы «цап»!

А из железных наших лап

Он вырвется едва ли.

Припев: Меня уже вы заждались,

Девчонки и мальчишки.

Я мудрый Лис, я хитрый Лис.

(Хор за сценой): Порою даже слишком.

Лис оглядывается, прислушивается.

Потом повторяет:

Я мудрый Лис, я хитрый Лис.

(Снова хор): Порою даже слишком.

Лис грозит лапой за сцену. Блюдо он держит в это время под мышкой. Потом кладёт на стол. И рассматривает комнату. Обращается к зрителям:

ЛИС: - Как вам, ребята, нравится моя комната? Обратите внимание на портрет на стене. Вот это я придумал мудро. Лев придет ко мне, увидит себя, и ему будет приятно. Ай да я, ай да Лис! (Лис садится, задумывается). Вот только придет ли он? Ведь Лев так занят, так занят. Но он обещал мне прийти, честное слово обещал. Это было две недели назад, на охоте. Мы с ним вместе ели кулана, и я ему все время подавал лучшие куски. А когда расставались, он мне сказал: «Звони, Лис! Обязательно побываю у тебя на дне рождения! Ты хороший парень, Лис!», так и сказал, честное слово: «Ты хороший парень, Лис!». А Лев слов на ветер не бросает. Это всем известно.

Кстати, ну-ка, и в самом деле позвоню ему. (Лис идет к телефону, по дороге говорит: “Если он не сможет, придётся и день рождения отложить на завтра»). (Набирает номер).

- Алло, алло, это квартира Льва? Ах, это вы сами, Лев-ага?

(Лис почтительно сгибается, прикрывает

трубку лапой и говорит радостно в зал: «Сам трубку взял!»). Это Лис вас беспокоит. Ну, Лис, тот самый. Как не помните? На охоте познакомились. Припоминаете? Хорошенько постарайтесь, Лев ага! С наступлением темноты? Конечно, конечно, ведь нас все уважают за тёмные дела (хихикает в трубку). До свидания! (Кладёт трубку и продолжает кланяться телефону. Затем подходит к столу и начинает подсчёты, где кто сядет. Загибает пальцы).

- Значит, так. Здесь, на самом почётном месте, сядет сам Лев.

(Лис выбирает у стены самый высокий стул, сдувает с него пылинки).

- Это - стул для Медведя. Хотя и груб он, но никуда не денешься, хозяин леса. А этот стул, поменьше, для соседа Волка. Ой, умора с этим серым. Объялся как-то, воем воет: «Братец Лис, полечи!». Я сорвал колючку, полил ее водой, посолил и дал ему. Сказал, что пить надо с закрытыми глазами. Новейшее, мол, средство по заграничному рецепту. Серый уши развесил, все послушно сделал, как я сказал. И чудо - живот перестал болеть. Да он и так бы перестал. Волк - он и гвозди может глотать, ему хоть бы что. А обо мне

слух пустил: «Лис - спаситель, знаток народной медицины!». Стой поры всегда мне мяска свежего приносит. Надо, надо его пригласить! На этот стул мы посадим Верблюда. Он тоже важный зверь - как-никак хозяин пустыни.

(Лис обращается к детям): - Верблюда все видели?

ГОЛОСА В ЗАЛЕ: - Да!

ЛИС: - Похож он на дурака?

ЗАЛ: - Нет!

ЛИС: - Вот и говорю, умный он мужик, Верблюд. И работающий. А нам, Лисам, всегда надо иметь возле себя работающих знакомых. Чтобы самим поменьше работать. Но это я шучу, шучу. - А этот стульчик для моего любимого бегуна, для моего неуловимого, для моего пушистенького-ушастенького. Вы угадали - для Зайчика. Ах, как мы с ним станцуем, если я его поймаю, чтобы пригласить в гости. (Лис прижимает к себе стульчик и под звуки вальса танцует как будто с воображаемым Зайцем. Музыка стихает. Лис не замечает этого, делает еще несколько па и устало падает в кресло Льва. Опять смотрит на картину). - Нет, вы все-таки подтвердите, гениально я придумал с этой картиной - заказал свой портрет

рядом со Львом. (Потом Лис подходит к блюду, которое он оставил на столе).- Чего-то здесь не хватает. Чего-то не хватает. Вы, ребята, не знаете чего?

ГОЛОСА: - Нет!

ЛИС: - И я не знаю. Но чувствую, прям под ложечкой сосёт, так чувствую. А вот уже и слышу аромат того, чего не хватает. Ну, конечно же ее, красавицы Дыни. Ведь я для нее, продолговатенькой, и блюдо это таскою за собой. Ай-я-яй! Ну какой может быть той без дыни? Легко сказать - не хватает. А где ее возьмешь? Разве есть дыни, которые никто не охраняет, которые на крыльях прилетят к тебе и скажут: «Режь меня, Лис, ешь меня, Лис!». Давай машинка, думай, думай! (Лис стучит себе по голове лапой). Ты же всегда меня выручала. Ну? Придумала? Говоришь, без Шакала в этом деле не обойтись? Никак? Ох, не хотел я к нему обращаться. Тьфу! (Лис плюётся). Надо же? И вспоминать не хочу об этом грубияне. А придётся. Совсем испортилось настроение. Как же его поднять? А давай-ка послушаем песенку о дыне. Где тут у меня заветная плёночка? (Лис включает магнитофон. Звучит «Песня о дыне»).

Песенка о дыне

При чём тут Шакал,
Тем более Лис,
Которые дыню
Украсть собрались.
Но кто виноват,
Но кто виноват?
Конечно, конечно,
Ее аромат.
И слухи идут,
Что дыню крадут.
Лишь сторож задремлет,
А мы тут как тут.
Но кто виноват,
Но кто виноват?
Конечно, конечно,
Ее аромат.
К ней в гости придём -
Там сторож с ружьём.
Нам нету покоя
Ни ночью, ни днём.
Но кто виноват,
Но кто виноват?
Конечно, конечно,
Ее аромат.

ЛИС (нажимая на кнопку магнитофона). И зачем только у нас, Лисов, такой тонкий нюх? Вот вы слышите, ребята, запах дыни? Не слышите. А я просто не могу, так он меня донимает. Слюньки текут. Придётся связаться с Шакалом. (Берёт телефонную трубку). Алло! Квартира Шакала? Нет его? А где, не скажете? Велел не сообщать? Сказал, тайна? (Лис бросает трубку). Тоже мне, тайный агент Шакал! А то я не знаю, что он уже где-то вокруг дыни кружит. (Лис смотрит на часы). Ой-ой! Сейчас будут занавес опускать, а я еще с Шакалом не встретился. Пойду-ка я его искать.

ЗАНАВЕС.

Перед занавесом по авансцене идёт, пританцовывая, Лис. Поёт.

Песенка Лиса

Я помчал бы на коне
Во весь опор,
Покататься так хотел
На быстрой лани я.
Пусть не вышло, но в груди
(стучит себя лапой в грудь)
До сих пор
Берегу я это
Скромное желание.

На ракете я взлетел бы
Выше гор,
До Луны я долетел бы
В утро раннее.
Пусть не вышло, но в груди
До сих пор
Берегу я это
Скромное желание.

Трое тигров говорили,
Что я вор.
На куски я разорвал бы
Их компанию.
Пусть не вышло, но в груди
До сих пор
Берегу я это
Скромное желание.

КАРТИНА ВТОРАЯ

На бревнышке сидит Шакал. Он грустит.
За сценой слышатся шаги. Шакал прячется.
Появляется Лис.

ЛИС: Не прячься, дружище Шакал. Мой нос
тебя все равно видит.

ШАКАЛ: Лучше бы он ослеп, твой нос
(неохотно выходит из укрытия).

ЛИС: Что-то ты сегодня такой мрачный?

ШАКАЛ: Заболел я, видно. Чувствую, серьезная у меня болезнь.

ЛИС: Знаю я твою болезнь. И смогу вылечить.

ШАКАЛ: (насторожившись). Неужели?

ЛИС: Не сомневайся, дружище. Ты же, наверное, слышал, как я Волка вылечил?

ШАКАЛ: Да, что-то поговаривали. Так как же называется моя болезнь?

ЛИС: Она называется по-научному «авитаминоз».

ШАКАЛ: Ты меня не задуривай своими штучками.

ЛИС: Я серьезно. Болезнь такая есть, попросту она называется «тоска по дыне».

ШАКАЛ: Так и знал - опять разыгрываешь?

ЛИС: Эх, ну почему меня подозревают во всяческих грехах? Не разыгрываю я тебя. И чтобы ты поверил мне, поделюсь с тобой одним секретом. Наклонись поближе.

ШАКАЛ: Ну, что там еще?

ЛИС: (вполголоса). Я сам болен этой болезнью. И предлагаю тебе лапу на дружбу. Лекарство под названием «дыня» будем доставать вдвоем.

ШАКАЛ: Дело даже не в дыне. Видно, старею я.

ЛИС: Да тебе еще и пяти лет нету.

ШАКАЛ: Для нас это уже солидный возраст. Скоро на пенсию.

ЛИС: О какой пенсии ты говоришь? Пенсию заработать надо. А где это видано, чтобы мы с тобой работали?

ШАКАЛ: (не обращая внимания на последние слова Лиса). Я стал плохо спать, страхи всякие появились. Сторож по ночам мерещится. Перестал я верить в свои силы.

ЛИС: А вот это уже зря. Мы сейчас споём песню о стороже - и ты опять как в молодости поверишь в свои силы.

Дразнильная песня о стороже

По бахче часовой
Ходит еле живой.
У него до колен борода.
Он немного глухой
И немного слепой,
Нас ему не поймать никогда.
Он вздремнёт и опять
Он ложится поспать

На кошме в холодке у пруда.
Что угодно забрать
Можем мы и удрать.
Нас ему не поймать никогда.

Все, кто хочет, подряд
Про него говорят -
Мы обманем его без труда.
Он немного горбат
И в халате до пят,
Нас ему не поймать никогда.

Напевая, Лис и Шакал уходят. Песня звучит за сценой. На сцену выходит Сторож. Он слышит, как издалека доносится песня о нём.

СТОРОЖ: Вот проказники. Это все Лис и Шакал. А все-таки хорошо поют, ничего не скажешь. Но с ними надо держать ухо востро. Дыня-то моя в самом соку, поспела. Но она у меня такая доверчивая. Пойду-ка проведу ее.

ГОЛОС СТОРОЖА ЗА СЦЕНОЙ: Что, лежишь, дынюшка? Не спи, будь внимательной. Сейчас на тебя много охотников найдётся!

ДЫНЯ (голос за сценой). Не волнуйся, дедушка. Тебе вредно волноваться.

На сцене опять появляются Лис и Шакал.

ШАКАЛ: Опять у меня испортилось настроение. Я тебе забыл сказать, Лис, есть одна плохая новость.

ЛИС: Какая?

ШАКАЛ: А вот какая - Сторож ездил в город и привёз бинокль. Теперь он издалека нас приметит. Не видать нам дыни как своих ушей.

ЛИС: И это всё, что тебя пугает? В это время на другой половине появляется Сторож с биноклем. Лис в панике убегает. Вслед за ним прячется Шакал.

Сторож подносит к глазам бинокль, смотрит в разные стороны, вглядывается в зрительный зал. Уходит. Тут же вбегают с другой стороны Лис и Шакал.

ШАКАЛ: Ух, напугал старый. А ты тоже хорош - первым свой хвост унёс, меня и предупредить не вздумал. Хвастун ты рыжий.

ЛИС: А я что, я ничего. Я тебе хвостом знак подал. Не кричать же было, дед бы услышал.

ШАКАЛ: Вечно ты, хитрище, выкрутишься. Бинокль ему, видите ли, нипочём. Храбрец! А я, если ты хочешь знать, вообще не стану есть дыню. Даже если мне её сейчас принесут на блюдечке с голубой каёмочкой. Я читал в

журнале «Звериное здоровье», что голодание очень полезно. Нужно семь дней ничего не есть, а потом переходить на диету - глоток воды и три корня колючки в день.

ЛИС: Ой, дружище Шакал. До чего ты у меня наивный. Да я автора этой заметки Вепря отлично знаю. Он свои статьи о голодании пишет после сытного обеда. Ты лучше поменьше читай этот журнальчик, а побольше меня слушай, тем более у меня только что родилась идея.

ШАКАЛ: Сыт я твоими идеями по горло.

ЛИС: Смотри, как знаешь. Но я тебя только прошу - вдохни-ка воздух. Слышишь, как с бахчи вкусно пахло?

ШАКАЛ: У, проклятый Лис, соблазнил все-таки. Ну, выкладывай, что ты там придумал!

ЛИС: Вот это слышу голос настоящего Шакала.

ШАКАЛ: Только учти, если твой план мне будет не по душе, я в деле не участвую.

ЛИС: Он тебе будет по душе, вот увидешь. Значит, так. Вот я начертил карту нашей операции под кодовым названием «Операция«Д». (Лис разворачивает лист

бумаги). Вот здесь бахча, крестиком обозначена дыня.

ШАКАЛ: Не называй ее имя, прошу тебя!

ЛИС: Хорошо, хорошо. А двумя крестиками обозначен Сторож.

ШАКАЛ: У-У-У! Что ты, Лис, дразнишь меня, что ли? И о Стороже не напоминай!

ЛИС: Ну, что ты так нервничаешь? Это просто карта боевых действий и название частей противника, обозначенных двумя крестиками. Я в это время пробираюсь к противнику, обозначенному одним крестиком.

ШАКАЛ: Ишь ты какой, Лис. А почему это я должен быть по твоей команде, а не ты по моей?

ЛИС: Ну, пожалуйста, могу я. Но подумай сам, разве я сумею так завывать, как ты? У тебя ведь голос, все знают, непревзойдённый.

ШАКАЛ: Ладно, я согласен. Хотя нет, все равно не согласен.

ЛИС: (раздражаясь) А теперь еще почему?

ШАКАЛ: Потому! Голос-то у меня хороший, ты в этом прав. Но вот узнать, созрела дыня или нет, ты не сможешь. Этот секрет знаю только я.

ЛИС: А вот и нет, я лучше тебя знаю.

ШАКАЛ: Не знаешь!

ЛИС: Знаю!

ШАКАЛ: Не знаешь. Не зря говорят: «Лучшие дыни шакалы растаскивают».

ЛИС: Всё не так. Это Лисы растаскивают лучшие дыни, а на шакалов сваливают, потому что все слышат возле бахчи, как воет Шакал.

ШАКАЛ: Ты меня совсем запутал, Лис. У меня в голове сейчас такое творится, что нужно перерыв сделать. И послушать песню.

ЛИС: Пока мы тут с тобой говорили, Луна взошла.

ШАКАЛ: Это не Луна.

ЛИС: А что ж это, по-твоему?

ШАКАЛ: Ты послушай мою песенку, тогда узнаешь.

Песенка Шакала

Огромная дыня
Взошла надо мной,
Ее почему-то
Назвали Луной.
Огромная дыня
Плывет в облаках.
А я на Земле
Остаюсь в дураках.

Припев: Я вою и вою
Никто мне не может
Помочь.
Всю ночь шепчу я имя
Моей большой мечты.
Ах, если б ломтик дыни
Спустился с высоты. У-у-у!

Огромная дыня,
Дразня и маня,
Всю ночь до рассвета
Глядит на меня.
Я знаю, я знаю
Твой сорт - «вахарман».
Огромная дыня -
Огромный обман.

Припев.

ЛИС: Ты смотри, Шакал, хорошая у тебя песенка. Неужели слова сам сочинил?

ШАКАЛ (замявшись): Да как тебе сказать? Вообще-то, главные мысли - мои.

ЛИС: Ишь ты, дружище, у тебя, оказывается, тоже мысли бывают?

ШАКАЛ: Будешь насмехаться - уйду.

ЛИС: Ну куда же ты уйдешь, когда самое главное - впереди? Давай дальше обсуждать наш план. Значит, ты согласен немножечко повыть, а

я в это время...

ШАКАЛ: Что ты в это время?

ЛИС: Буду брать дыню.

ШАКАЛ: Да ты же разбираешься в дынях, как свинья в апельсинах!

ЛИС: Шакал, дружище, что-то ты забываться стал. Много себе позволяешь. А я, между прочим, один из лучших выбирателей дынь.

ШАКАЛ: Ха-ха! Это ты-то? Ответь тогда мне на вопрос: когда дыня самая вкусная?

ЛИС: Когда она жёлтая.

ШАКАЛ: Жёлтая-прежёлтая?

ЛИС: Да, жёлтая-прежёлтая.

ШАКАЛ: Ой-ё-ёй (хватается за живот). Ой-ё-ёй, держите меня! Ну, раз ты такое говоришь, видно, придется тебе все-таки выть вместо меня.

ЛИС: Ты хочешь сказать, что я не прав, что дыня вкусная, когда она синяя или красная?

ШАКАЛ: Совсем уже? (делает знак у виска). Где ты видел синюю дыню? Она что, баклажан? Но жёлтая дыня - уже плохая дыня. А самая сладкая, самая ароматная та, которая вся в трещинках и как будто сахарным песочком посыпана. Вот тогда дыня - принцесса.

ЛИС: А я что говорю? Самая сладкая дыня - жёлтая, вся в трещинках и как будто сахаром песком присыпанная. Ты мне просто договорить не дал.

ШАКАЛ: Ах, настоящая дыня - это та дыня, которая длинна, кругла и вся в трещинках, как в сеточке.

ЛИС: Ты что же думаешь, сейчас добавил что-то новое к тому, что я сказал?

ШАКАЛ: (мечтательно) Да если только мне сейчас сюда подадут дыню, я наощупь всё о ней скажу, определю, какая она.

ЛИС: А если не подадут?

ШАКАЛ: Тогда, конечно, не определю.

ЛИС: Вот видишь, сам сказал не определю! Значит, не разбираешься.

ШАКАЛ: Ты, Лис, конечно, очень хитренький, и язык у тебя подвешен неплохо. Всегда всё с ног на голову поставишь.

ЛИС: Но ты же на ногах стоишь, не на голове. Зачем на меня наговариваешь?

ШАКАЛ: Хватит, хватит. Согласен, я буду выть. А то от тебя я еще раньше времени завою тут.

ЛИС: Ты настоящий друг, Шакал. Я тебя

никогда не забуду. (Лис обнимает Шакала).
Давай построимся в колонну по одному и вперед.
Только на цыпочках.

ШАКАЛ: Где я тебе цыпочек найду? Тут курятников нету.

ЛИС: Т-с-с! Тихо! Слышишь шорох?

ШАКАЛ: Слышу.

ЛИС: Ты думаешь, что это?

ШАКАЛ: Ветер в кустах шумит.

ЛИС: Какой ветер? Тихо вокруг. Листочки не шевелятся.

ШАКАЛ: Так что это?

ЛИС: Не что, кто? Внук Сторожа на велосипеде едет. Сейчас тут будет. Бежим. Лис и Шакал убегают. Появляется Внук на велосипеде. Он поёт песню.

Песенка мальчика

Под блестящими колёсами
Тропка въётся в поле ржи.
Пристают ко мне с вопросами -
Кем ты будешь, Расскажи?

Припев: Но кем я стану,
Точно
Не знаю.

А пока
Я дедушкин
помощник,
Я дедушкин
помощник.
У дедушки, у дедушки
Я правая рука.

Я кручу, верчу педалями,
А навстречу ветерок.
Если б мне машину дали бы,
Я шофёром стать бы смог.

Припев.

Вьётся, вьётся тропка быстрая,
Змейкой пыль из-под колёс.
Но хочу и в трактористы я,
А возьмут ли, вот вопрос.

Припев.

Птицы, птицы, в небо мчите вы,
Вам преграды нипочём.
Я хотел бы стать учителем,
Я хотел бы стать врачом.

Припев.

Гроздь янтарную повесила
Виноградная лоза.
Всюду разные профессии -
Разбегаются глаза.

Припев.

Внук ставит велосипед возле дерева.

ВНУК: Ух, устал. Но зато у меня радость - дедушка купил бинокль. Интересная штука. А ну-ка посмотрю в него на нашу дыню. (Мальчик смотрит в бинокль, повернув его обратной стороной). Ой, что это с ней случилось, не дыня, а фасолинкакакая-то. Похудела-то как. Не заболела ли часом? (Кричит: «Дыня, ты не заболела?».)

ДЫНЯ: Нет.

ВНУК: Тогда ты похудела?

ДЫНЯ: Разве? Значит, я стала изящнее?

ВНУК: (отвернувшись от дыни, задумывается. Переворачивает бинокль). Ах, прости, пожалуйста, мне показалось, теперь вижу - ты поправилась очень сильно. Отчего ты такая большая?

ДЫНЯ: Да что это ты сегодня - то похудела, то поправилась. Обыкновенная я. Это просто тебе кажется.

ВНУК: (Отводит от глаз бинокль). Ой! И вправду обыкновенная!

ДЫНЯ: (кокетливо-обиженно). Совсем-совсем обыкновенная?

ВНУК: То есть, нет, дынька. Ты у нас необыкновенно хорошая.

ДЫНЯ: Это другое дело. Но ты не только на меня смотри. Дедушка что тебе приказал - смотреть по сторонам внимательно, чтобы ни один нарушитель не подошёл.

ВНУК: Ты права. Сейчас объезд сделаю. (Садится на велосипед. Уезжает).

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

На сцену выглядывают Лис и Шакал.

ШАКАЛ: Сейчас опять приедет сюда на своем велике с рогами.

ЛИС: Это не рога, а руль.

ШАКАЛ: Вот налетит на тебя, тогда узнаешь рога или руль. И вообще, что-то мне боязно, Лис. Сомневаюсь, пройдет ли у нас операция «Д» как задумали?

ЛИС: Не сомневайся, со мной выйдет. А сейчас можешь ненадолго успокоиться. Пока внук всю бахчу объедет, у нас есть время. Перед наступлением нужно поднять настроение друг другу. Давай частушки попоем.

Шакал:

Эх-эх, веселись!

Комары да мошки!

До чего красивый Лис

Вроде драной кошки.

Лис: Смельчаков я видал,
Только ходят слухи,
Что храбрее всех
Шакал -
Испугался мухи!

Шакал: До чего же Лис хитер-
На блохе катался,
Сел хвостом на
костер,
Без хвоста
Остался!

Лис: А Шакал, а Шакал
По реке пешком шагал.
А заторопился -
Чуть не утопился.

ШАКАЛ: Ну, подумаешь, Лис, частушки не так уж плохо обо мне говорят.

ЛИС: А ты меня своими частушками вообще похвалил.

ШАКАЛ: Да уж, как бы не так.

ЛИС: Похвалил-похвалил. И даже сам не заметил. А невольная похвала особенно приятна. Знаешь, о чем я сейчас подумал: может не стоит нам ссориться, ведь мы с тобой не петухи какие-нибудь.

ШАКАЛ: Точно, на петухов мы мало похожи,
что верно, то верно.

ЛИС: Тогда у меня предложение - давай будем
друг другу петь хвалебные песни?

ШАКАЛ: Я согласен, только ты первый.

ЛИС: Пожалуйста.

Хвалебная песенка про Шакала

Ты красив и знаменит,
Я сказал бы: даже очень.
Голосочек
Твой звенит,
Как серебряный звоночек.

Припев: Я дружить с тобою рад,
До чего ты
Симпатичный.
Говорят
Про тебя:
Шакал приличный.

Шакал повторяет: Ведь не зря говорят
Про меня: Шакал приличный!

Из семьи шакалов ты
Экземпляр довольно редкий.
Все прекрасные черты
Унаследовал от предков.

Припев.

ШАКАЛ: Лис, я даже не знал, что ты так меня ценишь. Послушай и мою хвалебную.

Хвалебная песенка про Лиса

Рыжий Лис везде известен
Тем, что он в любых делах
И бесхитростен, и честен,
И не знает слова страх.

(две последние строчки 2 раза)

Лис горой стоит за слабых,
В рот чужого не берёт.
Он в беде протянет лапу,
Не обманет, не соврёт.

(две последние строчки 2 раза)

Он всегда-всегда правдивый,
Ближним все отдать готов,
Он - любимец коллектива,
Верный друг семейства Львов.

(две последние строчки 2 раза)

ЛИС: Спасибо, дружище Шакал. Я лишний раз убедился в том, что правильно поступил, когда позвал тебя с собой.

ШАКАЛ: Это ты меня позвал? Какая наглость! Да я же раньше тебя тут был.

ЛИС: (примирияюще поднимает лапы). Всё-всё! Мы же договорились не ссориться. Какая разница, кто кого позвал? Главное, что мы с тобой друзья, не так ли? Вместо того, чтобы выяснять, кто тут был первый, давай порепетируем то, о чем договаривались. Ты иди вправо, а я влево.

Лис и Шакал расходятся в разные стороны.

ЛИС: (на краю сцены ходит взад-вперёд). Так! Значит, подхожу я к дыне. Ну, допустим, уже подошел. И что дальше? Надо же что-нибудь сказать. А что? (стучит себя по голове). Эй, машинка, что-то ты опять остановилась! Работай, еще разик выручи меня. (Задумывается). Ага, понял мысль. Но что это за мысль - так, малюсенькая мыслишка: «Подойти и сказать - пойдем в кино!». А дыня вполне может отказаться. Дыни в эту пору года такие высокомерные. Ответит она, допустим: «Не хочу сидеть в духоте и смотреть скучные фильмы!» И все тут. А от того, чтобы послушать хорошую песню, она вряд ли откажется. Особенно, если в этой песенке поётся о ней.

Вторая песенка о дыне

О дыне, о дыне
Мечтал я немало,
Ее вспоминая,
Не раз я грустил.
Ах, если бы дыня
На крыльях летала,
Я тоже бы крылья
Себе отрастил.
Припев: Греет солнышко бахчу.
Сверху - небо синее.
Подружиться я хочу
С дыней-дыней-дынею.

Ах, если бы дыня
Мне только моргнула,
Я тут же плечо бы
Подставил свое.
А если бы дыня
Случайно тонула -
Из грозной пучины
Я спас бы ее.

Припев:
На все ради дыни
Готов я, не скрою.
Хоть как ни горжусь я,
Пушистым хвостом,

Но если бы дыня
Росла под землею,
Я не был бы Лисом,
Я стал бы Кротом.

Припев.

(Заканчивает песню и сам хлопает в ладоши).

ЛИС: Ай да Лис, ай да молодец! Нет, песенка вроде бы ничего вышла. Хотя, если быть честным с самим собой, мне мои песни всегда нравятся. Надо бы найти беспристрастного судью. Побегу-ка к Шакалу. Похвастаюсь. (Убегает).

КАРТИНА ЧЕТВЁРТАЯ

На сцену выезжает на велосипеде Внук. Ему навстречу выходит Сторож.

СТОРОЖ: Как обстановка, внучек?

ВНУК: Всю бахчу вокруг объехал. Ничего подозрительного не заметил.

СТОРОЖ: Отправляйся домой. Тебе ведь еще уроки делать надо.

ВНУК: Я помню.

СТОРОЖ: (достаёт коробочку с табаком, нюхает, чихает). Апчхи!

ВНУК: Что это такое у тебя дедушка?

СТОРОЖ: Табак. Очень противный. Меня

угостил один человек. Сказал - нюхайте, очень приятно. Теперь вижу - нехороший это человек. Табак - гадость страшная. Курить-то я никогда не курил, а теперь и эту понюшку, чтобы даже запаху его близко не было (выбрасывает).

ВНУК: Я тоже, когда вырасту, не буду курить, дедушка. Ой, что я говорю, когда вырасту? Я никогда курить не буду. И всем ребятам скажу: вреден табак и страшен для здоровья. Если хочешь лётчиком или вообще сильным человеком стать и в то же время начнешь курить - ничего не выйдет.

СТОРОЖ: Молодчина. И откуда ты всё это знаешь?

ВНУК: Учительница нам рассказывала. Да и в книгах читал. Ну, я поехал, дедушка. (Отъезжает, потом возвращается). Да, бинокль я на дереве у арыка оставил.

(В это время из-за кулис выглядывают Лис и Шакал и тут же прячутся). Внук уезжает.

СТОРОЖ: Протру-ка я от пыли свое старое, но верное оружие. Пусть блестит, чтобы издалека видно было. Чтобы боялись Лисы и Шакалы. (Обращается в зал). Признаюсь вам, ружье у меня незаряженное, я его так, для остротки

ношу. Сторож берет ружье на плечо и начинает
комично маршировать.

Запевает «Песню Сторожа».

Песня Сторожа

Я иду по бахче,
А ружье на плече.
Я стреляю без промаха, метко.
Я в бинокль гляжу,
Я хожу, сторожу.
Ой! Мне кажется, хрустнула ветка.

Припев: А я сторож боевой
И решительный,
Не рискуйте головой,
Нарушители.
Мне на мушку
Попадете -
Ни за понюшку
Пропадете.
Ни за понюшку табака!

Никогда сторожа
Не обидят Ежа,
Не обидят Оленя и Зайца.
Но Шакал или Лис

Берегись, берегись,
На глаза лучше не попадайся.

Привев.

Если я на посту,
Никакому хвосту
На бахче не мелькнуть даже тенью.
Я своею рукой
Охраняю покой
Беззащитных и нежных растений.

Привев.

СТОРОЖ: Ать-два! (Снимает ружьё и резко приставляет к ноге). Что-то, как маленький, разыгрался. Надо быть готовым - а вдруг какой Шакал завоюет. Я его ружьём на испуг возьму. (Раздался вой Шакала).

СТОРОЖ: О, вот ведь, лёгок на помине оказался. (Завывание продолжается).

СТОРОЖ: (громко). Эй ты, вон отсюда! (Вой становится еще сильнее).

СТОРОЖ: (идёт в ту сторону). Что-то он сегодня расхрабрился! В руки мне попасть захотел? Вот уж я ему задам!

Из-за кулис показывается Шакал.

ШАКАЛ: Сторож - старое пальто,
Не догонишь ни за что!
Сторож - старое пальто,
Не догонишь ни за что!

(Сторож наводит на Шакала ружье. Шакал прячется. Сторож бежит за ним и скрывается).
(Открывается вид на боковую сцену. Бахча. На коврике в оранжевом платице лежит Дыня. Сзади на цыпочках подходит Лис).

ДЫНЯ: Ба-бах!

ЛИС: (отпрянул в испуге назад). Ой!

ДЫНЯ: Испугался?

ЛИС: Да как тебе сказать. Душа ушла куда-то сюда (показывает лапой на пятку).

ДЫНЯ: Вот это да, вот это да! Душа в пятки ушла, душа в пятки ушла! Здорово я тебя! А так и надо, чтоб не лез к Дыне.

ЛИС: Но я ведь и не тронул еще тебя.

ДЫНЯ: Ну и что, ну и что! Все равно тронешь.

ЛИС: Как ты догадалась?

ДЫНЯ: Разве Лис приходит на бахчу за чем-то другим?

ЛИС: Ты очень догадливая, Дыня.

ДЫНЯ: Ладно, прощаю, я сегодня добрая. Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!

ЛИС: А что это тебя так развеселило?

ДЫНЯ: Да то, как ты задрожал. Ха-ха-ха!

ЛИС: (обиженно). Можешь посмеяться, а я пока посижу в сторонке, отдохну.

ДЫНЯ: Что ты такой обидчивый? Я вовсе не желаю, чтоб ты сидел в стороне, а хочу, чтобы ты сел поближе и попел свои знаменитые на всю округу песенки. Я их слышала уже на магнитофоне. Но ведь магнитофон - это одно, а живой певец - совсем другое.

ЛИС: (оглядывается). Ты что же, хочешь, чтобы я прямо здесь тебе запел?

ДЫНЯ: Я согласна и здесь.

ЛИС: А я не согласен. Я не в голосе. (Пробует голос: «Аа!».) Тут воздух очень влажный. Давай пойдём вон за тот бархан. Там у меня всё получится.

ДЫНЯ: Дорогой певец Лис, но я до сих пор никуда отсюда не уходила!

ЛИС: Но когда-то же надо сделать первый шаг? Ведь ты уже не маленькая, вон какая вымахала.

ДЫНЯ: Лис, дорогой, ну пожалуйста, не надо уговаривать меня уходить. Ведь я могу потом

заблудиться.

ЛИС: Даю тебе честное лисиное, как только ты послушаешь все 192 песни, я сам тебя приведу обратно.

ДЫНЯ: Правда?

ЛИС: Не веришь, не надо. (Обиженно отворачивается).

ДЫНЯ: Я еще должна послушать, что мне скажет мое сердце.

ЛИС: Но как ты можешь послушать свое сердце? Ведь для этого надо приложить ухо к груди. Что-то я еще не видел таких акробатов, которые могли бы к своей груди ухо приложить. (Подходит к Дыне). Прислушайся лучше к моему сердцу.

ДЫНЯ: (прикладывает ухо к груди Лиса). Слышу, слышу. Оно говорит, что я могу спокойно идти туда, куда меня зовёт певец Лис.

ЛИС: Вот видишь, что тебе сердце сказало. А оно никогда не обманывает. (Лис отворачивается от Дыни, гладит себя по груди и напевает: «Сердце! Как хорошо, что ты такое!»).

ДЫНЯ: Ты что, все-таки начал здесь петь?

ЛИС: Нет-нет, тебе послышалось. Пойдем, не будем тратить время. (Лис и Дыня медленно идут

по бахче. Лис останавливается).

ЛИС: погоди минутку. Мне надо кое-что взять. Здесь на дереве висит одна вещь.

ДЫНЯ: А ты знаешь, что чужие вещи нельзя брать без спроса?

ЛИС: Это моя вещь. Я ее в прошлый раз давал моему другу Сторожу, когда пел ему песни.

ДЫНЯ: Так может позвать Сторожа? Он тут недалеко.

ЛИС: Ты с ума сошла (зажимает ей рот).

ДЫНЯ: (Высвобождается). Чего ты испугался? Ведь сам говоришь -вы друзья.

ЛИС: Друзья-то друзья, да не стоит его по пустякам беспокоить. Он человек пожилой, у него давление повышенное. Я сам возьму, он мне разрешил. (Снимает бинокль и прячет его за спиной). Ты, Дыня, иди вперед, а я за тобой.

ДЫНЯ: А я плохо умею ходить.

ЛИС: Поэтому я тебя и отправляю вперед. В походе так всегда делают - самый сильный турист идет сзади, чтобы помочь тем, кто начнет отставать. Иди, иди, Дыня, только побыстрее.

ДЫНЯ: Без песенки идти скучно.

ЛИС: Ладно, чуть отойдем, запою тебе торопильную песенку.

Торопильная песенка для Дыни

Дыня, Дыня, ты добра,
В путь тебе давно пора.

Уведу тебя

Сейчас туда я,

Где ты будешь

Вечно молодая.

Дыня повторяет: Где я буду вечно молодая!

(И так в каждом куплете).

Дыня, Дыня, ты кругла,

Ты бы солнцем стать могла.

Ты могла бы стать

Мячом футбольным.

Только это

Очень, очень больно.

Между лесом и рекой

Домик есть один такой,

Где тебе всегда

Найдётся место,

Где живут

Легко и интересно.

Дыня: Жить хочу легко и интересно!

Лис и Дыня удаляются.

Появляется Сторож. Он достает платок, вытирает лоб.

СТОРОЖ: Совсем загонял меня Шакал чертов. Оказался хитрее Лиса. В такую даль за ним трусцой бежал. Но зато он теперь не вернется сюда.

(Садится на коврик, на котором сидела Дыня. Берёт чайник. Наливает в пиалу чай).

СТОРОЖ: Попью-ка чайку с дороги. Хорошо зелёным чайком побаловаться в жару, правда, Дыня? (Не дождавшись ответа, ставит пиалу, спрашивает громче). Ты что, уснула? Под солнцем спать вредно. Дыня, Ды-ня-я-а! (Подходит к тому месту, где была Дыня). Ах, вот оно что, оказывается! Увели Дыню. Сманили. Ну, я этого им не прощу. Найду злодеев, по следам найду! А след любое преступление оставляет. Сторож уходит. По сцене движутся Лис и Дыня. Дыня идёт впереди. Останавливается, оглядывается.

ДЫНЯ: Еще далеко идти?

ЛИС: (Волнуюсь). Нет, нет, мы уже почти пришли.

ДЫНЯ: А где остановимся?

ЛИС: Вон за тем барханом, где саксаул растёт, посмотри.

(Лис приставляет к глазам Дыни бинокль).

ДЫНЯ: И у внука Сторожа есть такой же. Это не его бинокль?

ЛИС: Нет, нет, это мой. Да ты не разговаривай, а смотри!

ДЫНЯ: Ой, как далеко! Лис, спохватившись, быстро переворачивает бинокль.

ДЫНЯ: А, нет, совсем близко.

ЛИС: Вот видишь, давай прибавляй шаг. (К залу: «Чуть всё не испортил!»).

Убегает вслед за Дыней.

Занавес

КАРТИНА ПЯТАЯ

Лис и Дыня выходят на сцену. Сбоку выскакивает Шакал.

ШАКАЛ: Фу ты, ну ты! Чуть и в самом деле не попался старому в руки. А он еще ничего себе. Не зря по утрам трусцой бегают. В следующий раз буду осторожнее. И колючку загнал в ногу из-за него. Вот, черт!

ЛИС: Ты поосторожнее выражайся. У нас гостья.

ШАКАЛ: (сладким голосом). А, вы здесь? Ах, простите, ах, извините. Как я рад вас видеть! (Идёт к Дыне, расставив лапы).

ДЫНЯ: (Отступая). Фи, какой некультурный!

ЛИС: (Отталкивает Шакала). Ну что ты, в самом деле, позволяешь себе? Гостья пришла к нам песни послушать, а ты со своими дурацкими объятиями лезешь.

ШАКАЛ: Какие еще могут быть песни?

ЛИС: Популярные.

ШАКАЛ: Не понимаю что-то я тебя.

ЛИС: (Подталкивая). Иди, иди, здесь не наши места. За тем барханом всё поймешь. (Вполголоса) Все сделаем попозже.

ДЫНЯ: (Незаметно отступает). Я, наверное, пойду обратно...

ШАКАЛ: Я тебе пойду! Лис его сильно толкает. Шакал падает. Встаёт, отряхиваясь.

ШАКАЛ: Ты что!

ЛИС: Ты, наверное, споткнулся, дружище.

Лис подходит к Дыне.

ЛИС: Ты просто устала. если хочешь, я могу понести тебя.

ШАКАЛ: (Выглядывает из-за спины Лиса). И я могу понести ее.

ДЫНЯ: Я боюсь глаз этого Шакала.

ЛИС: Не обращай внимания. Это он себя так ведёт, потому что не узнал тебя. Ведь в прошлый

его приход на бахчу ты была совсем зелёной Дынькой, а сейчас ты очень выросла.

ДЫНЯ: Я знаю, Сторож говорил мне об этом.

ЛИС: Вот видишь. А этот (показывает на Шакала) принял тебя за Тыкву. Это он всегда так с Тыквами разговаривает. Правда, дружище Шакал?

ШАКАЛ: Если так говорит Лис, наверное. Да, да, я принял тебя за Тыкву. Издалека. Что-то со зрением у меня в последнее время.

ЛИС: Очки надо носить, если со зрением что-то. А теперь давайте пойдем дальше. Ведь мы все выяснили.

ШАКАЛ: А что у тебя на шее висит?

ЛИС: Бинокль.

ШАКАЛ: (Обрадованно). Украл все-таки? Молодчина!

ДЫНЯ: Певец Лис, но ты ведь сказал, что этот бинокль твой?

ЛИС: А он мой. Ты Шакала не слушай, у него не только зрение, но и память барахлит.

ШАКАЛ: (Подозрительно). Память уже у меня барахлит. Это почему?

ЛИС: (Делает вид, что что-то увидел в бинокль, внимательно всматривается)

Ой, какие смешные,
Ой, какие разные -
То немножко голубые,
То немножко красные.

Погляди, погляди -
Круглые и плоские.

А один, а один -
С жёлтыми полосками.

ШАКАЛ: Дай и мне посмотреть!

ДЫНЯ: Чур я, чур я первая после певца Лиса
посмотрю.

ШАКАЛ: Ладно уж. Я за тобой.

Лис отдаёт Дыне бинокль. Дыня смотрит в бинокль, а Шакал показывает жестами Лису, что пора Дыню съесть. Лис в ответ показывает жестами - потерпи. Дыня смотрит в бинокль и не видит этих жестов.

ДЫНЯ: Очень интересно. Хотя я и не увидела голубых, красных и с жёлтыми полосками, но все равно мне понравилось. Всё приближается. Наверное, этот бинокль придуман для того, чтобы все становились ближе друг другу.

ЛИС: Ты просто умница, Дыня. Это так. Вот и мы с Шакалом стали так близки друг другу, так близки. А ведь без бинокля, случилось, ссорились.

Да и с тобой, Дыня, подружились. Так что это волшебный бинокль.

ДЫНЯ: Ой, правда? Значит, если долго-долго смотреть в него и пожелать кого-то увидеть, он появится?

ЛИС: Ну, конечно.

ДЫНЯ: Вот хорошо. А то я так соскучилась по Сторожу.

ЛИС: Нет, нет, только его не вызывай!

ДЫНЯ: Но почему? Ты же говорил, что для него песни пел.

ЛИС: Говорил. Но я немного обижен на него. Он мне бинокль вовремя не отдал.

На сцене появляется Сторож. Шакал замечает, делает шаг назад.

Дёргает Лиса. Тот тоже медленно пятится. Сторож наводит ружье.

СТОРОЖ: Стой, стрелять буду! Лапы вверх!

ШАКАЛ: Не грозись, старое пальто! Я знаю - ружьё не заряжено.

СТОРОЖ: Ай ты, Шакал! Нуберегись! Первый раз стреляю в воздух! (Поднимает ружье вверх).

Лис и Шакал хохочут.

ЛИС: Давай, давай. Нас не обхитришь.

Сторож нажимает на курок. Раздаётся

оглушительный выстрел. Лис и Шакал падают. И Сторож сам приседает в испуге. Обращается в зал:

«Смотрите, и в самом деле заряженное. Выходит, не зря меня учили в школе сторожей - никогда не нажимать на курок, если ружье наведено на кого-то. Наш Главный Сторож любил говорить: “Раз в году и лопата стреляет”.

Сторож поворачивается к Лису и Шакалу.

СТОРОЖ: Ну, живо вставайте, храбрецы!

ЛИС: А мы что, мы ничего. Так бы и сказали заранее...

Лис снимает бинокль и заискивающе подает Сторожу.

ЛИС: Мы вот нашли ваш бинокль. Возьмите. Мы даже шли к вам, чтобы отдать его.

ДЫНЯ: Они обманывают вас, дедушка Сторож. Лис мне сказал, что это его бинокль.

СТОРОЖ: Знаю, Дыня, знаю. Я ни одному его слову не верю. А ну, поднимайте лапы вверх.

ЛИС: Хорошо, хорошо. Только не стреляйте больше, дедушка Сторож, в нас стрелять нельзя.

СТОРОЖ: Это еще почему?

ЛИС: Мы занесены в Красную Книгу. Нас нужно беречь и охранять как редкое явление

природы. Вас охотничий инспектор оштрафует, если вы плохо с нами обойдётесь.

СТОРОЖ: Ах ты, рыжий прохвост, ты еще меня пугать будешь. Да я тебя! (Вскидывает ружье).

В это время на сцену на велосипеде въезжает внук.

ВНУК: Дедушка, погоди , не стреляй. Я услышал выстрел и вернулся. Не трогай их, дедушка.

СТОРОЖ: Не надо их жалеть, внучек.

ВНУК: Они очень хорошо поют песни. Мне нравится их исполнение.

ДЫНЯ: (Становится рядом с внуком). Да-да. И мне тоже. Может быть, простим их, они исправятся.

СТОРОЖ: Ишь ты, заступница. Ты бы лучше не забывала, что ты Дыня. Тебе не пристало уходить из дому слушать песни.

ДЫНЯ: Хорошо, дедушка Сторож. Я теперь не буду уходить из дому.

СТОРОЖ: И правильно сделаешь. А пока все марш на бахчу!

Вся компания уходит. Впереди Лис и Шакал с поднятыми лапами.

ЛИС: Дедушка, давайте мы вам исполним песню по заявкам трудящихся. Вы ведь трудящийся?

СТОРОЖ: Да уж не чета вам, бездельникам.

ЛИС: А какую песню вы бы хотели услышать, может быть, о море?

СТОРОЖ: Есть одна песня на примете - песня обо мне.

Лис и Шакал переглядываются, что-то шепчут друг другу.

СТОРОЖ: Ничего, не робейте. вы ведь всегда ее поёте, когда меня нет рядом. Но я слышал. Не обижусь, не бойтесь.

Лис и Шакал начинают вполголоса петь.

Дразнильная песня о Стороже

По бахче часовой
Ходит еле живой.
У него до колен борода.
Он немного глухой
И немного слепой,
Нас ему не поймать никогда.
Он вздремнёт и опять
Он ложится поспать
На кошме в холодке у пруда.

Что угодно забрать
Можем мы и удрать.
Нас ему не поймать никогда.
Все, кто хочет, подряд
Про него говорят -
Мы обманем его без труда.
Он немного горбат
И в халате до пят,
Нас ему не поймать никогда.

Последние слова Лис, Шакал, Дыня, Внук и
Сторож поют вместе.

ЛИС: У вас отличный голос, дедушка
Сторож.

СТОРОЖ: Неужели?

ШАКАЛ: Правда, правда.

СТОРОЖ: (отмахивается). Будет вам. Пою,
конечно, иногда со своей старухой. Но что у меня
хороший голос - никогда не говорил.

ЛИС: И зря. Вам бы немного подучиться
- и вполне можно быть солистом в вокально-
инструментальном ансамбле.

СТОРОЖ: Но-но, ты мне зубы-то не
заговаривай. За песню эту я б тебе, конечно, хвост
надрал, да и дружку твоему рёбра пересчитал. Да
не стану. Есть у меня на то две причины. Первая

- ваши песни по душе Дыне. А второе - если я вас накажу, внук мой расстроится. Я-то знаю - сказка без Лиса и Шакала - не сказка. Так что я вас отпускаю подобиру-поздорову. И не вздумайте больше воровать.

ЛИС и ШАКАЛ: (хором). Не вздумаем!

СТОРОЖ. (С улыбкой). Идите, идите.

ШАКАЛ: До следующей встречи, дедушка Сторож.

СТОРОЖ: (Сердито, хватаясь за ружье). Что-что?

ЛИС: Это он неудачно пошутил. Он имел в виду - до следующей встречи в сказке.

СТОРОЖ: Это - другое дело. До следующей встречи в сказке, ребята. До свидания.

ДЫНЯ: Дедушка Сторож, а прощальная песенка?

СТОРОЖ: Ах да, давайте споём ее с ребятами.

Прощальная песенка

Промчался встречи нашей час.

И так уж получается -

Любая сказка и рассказ

Когда-нибудь кончаются.

Припев: Вот припев - слова просты,
Их запомнить нужно:
Нет предела у мечты,
Нет конца у дружбы.
Пусть на закате Солнце вдруг
Мелькнёт и попрощается.
Но Землю обойдя вокруг,
Оно к нам возвращается.
Припев.

Я не буду говорить о книжке, которую вам предстоит прочесть и которая, уверен, вам понравится, потому что это увлекательная приключенческая история о простодушном, благородном и бесстрашном герое (щенке по имени Мёнгёз), что одержим жаждой полета. Стоит подняться в небеса - и жизнь, кажущаяся обычной, сказочно преображается. И, главное, хочется петь. Не об этом ли мечтаешь и ты, читатель? И еще: летая во сне, человек растёт. Книжка Агагельды Алланазарова «Собака, которая летала однажды» поможет тебе расти наяву.

Но вот что самое важное я хочу сказать тебе: попроси своих родителей тоже прочесть эту повесть. Увидишь или, вернее, догадаешься, как они станут немножко другими, если в мыслях полетают, как Мёнгёз, - переживут забытое, может быть, детство. Взрослому, поверь, необходимо иногда почувствовать себя ребёнком, как ребёнку - взрослым.

Хочу надеяться, что эта книга - перекресток, где взрослый и ребёнок могут встретиться. И улыбнувшись, лучше понять друг друга.

Чингиз Айтматов

Часть первая

Стоило сверкнуть молнии - всё вокруг залило ослепительным светом. Щенок вмиг крепко-крепко зажмурился. Когда же осторожно, щёлочкой, приоткрыл глаза, уже была непроглядная тьма. Но что-то подсказало, ухо надо держать востро, вот-вот сызнава полыхнёт. Так что зря пялиться не стоит.

Щенок не знал, что всего час назад его не было на свете, что он только родился. Может, удивился бы, задумался: где же он был, когда его не было, но внимание отвлекли какая-то возня и поскуливание рядом. Приглядевшись, различил себя. Даже не одного, целых трёх, - словно в зеркале. Тут и соображать и сомневаться было нечего: родственнички! Чутье-то на что.

Щенята тоже, конечно, не догадывались, что еще совсем недавно их не было. Но теперь-то они есть! А это - главное.

Месяц или около того не слишком дружная четверка - трое братцев и сестрица - жадно, наперегонки сосали свою мать. делили её между собой как умели.

Материнское молоко!

Есть ли что слаще тебя на свете? Будет ли? Кто

же думает о том, пока не станет взрослым!

Щенята тем более не могли думать, а сосали да посасывали вдоволь. И блаженство вдруг наступило само собой: животики надувались, внутри начинало приятно урчать, тут же и в сон тянуло.

А детский сон - диво: тоже сладок. Подремывай себе без задних лап да расти большой. Щенята так и поступали.

Ах, какое еще ждало их наслаждение, когда, потягиваясь и позёвывая, они просыпались! Миг - и начиналось игрище: щенята кувыркались, гонялись взапуски, устраивали кучу-малу, покусывали друг дружку. Ясно, понарошку.

Лакма, так звали их мать, всегда была поблизости: и кош* караулила и за своими детьми присматривала. Понятно, делать два дела сразу - разрываться на части. Но такова уж собачья жизнь.

Время между тем не стояло на месте. И вот в заботах и забавах промелькнул и второй месяц.

Однажды с утра пораньше Дурды ага, помощник главного чабана, собрался в аул. Собравшись, вдруг вспомнил, что обещал

* Кош - загон для скота.

когда-то сыну и племяннику: «Весной привезу вам по щенку». Слово - не воробей.

Сказал - исполни: он сунул двух подвернувшихся под руку щенят в хорджун*, сел на лошадь да и был таков. Что могла сделать бедная Лакма? Рвись не рвись, хоть охрипни от яростного лая, - верёвка намертво удерживала на привязи. Пыталась перегрызть ее, рвала, трепала отчаянно - тоже напрасные старания. Дурды ага все предусмотрел наперед: не привяжи он Лакму, она ни за что не дала бы украсть щенят, не посмотрела бы, кто перед ней, - человек или волк. Или даже самое страшное чудовище, что и вообразить невозможно. А так, захлебывайся бешеным лаем - но Дурды ага ни холодно, ни жарко. Даже он и не оглянулся ни разу.

Неизвестно как, но все-таки после невероятных мучений Лакме удалось освободиться от проклятой веревки. Тут же она пустилась по следу. «Найду!». Увы, не всем надеждам суждено сбываться. К вечеру Лакма возвратилась ни с чем и всю ночь тихонько поскуливала - плач собачий.

* Хорджун - переметная сума.

Безутешна тоска материнская.

А вот Мёнгёз* со своей сестрицей ничуть не горевали за своих братьев.

Может кто-то подумает: «Какие бессердечные!». Но это не так.

Просто они еще очень мало жили на свете. И всё, что происходило вокруг, казалось им смутным летучим сном. То ли было, то ли не было. То ли правда, то ли понарошку. И откуда им было знать, что нет в жизни ничего хуже, чем насильная разлука? Время ещё не пришло. Им стало даже лучше: молока вволю - пей, только не захлебнись. То же и с материнской лаской - двоим досталось столько, сколько хватало на четверых. Выходит, в два раза больше, потому и подрастали они в два раза быстрее. Вскоре случилось то, что словами не выразить. Однажды утром Мёнгёз, проснувшись, очень удивился: оказалось, что кого он считал тенями, - Дурды ага, овцы, осёл и верблюд - тоже живые существа, как и он.

Вот это открытие! Ничуть не менее потрясающее, чем то, когда он с шустрой

* Менгёз - добродушный, любознательный, доверчивый. Одним словом: простофиля или лопух. Кому как нравится.

сестрёнкой неожиданно открыли новую землю - чудесный мир, который с тех пор они по праву считали своим. Правда, весь этот мир умещался между двумя холмами. А что там, за холмами, - они не думали даже. Хотя бы и ничего не было - так хорошо было дома!

Конечно, увидь хоть одним глазком с вершины холма, какой неведомый простор раскинулся там разноцветным ковром, и не было ему ни конца, ни края, наверняка решил бы по-другому: весенняя цветущая пустыня поманила бы. Удержи тогда попробуй! Забудешь в тот же миг и дом, и родную мать - лишь бы утолить жажду приключений.

Мудрая Лакма, конечно, знала про это: когда-то тоже была щенком и, что называется, сорвиголова. Теперь же не могла наглядеться на своих первенцев и не отпускала их от себя ни на полшажочка.

Особенно много тревог и хлопот доставлял ей Мёнгёз: можно ли быть таким доверчивым в наше время? И в кого только такой растяпа?

Ничего-то в мире плохого нет, все-то у него хорошие да добрые - глупость несусветная! Разве можно всех и всё мерить по себе?

Сильно переживала Лакма за своего

лопоухого сыночка. Много повидала всякого, много горя хлебнула за свою жизнь. Ей ли не знать, чем может обернуться беспечность, - смертельных схваток с кровожадными волками не миновать. Материнское сердце замирало от невыносимой жалости.

Почему Мёнгёз не такой как его сестра? В ней только и находила себе утешение Лакма. Ну что за умница! Удивительно, как быстро научилась различать по запаху овечку от барашка, верблюда от осла.

Схватывала прямо слету, не то что Мёнгёз.

С ним мука мученическая. Всякий урок ему не впрок. Вроде и не ленив, но вдруг ни с того, ни с сего замрёт, уставится взглядом куда-то в пустоту и ждёт чего-то. А чего? Спроси - и сам не знает.

Пока мечтает, говори не говори - слова мимо ушей. А ведь Лакма не уставала твердить самое-самое важное, что положено твёрдо знать собакам: «Будьте, дети мои, осторожны, будьте бдительны! Враг всегда рядом! Чуть зазеваешься - не миновать беды!».

Честно сказать, и дочь - умница-разумница, не слишком серьёзно внимала внушениям

матери. Какой еще враг? Откуда ему взяться? Оно и понятно: не видели «врага» воотчию, все их любили, они отвечали тем же - вот и не понимали, чего их мать так волнуется. Вообще не верили её словам.

Может, и не поверили бы никогда - не случись несчастья. А беда ждать себя не заставила. Она грянула нежданно-негаданно. Вернее, так-то - для беспечных щенят. Лакма-то всегда начеку. Она почуяла и всегда опасалась: что-нибудь обязательно произойдёт. Только не знала, что.

В тот день, когда Мёнгёз продрал глаза, то-есть проснулся, первое, что увидел в щель конуры, - ослепительно оранжевое колесо. Оно не спеша, торжественно катилось по небу. Подумаешь, ничего особенного: во-первых, никакое это не колесо - солнце; а во-вторых, и вчера оно двигалось точно также. Кажется, вчера это было удивительное зрелище.

Впрочем, он не помнил.

Тоненький пронзительный посвист, просверлив воздух, коснулся его слуха.

- Фью, фью!..

«Наверное, этот несносный свистун разбудил меня, не дал досмотреть сон», - позевывая и

потягиваясь до хруста, огорчился Мёнгёз.

Кого, интересно, назвал он «несносным свистуном»?

Да вот он! Живущий на солнечной стороне бархана важный суслик с рыженькими смешными прутиками*. В эту минуту он горделиво стоял на песчаном холмике. Еще бы не горделиво: холмик - творение его проворных лапок. Стоя, с хозяйским видом обзирал окрестность и, зная себе, насвистывал.

- Фью, фью!..

Конечно, любоваться нахалом не было охоты. - Мёнгёз сначала высунул нос, потом и весь выбрался наружу.

-Бр-р-р! - Обожгло, словно выскочил из ледяной проруби. Дрожа и клацая зубами, вернулся восвояси.

Выходит, солнцу верить можно не всегда. Обмануло!

Однако, оно было ни при чем. Кто же виноват? Ветер. Сегодня он дул с Гарлыдага**. А вершина

* Прутики - усы суслика. Такими они казались Мёнгёзу.

** Гырлыдаг - снежная гора.

его в самый жаркий день в белоснежной папахе.

Промерзший насквозь Мёнгёз вернулся в конуру и мигом устроился под бок матери, свернулся калачиком - тепло. Истома начала овладевать всем его существом.

Ну что произошло-то? Ерунда! Подумаешь, дел, вышел да вошёл. Так-то оно так, если бы не сестренка: каждый шаг брата берёт на заметку. Вот и теперь уследила, что ушёл без спроса и, не озябни, вернулся бы не скоро. Чем не причина понасмешничать?

- Почему так быстро возвратился? Надо было погулять!

- Хо-холо-о-одно-о...

- Разве мамочка тебе не говорила?

- Я не слышал.

- Еще бы! Наверное, мух в это время ловил? А может, ты глухой и ничего не слышишь?

Известно, чего стоит такое сочувствие. Да если бы только это! Не только... Мёнгёз крепко обиделся бы, догадайся, что хитрая сестрёнка преследовала коварную цель: услышит мать ее слова и строго отругает братишку. Ее же похвалит: какая она послушная! Ничего такого простодушный Мёнгёз и подумать не мог.

Умолкнув, щенята тесно прижались с разных сторон к матери.

Тепло, шедшее от Лакмы, точно она была вечно негаснувший очаг, скоро разморило их, и они задремали. Когда во второй раз, уже вместе с сестричкой, Мёнгёз вышел из конуры, утренний пронизывающий ветер утих. Земля согрелась. Солнце по невидимым ступеням небесной лестницы поднялось высоко-высоко и теперь стояло неподвижно в зените. Из овчарни слышалось бление ягнят.

Благодать! Денёк выдался на славу и обещал множество удовольствий.

И еще радость! Ее ни с чем не сравнить: сегодня в коше остался главный чабан, дядя Мурад. Даже от одного его взгляда сердце Мёнгёза начинало трепыхаться пойманной бабочкой - столько в нём было нежности. Становилось немножко не по себе: за что? И еще стыднее, что знал заранее и не мог, как ни старался, чтобы не облизнуться: если дядя Мурад будет свежевать барана, то ему и сестрёнке обязательно перепадёт лакомый кусочек. Щенок невольно облизнулся.

А никакого секрета, почему главный

чабан любил смотреть на щенят, и не было: их неуклюжая походка, их игры напоминали старому Мураду ага малых внучат. Они жили в ауле. Кто же не тоскует по тем, кто дороже всего на свете?

Лакма, между тем, засунув морду в казан с отколотым ушком, наслаждалась похлебкой. Звала и детей - ноль внимания. Даже и дочь на этот раз не повела ухом.

Ничего, проголодаются - примчатся вперегонки. Как миленькие.

Так и вышло: прикослапили и тут же, отталкивая мать, принялись тыкаться носами в казан.

Вот чудаки! Мать ли не отдаст своим детям последнее?

Урча и захлебываясь, щенята позабыли обо всем на свете и ничего, конечно, не слышали в первую минуту, кроме треска за собственными ушами.

В следующую же минуту...

А виноват был слух Мёнгёза - если помните, такой тонкий, что он мог различить самый тихий шорох. Не услышь он сейчас необычный, странный звук - несчастье бы не случилось.

Звук, и верно, был более, чем странный. Суслик свистел изо всех сил, пронзительно и непрерывно - тревога!

Это поняли все суслики. Миг - и все они как один нырнули в свои норки.

Мёнгёз тоже понял бы, будь он даже самым беспечным из сусликов. Но он же родился собакой.

- Фью, фью!..

Знакомый суслик - наверняка сегодня он был часовым - просигналил еще раз: вдруг кто-нибудь зазевался? И последним, как капитан тонущего корабля, покинул свой пост - скрылся под землей.

- Фью...

Что бы всё это значило? Любопытство, как всегда, взяло верх, и Мёнгёз, оставив сестрицу одну выскрёбывать и долизывать казан, вперевалку потрусил выяснять, что случилось.

Куда делись суслики? Они не стояли как обычно столбиками на барханах. Степь, куда ни кинь взор, опустела. Даже его слух не мог уловить ни звука.

Тогда он зачем-то взглянул на небо. Там кружила какая-то одинокая птица.

Неинтересно! Какое ему дело до всяких летающих?

Действительно, ему - никакого, зато птице, а это был огромный стервятник, до него дельце было. И, как увидим дальше, очень и очень недоброе.

Мёнгёз так толком ничего и не выяснив, поплёлся обратно.

Никакой опасности не чуял - сердце подсказало бы. Даже ни разу не ёкнуло.

А опасность висела прямо над его головой.

Надо быть таким простаком из простаков, как Мёнгёз, чтобы ничуть не насторожиться и теперь, когда тень стервятника накрыла его.

- Фью, фью!.. - не удержался знакомый суслик, на миг отважно высунувшийся из норки. Он всё видел. Не спасти уже щенка даже любой ценой. Только не это!

Но щенок на этот раз не понял предупреждения: он был слишком печален, весь ушёл в свои мысли о пропавшем суслике.

И вдруг...

- Э-эй, ты куда? - Земля, что ли, затеяла с ним дурацкие шуточки - вдруг выскользнула из-под ног. Бегать и даже плестись по воздуху бесполезно

- этому он не учён.

Шумномахая крыльями, стервятник набирал высоту. Он уносил ничего не понимающего щенка в небо.

Несчастливая Лакма!

Какое перо в силах описать горе и отчаяние матери, когда на её глазах крадут родное дитя? Бросившись сломя голову на выручку, она пружиной взвилась вверх. И... почти достала. Не хватило самой малости.

Схвати она сыночка за лапу - вырвала бы его у вора.

В это же время Мурад ага, ничего не подозревая, месил тесто для чурека*, а заодно подкармливал огонь в очаге - подбрасывал то сухие ветки, изредка баловал поленцем. Услышав захлебывающийся лай Лакмы, оглянулся. На мгновение остолбенел. Потом... Можно было и не бежать в кибитку за ружьем: гнусный, поганый похититель был уже недосыгаем для пули. Всё же он выстрелил. Зачем? - На этот вопрос не ответил бы и он сам.

Если бы случилось чудо и у Лакмы выросли крылья! Пусть лишь на время, - чтобы догнать

* Чурек - лепешка.

разбойника...

Э-э, чудеса происходят только в сказках. Лакма мчалась с холма на холм, стараясь не отстать и не упустить из виду бедного сынка.

Но стервятник летел куда быстрее. Лакме мешали рытвины и бугорки. Они замедляли бег. Злодею же само небо помогало.

Воздушные потоки подхватывали его всё выше и выше. Наконец он превратился в небольшую точку. А потом и точка растаяла в сверкающей дали.

Тоскливый вой долго-долго раздавался с вершины какого-то холма.

У тех, кто слышал его, сердце обливалось кровью. То Лакма жаловалась на судьбу, прощаясь навеки с сыном. А что ей еще оставалось?..

Мог ли, даже в самые-самые счастливые минуты, Мёнгёз мечтать о таком неслыханном чуде?

Ур-р-ра!

Он летит! Летит. Летит...

Теперь в этом не было ни малейшего сомнения. Земля была далеко-далеко внизу. Плавно кружились зеркальца озер, переливающиеся разноцветной радугой поля.

Горки и холмики, похожие на верблюжат, резво бежали друг за дружкой...

Ой, сколько же их! Только пожелай, всем и каждому достанется по верблюжонку.

Мёнгёз было выбрал себе одного и даже мысленно посидел на нём. Но через миг того уже и след простыл.

А в следующий момент глаза зажмурились сами. Ужас! Навстречу летел невиданный полосатый зверь.

Да это же Гарлыдаг!

«Вах!» - Не удержался. Но вряд ли и кто-нибудь другой мог сдержать восхищение. Чего значил один тёплый небесный ветерок!

Никто ещё так приятно не гладил ему мордочку.

Стоп! Почему Мёнгёз ни разу не вспомнил о сестрёнке, о матери? Вернее, пожалуй, наоборот. Называть остальных - даром тратить слова. Ну, разве что назову суслика.

Не станем возмущаться, упрекать его в чёрствости, в бессердечии и еще бог знает в чём. Это уже зависит от того, кто сколько знает

упрекательных слов. Остановимся и лучше покумекаем: разве сами мы не такие? Когда нам очень хорошо, тоже забываем обо всём и обо всех.

«Вах!..»

Любоваться и любоваться* бы без конца, услаждая глаза и душу, но Мёнгёз почувствовал боль в боках. Наверное, слегка побаливало и раньше, но он не обращал внимания. Теперь же стало невтерпёж.

- Ой-ой-ой! - пожаловался Мёнгёз тому, кто нёс его под облаками.

- Что случилось? - ехидно проскрипел стервятник. Такой уж у него был голос.

- Жмёшь очень сильно, - заверещал щенок.

- Ох, дурачок!

- А мама называла меня «глупыш».

- Это одно и то же.

- Не лги! Мама так не говорила. Ой, только сильно не жми!

- А что ты сделаешь, если сожму?

- Не знаю...

* Любоваться - не совсем подходящее слово, лучше бы "созерцать". Но Мёнгёз такого слова не слыхивал.

- Дурачок ты, дурачок.

- А, вспомнил. Рассержусь!

- Ах, рассердишься! Ну и что, если ты рассердишься? - Голос стервятника стал еще ехиднее и скрипучее. И он еще сильнее сдвинул щенка.

- Ой-ой-ой... - Завизжал Мёнгёз. Попробовал бы кто не взвизгнуть.

Вот тут он и вспомнил мать. Но... она осталась далеко внизу - на земле. И подмоги ожидать было неоткуда.

Правда, кое-кто посочувствовал щенку, пожалел его. Толку, понятно, мало. Но все-таки...

«Кое-кто» - шакалиха. Как раз в это время она вывела на прогулку своих детёнышей. В небо взглянула не случайно: опасность, которую она почуяла безошибочно, таилась именно там, наверху. Тогда и увидела щенка в когтях стервятника. Поняла все сразу. Разве могло не дрогнуть материнское сердце? Не первый день жила она на свете и знала, чем кончаются такие путешествия.

Шакалята, которые по первому приказу матери попрятались в хворост, не сводили восхищённых глаз со щенка. О, как они

завидовали ему!

- Ах, вот бы и мне так полетать!

Мечты, мечты.

Не выдержав, вздохнул один.

- Умолкни, негодник! Чтоб корова наступила тебе на язык! -

Облаяв сына, мать решила, что этого мало, и с силой ударила грудью в бок. Отчего тот покатился кубарем. Так шакалы наказывают непослушных детей. И поделом.

Откуда было им знать, как сильно стиснул щенка стервятник.

Чем дальше летели, тем больше ныл левый бок Мёнгёза.

- Эй, болит! Эй, не жми так сильно! - взмолился он.

- Дурачок ты, дурачок! - проскрипел стервятник.

- Я же сказал, что мама называла меня «глупыш».

- Это одно и то же.

- Пусты, обругаю.

- Попробуй! - стервятник был непрочь развлечься.

- Чтобы твои глаза наполнились дымом! Вот!

Скрипучий хохот раздался в ответ.

- Ха-ха-ха! Это собачьи глаза не выносят дыма, дурачок. Я не собака.

- Тогда, тогда... Чтобы в твоих крыльях черви завелись!

- Э-эй, не задевай мои крылья!

- Тогда отпусти меня!

- Сейчас я тебя отпущу-у!

Скрип сменился скрежетом. У Мёнгёза, не подозревавшего, что попал в самую точку, даже мороз побежал по всему телу.

Нельзя было оскорбить стервятника сильнее, чем это сделал Мёнгёз.

Конечно, получилось случайно. Но тем более. Обругать его крылья? Да может ли знать несчастный щенок им цену! Крыльями стервятник гордился особо. За то и уважал себя необыкновенно. Обида была так велика, что когти сами сжались изо всей мочи. Мёнгёз едва-едва не задохнулся.

- Ой-ой-ой... - Щенок задергался, затрепыхался, ловя разинутой пастью воздух. Всё без толку. Что делать? И он впился остренькими зубами в одну из грязных лап стервятника.

Сразу дышать стало по свободнее: хватка

ослабла. «Какой он добрый, пожалел!». Конечно, так думал благодарный Мёнгёз, машинально стискивая челюсти.

- Ах, ослабь же, душа разрывается на части...

- Вместо скрежета прозвучал жалобный стон.

Мёнгёза не надо было просить дважды: мгновенно выпустил закушенную ногу и поднял вверх смущённую мордочку. Хотел попросить извинения, но почему-то не решился.

- Ох, я горемычный!.. Ох, моя нога!.. - Какие же тяжёлые, оказывается, у стервятника слёзы. От капли, упавшей прямо на нос, щенок вздрогнул... - Т-ты... Т-ты, негодяй, про-о-кусил ее, бедную, до кости...

Мёнгёзу стало стыдно как никогда.

- К-как? - вымолвил он еле слышно и заикаясь.

- Он еще спрашивает, как? Так! - Стервятник хотел возмутиться, но нестерпимая боль пронзила его насквозь. Тут уж ни до чего.

Давно уже он сбился со счёта, сколько за свою жизнь унес ягнят.

Однажды с земли даже поднял годовалого барашка. Правда, пришлось тот раз здорово

поднатужиться. Но, как говорится, своя ноша не тянет.

Вего лапы не раз попадались щенки, шакалята и остроносенькие лисята. Такого же противного существа, как Мёнгёз, он еще не встречал. И от других стервятников, своих сотоварищей, слыхом не слыхивал. Все, кого он уносил в небо, сначала бляли или скулили, моля о пощаде, но скоро, потеряв надежду на спасение, немели от страха. Как честный стервятник он не обнадёживал зря: мол, полетаем немного и гуляй себе с миром. Ему тоже надо что-то кушать. Зачем было попадаться? Этими мыслями тоже он гордился. Ясно, не так сильно, как крыльями.

Кажется, мы отвлеклись от главного - что делал благородный разбойник с жертвой^{*}, когда та теряла от страха волю, а ее кровь, по мудрой пословице, превращалась в воду? Это зависело от его желания: если терзался голодом, выбрав местечко поудобнее, где камни побольше и поострее, бросал добычу с высоты

^{*} Жертва - уважающий себя стервятник презирал это слово. Добыча другое дело. Также ему не нравилось слово “вор”. Куда лучше, благозвучнее - “разбойник”.

вниз тормашками* и клевал в одиночку; когда же бывал сыт, устраивал славную пирушку для родственников.

Так было всегда. Испокон веков. На этот раз вышло совсем не по правилам. Точнее сказать, вопреки закону. Ведь глупый щенок давным-давно должен был умереть, очутившись в небе! Почему же этого не случилось, как установлено священной природой? Понять этого стервятник, даже такой умный, не мог. Такое было выше его разума.

Что ж, придётся нам объяснить. Дело, как думается, вот в чем: хорошо, что Мёнгёз не успел испугаться в самый первый момент, когда, если помните, его лапы оторвались от земли и он подумал, что она захотела с ним пошутить. Это земля-то? Пошутить? Попробуйте найти второго, кто способен сморозить подобное, - ясно: дурачок! Нет. Скажем не так обидно: наивный лапушок. Им же, как всем известно, всегда везёт. На сей раз даже спасло от неминуемой гибели. Из сказанного, если согласны с нами, -

* Вниз тормашками - обычно говорят: вверх тормашками. Но тогда и подбрасывают вверх. Стервятник же делал наоборот.

вывод: глупость, если, конечно, небеспросветная, - не всегда плохо. Бывает от нее и польза.

Покалеченный стервятник, истекая желчью от ненависти, лелеял, меж тем, гнусную мысль: «Как бы отделаться от этого проклятого щенка?».

Отделаться - разжать лапы. Чего проще? Однако сейчас это оказалось самым трудным делом. Даже невозможным: когти не хотели разжиматься. Наверное, щенок ухитрился прокусить ногу в таком месте, что зря было и пытаться.

Стиснув от боли клюв, стервятник уже и не вспомнил, как мечтал бросить с высоты щенка, чтобы тот разбился; как предвкушал, что, вернувшись, с родней вволю полакомятся свежатиной.

- О-о-ох... - лететь совсем немоготу.

- Эй, снижаемся же! - встревожился не на шутку Мёнгёз.

- О-ох!... - глухо прохрипел вместо ответа стервятник.

- Я хочу лететь!

- О-ох... Только капризов этого несносного существа и не хватало измученному стервятнику.

- О-о-ох... - На большее не было сил.

- Что ты говоришь?

«О Боже! Замолкнет ли, наконец, этот балбес, поймавший меня в капкан?». Позорное унижение, какого он не испытывал ни разу в жизни, какое хотел скрыть от щенка, заставило стервятника отвечать.

- Хорошего помаленьку!

- Ах, полетать бы еще!

- Ох!...Ох!.. - оба охнули одновременно. Грохнуться оземь - и как не охнуть? Кто бы ни утверждал подобное, считайте с чистой совестью: бессовестный враль!

Очумело тряся головой, Мёнгёз обнаружил себя вполне целёхоньким. Кто считает кое-какие ушибы и ссадины? Все бы преотлично, но он был один. Где же добрая, огромная птица, поднявшая его в небеса, чтобы и он мог испытать ни с чем не сравнимое счастье полёта? Огляделся по сторонам: да вон же она!

Почему-то в первое мгновение не узнал. Пришлось потрясти головой. Наверное, не очень похожей на себя она стала из-за того, что сидела, закрыв глаза. Уж не заснула ли? Мёнгёз хотел приблизиться, да бока напомнили: быть поосторожнее - никогда не вредно.

И все-таки, стервятник спит или просто так

прикрыл глаза?...

- Теперь прибыли? - Вежливее не мог бы спросить самый воспитанный из щенков.

Стервятник злобно прошипел, вовсе и не собираясь открывать глаз:

- Уб-бирайся прочь!

- Почему ты сердишься? - изумлению Мёнгёза не было предела.

Он совсем не хотел обидеть большую птицу. Наоборот, был ей благодарен, что, не задумываясь, исполнил бы любое ее желание. Так-то оно так. Однако лучше сейчас не приставать к стервятнику и не раздражать его - подсказал щенку его ноющий бок. Может, именно этого она и желала? Ну что же, пожалуйста! - сказал сам себе Мёнгёз и понуро заковылял куда глаза глядят. Может, и всхлипнул разок - другой.

Может... Кто ведает?

- Фью, фью!..

Милый суслик! Это его знакомый родной голос.

Сердце Мёнгёза обмерло, дух захватило. Настоящая радость - она всегда неожиданна. Сейчас он увидит маму и сестрёнку! Как долго он не вспоминал их? Дорогой суслик вернул память.

За это первым делом нужно сказать ему «спасибо». Мёнгёз, присев по-собачьи на корточки, завертел головой: где же суслик-то?

- Фью, фью!..

Уф, наконец, увидел. Тот по-прежнему стоял на часах на вершине холма и, впрочем, тёр передними лапами свою мордочку, что не мешало ему посвистывать. Правда, кое-что смутило Мёнгёза: форсит он, что ли?

Этот суслик, которого щенок принял за старинного приятеля, был вовсе ему не знаком. И в самом деле важничал. Он снисходительно смотрел на солнце в упор и раздувался от гордыни: «Солнце каждый день восходит, чтобы удивляться, какую замечательную нору я вырыл своими руками!». «Пусть, не жалко», - разрешил солнцу удивляться и дальше.

Нравилось солнцу или нет такое несусветное бахвальство сказать не беремся. Что же касается Мёнгёза, он не мог натешить свой взор видом любезного соседушки. Тот изменился немного, видно, повзрослел за то время, пока они не виделись. Может, и его, Мёнгёза, не всякий признает с первого взгляда. Ведь он теперь - не просто щенок. Он - собака, которая летала.

- Фью, фью!..

Щенок, затаивший дыхание - не напугать бы друга! - решил, что суслик заметил его и приглашает потолковать о том, о сём.

О, как жестоко он ошибался! Заметив мчащегося к нему Мёнгёза, суслик, забыв свое высокомерие, юркнул в нору.

Долго щенок сидел у норы, казнясь, что перепугал суслика и надеясь, когда тот отойдет от страха и высунется наружу, попросит у него прощения, а потом спросит про маму и сестричку.

Наверное, суслик смертельно обиделся. Мёнгёз понял: сиди всю жизнь, - не выглянет. И думая про себя, какой же он невезучий, щенок потащился, сам не зная куда.

Так и плелся бы до тёмной ночи - как вдруг...

- Прости меня, суслик! - Теперь Мёнгёз был виноват перед ним дважды: за то, что смертельно напугал и за то, что плохо о нём подумал.

Конечно, ему встретился совсем другой суслик, но Мёнгёзу все они казались на одну мордочку; и любой суслик для него был тот самый, кого он считал другом детства. Разве это плохо? И совсем это не глупо. Но неужели Мёнгёз опять что-то

делал не так? Чем суслик недоволен?

- Что у вас, собак, принято бесцеремонно вмешиваться в разговор двух беседующих сусликов?

- Не знаю... Я хотел только спросить... Только теперь Мёнгёз заметил второго суслика. Видимо, он нарушил очень важную беседу. Но ведь нечаянно.

- Не притворяйся! Или думаешь, на просточка напал? Знаю я вас! И не надейся хитростью схватить меня.

Мёнгёз и не думал. Тем более не надеялся. Интересовало совсем другое.

- Ты не видел мою маму?

- Откуда я знаю твою маму?

- Ты же наш сосед.

- Слава Богу, миловал от таких соседей!

Не обидно ли слышать подобное? Увы, некоторые взрослые, а суслик годился Мёнгёзу в дедушки, уверены, что дети не понимают хороших слов, и позволяют себе насмешки, даже, как в этом случае, издёвку. Знали бы они как ошибаются!

Мёнгёз, конечно, почувствовал неприязнь суслика, но, проглотив обиду, не мог повернуться

и уйти, пока не узнает, где его мама. Вот почему он принялся усердно перечислять ее приметы.

- Я сын Лакмы, которая ходит, прихрамывая...

- Сказал, не знаю - значит, не знаю, - оборвал суслик, кисло скривившись.

Это была чистая правда. Однако невозможно поверить в то, во что верить не хочется. «Они знают, где моя мама, но почему-то скрывают это от меня», - подумал Мёнгёз.

Тут уж кто не рассердится? С громким лаем щенок бросился на сусликов.

Но недаром они говорили, что знают собачий нор, - в мгновение ока провалились сквозь землю. Мёнгёз схватил пастью пустое место.

Хотел было сплунуть - сплюнул, да уйти - повернувшись, сделал два-три шага... Но что-то его остановило. Точно наткнулся на невидимую стенку. «Стенка» - мысль: надо попросить получше - тогда скажут. Наверное, они так воспитывают своих, чтобы в другой раз был повежливей. Нечего дуться, если сам виноват. Он вернулся - и правильно сделал.

Все-таки старому суслику, с кем, в основном, разговаривал (второй больше помалкивал, кивал

головой), стало, похоже, жалко беспризорного бродяжку. Не исключено, себя тоже пожурили за, честно сказать, грубоватый тон.

Голос, раздавшийся из-под земли, был на сей раз куда помягче:

- Я же говорил, что вам, собакам, доверять нельзя!

Мёнгёз мог бы, конечно, возразить, но решил молчать, хотя для этого пришлось прикусить язык. Пусть суслик выговорится до конца, если ему так нравится воспитывать щенков. Может, он соскучился и рад случаю, что нашёлся недотепа, который сам не понимает, как нуждается в его мудром наставлении. «Говори, говори, послушаю».

Где мама, суслик не сказал. Зато сообщил другое. Тоже важное.

- Если ты голоден, в ложбине, - объяснил, как её найти, - лежит почти целый джейран. Его вчера вечером ел волк со своими волчатами. Думаю, тебе осталось там чем насытить брюхо. Торопись!

Пока Мёнгёз не думал о еде, живот вел себя тихо. А теперь вдруг заныл, заурчал. а все из-за суслика! Кто его просил напоминать, что давно

уже у щенка не было во рту и маковой росинки?

- Иди же, наше вонючее мясо все равно бы пришлось тебе не по вкусу, - прокричал вслед Мёнгёзу суслик, высунувшись наружу. Зачем он это сказал? Не потому ли, что от жалости готов был пожертвовать собой, - лишь бы бездомный щенок не страдал от голода? Неизвестно.

Сказал - и всё. А там, думай как хочешь.

Но думать Мёнгёзу было некогда.

Он уже почуял божественный запах. Сказать, что у него помутилось в голове, - ничего не сказать.

Такого восхитительного аромата Мёнгёз не слышал никогда в жизни. Да, правда, он до сих пор по-настоящему не знал, что такое голод. Тем более собачий. Когда он еще жил дома, забот о еде не возникало. Утром сосал мать, днём чашка исправно подкармливала, дядя чабан баловал частенько. Э-э, когда это было? Мёнгёзу казалось, это было очень давно.

Что же, если по-настоящему захочешь есть, и повзрослеешь.

Запах, который ветер доносил до него, дразнил все сильнее. Вот и джейран.

Если бы старый суслик теперь увидел Мёнгёза,

как тот рвал тушу, тогда бы мог с полным правом сказать кое-что о собачьей натуре. Может, даже сравнить с волчьей. Он зря погорячился: щенок и не собирался обидеть его, тем более, употребить на харч. А вообще-то собака есть собака. Это также верно, как суслик есть суслик, птица есть птица. И так далее. До бесконечности.

Насытившись, Мёнгёз долго лежал около туши. Отдувался. Глядел и не верил, что перед ним так много мяса - целая гора. Глазами и то не съешь. Лучше отвернуться, - что и сделал. Скоро случилось то, что бывает всегда, когда живот занят работой, - потянуло в сон. Так бы и поступил, но внутренний голос шепнул: «Здесь спать опасно!». Мёнгёз сразу послушался. Спорить и не подумал.

Что-то взблескивало вдали. Солнечные зайчики порхали в воздухе.

«Оказывается, и у суслика бывают правдивые слова». В этом Мёнгёз убедился, увидев перед собой озеро, о котором говорил старый зазнайка. Оно оказалось как нельзя кстати. Подумал, что сможет вылакать до дна, такая мучила жажда, выпил немало. Но озеро, конечно, этого и не заметило. А щенок ничуть не огорчился. Утолил

жажду - и спасибо! Пусть останется и для других.

Сон между тем брал свое. Зевота раздирала пасть до ушей. Бороться со сном было бесполезно и незачем. И в следующее мгновение сон свалил его с ног. Мёнгёз уже посапывал, похрапывал и улыбался, забыв и о маме, и о сестрёнке, и о своём небесном, путешествии, - короче, обо всём на свете. «Хр-р, хр-р...ур-р...». Сладко текли слюнки. Но они ничуть не мешали.

Помешало совсем другое. Что? Вопрос, конечно, законный. Только не «что», а «кто». И этим «кто» оказался овод. Утверждать, что он искал чью-нибудь мордочку, источающую умопомрачительный запах мяса, не собираемся. Другое дело, что так случилось. И само собой, спустя короткое время, пока спускался с высоты, овод уже сидел на носу Мёнгёза.

- Ж-ж-жы... ж-ж-жу-у...

Соню быстро разбуду!

Покой мирно спящего был нарушен.

- Кто это топает по моему носу? - проворчал, не открывая глаз. Овод и не подумал испугаться. Вот если бы лежебока сморщился и дернул носом, тогда бы он мигом взлетел.

«Убирался бы отсюда», - наконец, щенок приподнял голову и пару раз встряхнулся.

Овод, не будь ротозеем, тут же взлетел.

Но когда Мёнгёз снова решил задремать, назойливый мучитель опять оседлал его нос.

«Издевается, что ли?! Ну, это слишком!». Вскипевший от злости щенок вскочил и превратился в четыре ноги и два уха. Мы, кажется, забыли сказать, что до этого момента Мёнгёз лежал, свернувшись калачиком.

- Проснулся, дружище собака? - спросил тот, кого щенок, покачиваясь спросонья, с трудом различал как сквозь туман.

- Тебе какое дело, проснулся я или не проснулся? - обиженно проворчал Мёнгёз.

- Это мое дело! Тебе-то что?

- Ты разве не знаешь, что спать после полудня вредно?

- Ну и что, если знаю?

- Нет, ты, наверное, не знаешь. Если бы знал, то не спал бы.

- Хорошо, разбудил, теперь лети, куда летел!
- всё еще не желая просыпаться окончательно, пробурчал Мёнгёз как можно добрее.

Надеялся, как только овод уберётся с глаз

долой, снова вздремнуть.

Не тут-то было. Овод наверняка прочитал его тайную мысль.

- Ж-ж-жу... Ж-ж-жу-у...

Соню быстро разбуду!

Мёнгёз неожиданно прыгнул. Он схватил бы овода, не ожидай тот подвоха. Но много повидавший в жизни овод отлично знал, что за добро платят злом.

Разумеется, щенок промахнулся.

- Я же тебе сказал, что не дам спать? Сказал. Разбудил тебя?

Разбудил. Теперь, если и захочешь, раньше вечера не ляжешь. До свидания, я улечу! - радостно прожужжал овод, поднимаясь все выше и выше.

- Улетаешь, ну и убирайся, чтоб мои глаза тебя не видели. - Хотя Мёнгёз и ворчал, но злость, а вместе с нею и сон куда-то пропали.

Осталась обида. Но совсем не та, которая была, когда этот жужжалка, точно слон, топал по его носу. С непонятной до сих пор грустью щенок провожал овода глазами, пока тот не растаял в воздухе.

Овод улечу, и на душе стало совсем худо.

Значит, когда ругал его, было все-таки лучше? Выходит, так. Понятно, почему: оказывается, если долго не говорить, можно известись и так опечалиться, что жизнь станет не мила.

Конечно, будь на месте овода кто-нибудь другой, с кем можно бы повозиться, покувыркаться или затеять игру в догонялки, - куда лучше бы! Яснее ясного, кого щенок имел в виду, - сестрёнку. Впрочем, не возражал бы и против нового друга. Но откуда ему взяться среди этих, играющих в молчанку?

Уже начал было дуться на весь мир: на солнце, на снующих вокруг ос и бабочек, на шуршащих в траве неведомых насекомых, что могло бы вскорости перейти в злость, как... Нет, все-таки не прекратились еще на земле чудеса! Продолжаются! Итак, друг был в шаге от Мёнгёза... Кто бы не просиял от радости? Он и просиял.

- Меня зовут Мёнгёз. А тебя как, дружище?

«Дружище» почему-то не отвечал.

- Ты откуда взялся?

Хотя чёрненький щенок поводил мордочкой вверх-вниз и пошевеливал ушами, но словно воды в рот набрал.

Тогда Мёнгёз, вытянув шею, обнюхал прищельца. Радость сменилась удивлением.

- Ты вроде бы и собака, но почему от тебя не пахнет собакой?

Хотя чёрненький щенок, с которым он разговаривал безответно, - его тень, наверняка впал бы в такое глубокое уныние, из коего и не выберешься. Хорошо, что не догадывался. Какое - никакое, все-таки утешение. Немой друг - все лучше, чем никакого.

Самый лучший способ затеять игру - понарошку покусать шевелящиеся ушки приятеля. Тот, конечно, не захочет остаться в долгу.

Такая кутерьма начнется, что о-ё-ёй! Подумано - сделано. И Мёнгёз пустился во всю прыть догонять молчуна.

Да-а, догонишь такого! Ободравшись о кусты, несчетно раз растянувшись, набив при этом на лбу знатный фингал, вконец выдохся и прекратил погоню. Только остановился пыхтя, и неуловимый щенок замер, как вкопанный. Тоже, видать, устал: язык вывалился из пасти, еле переводил дух.

- Эй, друг, ты очень быстро убегаешь. Давай

лучше поборемся.

Знаешь как интересно? Если боишься быть побеждённым, не бойся: я побеждать не буду. - Никакие уговоры не действовали. Будь у Мёнгёза ангельское терпение, и то лопнуло бы. Но откуда оно у него? - Если ты сейчас по моему желанию не будешь играть со мной, то и я потом по твоему желанию не буду играть с тобой!

Ответа, само собой, ожидать было нечего. Сказать же напоследок кое-что осталось.

- Ухожу. А ты не иди со мной! Попробуй остаться один - узнаешь, хорошо ли тебе будет? - Конечно, это зарычала в Мёнгёзе слепая злость. Справиться с нею не мог. Куда идти? Повернулся и хмурый пошёл прямо на солнце.

Оглянись хоть раз - убедился бы, что черненький щенок и не подумал слушаться: шёл след в след, наступая на его пятки, развесив уши. Обернуться не позволяла оскорблённая гордость.

Стоит ли объяснять, почему щенок перебежал за спину Мёнгёза и не отставал, точно прилип? Ведь на самом деле он был тенью.

* * *

Пока солнце разгуливало по небу, взбиралось

в горку, потом не спеша спускалось, даже мысли о сне не возникало. Мёнгёз трусил целый день без передыху. И удивился, обнаружив, что воздух посвежел и не был уже прозрачным, как недавно, - сумерки окружали его со всех сторон. Пошатывало от усталости. Ресницы склеивались. Чтобы совсем не слепились, приходилось широко раскрывать глаза. Это стоило невероятного труда. А ведь нужно было ещё найти ночлег!

Где преклонить голову - ни одной двери, куда можно войти?

Наконец-то! Убежище не ахти какое - промоина под замшелым валуном. Все-таки не голое поле. Хоть ложе и жестковато малость, да в затишке и оно - милость. Покрутившись, Мёнгёз устроился повольготнее. И: «хр-р-р...»
И: «ур-р-р...»

А дождь как будто нарочно дожидался, когда Мёнгёз задремлет: крупные тяжёлые капли упали на высунувшиеся из укрытия задние лапы. Подтянул их. Тепло стало. Ну а дождь? Мороси себе, баюкай.

До середины ночь шла спокойно. Все началось, едва наступил «час быка»*.

* «Час быка» - самый страшный час ночи.

«Тра-а-рах!». Первого, да и второго удара грома Мёнгёз почти не слышал: изрядно намотавшись за день и умаявшись до бесчувствия, храпел без сновидений.

«Тра-ра-а-рах!». Сноп искр брызнул в глазах. Наверное, пружинка, которая развернулась в Мёнгёзе и выбросила его в бушующую и грохочущую ночь. Вокруг выло, трещало, ухало. Небосвод рушился, разваливался на куски и разлетался во все стороны. Ливень гудел. А очумевший щенок, покачиваясь спросонья и лязгая зубами от холода, еле сдерживался, чтобы не взвыть.

Но самое страшное было впереди. Мёнгёз взглянул на небо. С грохотом табун мчался прямо не него. Вожаком был Гара ат*. Бешеные зрачки метали молнии. Стальные копыта с гулом ударяли в землю.

Все это Мёнгёз увидел воочию, хотя глаза зажмурились помимо воли. Он же вертелся волчком. И, уже не в силах сдерживаться, жалобно заскулил.

Можно не сомневаться, в эту горестную

* Гара ат - чёрный конь

минуту сердце Лакмы больно защемило, сжалось от невыразимой тревоги. Какая мать не чувствует, что ее чадо попало в беду? Тем более, такое непутёвое, как Мёнгёз.

А топот аспидно-чёрных, как грозовая туча, железнокопытных коней с каждым мгновением нарастал.

Задержись - и табун смял бы, расплющил щенка. Однако он успел отпрыгнуть в сторону.

Но Гарааткруторазвернул послушный табун. В чём провинился перед ним Мёнгёз? Почему великий предводитель чистокровных небесных коней преследовал его так беспощадно?

Обезумевший, промокший до костей, бездомный бродяжка кидался из стороны в сторону. И всякий раз неумолимый жеребец, почти настигая, направлял свой табун по его пятам. Только чудо могло спасти выдохшегося вконец Мёнгёза.

И оно свершилось! Вдруг Мёнгёз провалился в какую-то дыру, а небесные кони промчались над головой.

Пока щенок летел вниз, сердце его ухнуло, но не оборвалось совсем: дыра, в которой он

очутился, не проходила землю насквозь.

Осмотревшись и убедившись, что цел-целёхонек, возблагодарил судьбу и, слегка отдышавшись, почуял, что в темноте кто-то есть.

В этот момент сверкнула ослепительная молния, и он увидел перед собой... Во-он, оказывается, что: Мёнгёз свалился в лисью нору.

Лиса, увидев взъерошенного щенка, тоже, наверное, вознесла молитву небесам: незваным гостем мог оказаться кто-нибудь похуже. Однако приняла угрожающую позу, загривок ее вздыбился.

- Ты что вваливаешься в чужой дом, как разбойник?

- Я-я?...

- Ты! А кто же еще?

- Я-я п-осстою з-здесь н-н-немно-о-ого... - Мёнгёз не был заикой. Если же теперь заикался, причина яснее ясного: зуб на зуб не попадал.

- Чего ради?

- Н-на у-улице з-за мной гонятся ч-чёр-ные кони...

- Эх, дурачок ты, дурачок!

Препираться да объяснять, что мама звала

его «глупышом», хорошо при свете дня. Впрочем, спорить со взрослыми, как уже убедился Мёнгёз, толку мало. Возражать он не стал.

Вэто время из-под брюха лисицы просунулась хорошенькая мордочка маленького лисёнка. Тут же показался и второй. Третий тоже не задержался.

- Мама, это кто? Кто это, мама?

- Марш на свое место! - Только что подобревшая лиса могла рассердиться всерьёз. Этого Мёнгёз боялся пуще всего: осерчав на лисят, прогонит и его. Хорошо бы лисята не заупрямились!

Двое послушались мигом, тут же уползли вглубь норы. Но один лисёнок едва не сгорал от любопытства.

- Мама-а, дай мне посмотреть хоть одним глазком...

- До тебя слова не доходят, негодница! Что, собаку не видела? - Сграбастав лисёнка (он, к удивлению щенка, оказался лисичкой) за шиворот, швырнула вглубь норы, где сверкая глазками, сидели двое других.

- Вон посмотри, как ведут себя примерные дети!

Заслужившие похвалу грациозно склонили головки и приняли еще более послушный вид.

«Их мама тоже, как моя: всегда ставила мне в пример сестрёнку и говорила: «И тебе надо быть таким же понятливым!».

Не успел Мёнгёз так подумать, словно услышал мамин голос; и она сама промелькнула перед глазами. Не описать охватившую Мёнгёза тоску. С какой бы радостью он согласился, чтобы в эту минуту мама нещадно ругала его. Пусть бы даже сурово наказала. О мечты, мечты!..

Наведя порядок в своем хозяйстве, лиса обернулась к щенку.

Наверное, сжалилась. Голос уже не был таким сварливым.

- Ладно, стой, где стоишь.

Мог ли Мёнгёз рассчитывать на большее? Эта милость была неслыханной.

- Спасибо, тетушка Лиса, - Мёнгёз не узнал свой голос. Это был голос нищего у чужого порога, столько скорби в нём.

Но все-таки лиса еще немного сердилась: любопытная дочь опозорила её при чужом. Злость же, как известно, не проходит сама. Ее нужно сорвать на ком-то, благо, этот «кто-то»

униженно трепетал перед лисою.

- Чтoб завтра рано утром духу твоего здесь не было! Ты понял!

- Если эти кони ускачут...

Чтo?! Щенок смеет смеяться над нею?!

- Щ-щено-ок! - Лиса не знала, зарычать ей или... - Ха-ха-ха!

Неужели думаешь перехитрить лису? Жалкий глупец! - Смерив щенка самым презрительным взглядом, на который она была способна, лиса вдруг усомнилась: «Может, он и вправду не знает, что это за «кони». На пройдоху, кажется, не похож...». Но на всякий случай прибавила: - Я не терплю притворства!

Мёнгёз до сих пор не слышал такого слова «притворства», но расспрашивать не стал, а согласился.

- Не буду притворяться. - А пробудившийся в нём бесприютный скиталец снова захныкал: - Только немного бы постоять...

Лисица на сей раз промолчала. Молчание - знак согласия.

Мёнгёз крепился из последних силёнок, но простоять все ночь напролёт, как велела великодушная хозяйка норы, - нет. Как ни хотел,

- невозможно.

Лисята меж тем давно утомонились. При свете блеснувшей молнии Мёнгёз увидел поразительную картину: они спали цепочкой, обнимая хвосты друг друга.

«Кто пришел к лисе, тот должен стать лисой». Щенок лёг и обнял хвостик самой последней в цепочке лисички. Та почувствовала, что трогают ее хвост, приподняла сонно головку, но ничего не сказала.

И через мгновение Мёнгёз крепко спал и не слышал, как оставшиеся снаружи чёрные небесные кони, грохоча, скакали по степи.

* * *

Ночная охота, на которую рассчитывала лисица, из-за грозы сорвалась. Чувство вины, что лисята легли спать на пустой желудок, мучило ее, лишало сна. Лишь изредка погружалась она в зыбкую полудремоту, но всякий раз вздрагивала, когда кто-нибудь из ее ненаглядных красавчиков, не просыпаясь, скулил:

- Мама, есть хочу...

- Потерпи, деточка, дай до утра дожить.

- Есть хочу, мамочка... - спустя минуту всхлипывал другой.

О, муки материнские! Никому их не вытерпеть, никому не выплакать. Лишь незадолго перед рассветом глаза сами смежились.

Забылась самую малость. Но едва выкатилось солнышко, была уже на ногах. Прежде чем будить лисят, налюбовалась на спящих всласть, нагоревалась досыта.

Мёнгёз, на которого вчера ночью сон навалился скалой, а теперь, видать, осенял его лёгким облачком, посапывал. И никакой суматохи вокруг не слыхивал.

Собачий сын, посмотрите, он до сих пор дрыхнет.

Причина, почему лиса начала сердиться, поначалу была не ясна и ей самой. Но чем больше она ворчала, тем отчетливее догадывалась, в чём дело. У них, конечно, заботы нет добывать себе пищу. Их не терзают голод и жажда. Продрал глаза - жри из миски, лакай из плошки. Хозяева уже им, лежебокам, заранее приготовили. -

Раскалившись до белого каления, лиса набросилась на сладкохрапящего «гостя», растормошила безжалостно:

- Эй, собачье отродье, ну-ка вставай!

- Дай, еще немножко поспать, ма-ама...

Лисица чуть не задохнулась от неслыханной, вопиющей наглости. Так всю и передернуло.

- Ах ты, недотёпа! Пусть твоей матерью будет...

- Не нашла, кого бы дать ему в матери. Пыхтя от возмущения, ударила носом в бок.

- О-ой!

- Вставай, лентяй эдакий!

Ничего не оставалось Мёнгёзу как, поджав хвост, выкатиться из объятий сна, а заодно из надёжного уютного убежища в бесприютный, непонятный, на каждом шагу пугающий мир.

Когда разжмурил глаза, вместо того, чтобы заскулить со страху, онемел от изумления? Куда он попал?

Имей Мёнгёз хоть мало-мальское представление о рае, где царствует вечная весна, струятся молочные реки, благоухают невиданной красоты цветы и прочее, решил бы: вот он рай!

А свистящий разбойник ураган, который, казалось, подхватит и унесёт куда неведомо, гудящий ливень, который вот-вот затопит землю до горных вершин, аспидно-чёрные жеребцы, чуть не растоптавшие Мёнгёза, где они? Всё ужасное выветрилось, вылетело из памяти. Как и не было.

Утро сияло новорожденно!

И вот какой разговор двух повстречавшихся ос невольно подслушал Мёнгёз. Речь, догадался, шла о цветах.

- Ах, какие хорошенькие домики! Влетишь и вылетать не хочется!

- Их аромат сводит меня с ума!.. Вчера я даже забыл возвратиться домой...

По тому, каким голосом ос* сказал это, Мёнгёз воочию представил жужжалку, кокетливо заводящую глаза к небосводу.

- Так весной иногда бывает, да-да... - Протяжный вздох длился невыносимо долго. Может, всё сказано этим «да-да»... Только Мёнгёз собрался тронуться с места, ос промолвил на выходе. - И что же ты делал ночью?

- Ах! Ароматом цветка пленённый, в сердце любовью ранен, ночь я провёл в чудесном дурмане, в объятья его заключённый... - Ос заговорил стихами, сам того и не заметив. Наверное, весной так и бывает, если...

Может быть, Мёнгёз узнал бы, что это за «если», послушай еще немного, но...

*Ос - так Менгёз называл осу мужского рода. Если и неверно, зато придумал сам.

- Ты чего остолбенел?

Вернее, не остолбенел. Замер зачарованно. Однако лисёнок, сам еще не испытывавший очарования, не знал и такого слова.

Мёнгёз не подумал обижаться.

- Ай, не знаю... - тихо прошептал, сожалея, что вывели из блаженного состояния.

- Тогда айда! Мама сказала, что сегодня добудет нам ягнёночка! - Нужно ли говорить, как вкусно облизнулся лисёнок при этом? Само собой, и у Мёнгёза потекли слюнки.

Когда они наконец, догнали стаю, та уже залегла напротив рассыпавшейся у подножья холма отары.

Поспели как раз вовремя: урок Великого Терпения едва-едва начался. Он состоял из двух частей. Первая, самая трудная - искусство «чуткого уха». Оно заключалось в том, чтобы слышать, что хочешь услышать, не отвлекаясь на посторонние звуки.

Сейчас требовалось слушать и понимать меканье взрослых овец и ягнят.

- Ме-емам! Эй, мама!

- Что, мой ягнёночек?

- Мама, ты не оставляй меня одного!

- Хорошо, сынок...

- И раньше говорила «хорошо», а сама уходила.

- Я же спускалась попить, дитя моё.

- Мама, а я мерзну.

- Перейди на ту сторону, здесь затишье. Пососи еще немного. Сытого ветер не проймет. Наоборот, он будет тебя гладить и отрачивать твои завитки. И у тебя будет толстая шуба.

- А когда, мамочка?

- Потерпи, сынок. Пусть эти травы высохнут, превратятся в жёлтую солому.

- Сколько терпеть, мама?

- Не успеешь оглянуться.

- Что это значит, мама?

- Иди соси, иначе твою долю сестричка высосет.

- Пусть не сосёт, мама, пусть не сосёт. Я же мало сосал, она много...

- Тогда иди быстрее!

«Беспечные ротозеи!» - Невольно лисе стало противно, и она скорчила презрительную мину. Может быть, в то же время ощутила и безотчётную

грусть: ни на секунду не могла позволить себе и малейшей неосмотрительности. Даже во сне должна быть настороже. Тому же неустанно учила своих детёнышей. «Что ж, пусть пеняют на самих себя!»

Решающий момент охоты - молниеносный бросок.

Убедившись, что овцы не подозревают о таящейся опасности, лисица стала бесшумно подкрадываться.

Кто бы решился на такой безумный риск: ползти по голому полю?

Ни бугорка, ни ямки. Только кинь взор - и всё видать, как на ладони.

И уж тогда только держись! Такой подыметса трам-тарарам, такая заварится катавасия -о! Что там «чёрные кони» да сверкающие клинки молний? Ими только пугать до поры неразумную малышню.

Но лиса не была бы лисой, поступи она иначе. На нее пал бы несмываемый позор - презрение предков, чей нерушимый завет она хранила пуще зеницы ока. Вспомнился неслучайно. Тем себя и подбодрила: «Эй, ты ведь лиса, твои деды и прадеды могли укрыться за единой былинкою!

Хочешь быть достойным потомком, не посрами и ты славы пращуров!».

Лиса ползла...

О, несчастные овцы! Самый несчастный ягнёнок уже намечен. Во-он он, кудрявый. Еще забавляется с ним матушка-овца разговорами. Но уже недолго ей любоваться крошкой, наслаждаться младенческим лепетом.

Смерть уже близёхонько. Смерть - прекрасная, рыжая, глаза изумрудные, хищно-лаковые - лисонька.

Осталось лишь успокоить дыхание, напружинить задние лапы и, оттолкнувшись, взлететь ярким пламенем - не промахнётся лиса. Такого ещё не было.

- Хей, что ты там делаешь?

(Говорят о неожиданном: как гром среди ясного неба. А понимают ли, как он ужасен? И сравнить не с чем. Даже с диким валуном, сорвавшимся с крутого склона, не так опасен. Страшно, коль ты на его пути. Если ловок - так увернёшься. Увернувшись, усмехнётся: «Лети себе дальше!»).

Гром грянул.

Лиса чуть не умерла от страха. Может, и

умерла на мгновение.

Чувств лишилась - это уж без сомнения. Быть бы знатной трёпке, а то и гибели, не её бы ноженьки: сами хозяйку, полуживую, понесли. «Ой, спасайте, голубчики!». Только что сама смерть была, да, оказывается, на всякую смерть другая есть.

- Гав! Гав! - Вот он, гром среди ясного неба, - Арслан, волкодав из волкодавов.

Тут, наконец, и овцы всполошились, отпрянули, заблеяли.

У-у, беспечные мекалки! Раньше бы беспокоились. Не проснись вовремя гроза волчьего племени, не досчитаться бы ротозеям ягнёночка!

Лучше надо беречь. Но теперь не об этом речь.

О чем?

- Гав! Гав! - громыхает гром. А от грома лиса удирает. Увидали ее лисята, догадались: неладное что-то вышло и точно вихрем их сдуло.

Понеслись впереди матери. Только ножки мелькают.

А Мёнгёз замешкался.

«Чего они мчатся сломя голову?» - Не понять

ему, что причина в огромном псе. Он же знал, что большие собаки добрые, малых щенят не обижают. Не знал, что щенята бывают разные. И еще подумалось: “Хорошо, что лиса не украла мекалку, пусть живёт и растёт большой.”

А лисятам так и надо. Не облизывайся раньше времени».

- Гав! Гав! - Совсем рядом гром.

Не оглянись та хорошенькая лисичка, из-за которой, может, лиса и не выгнала бы Мёнгёза в тьму-тьмущую, под копыта «черных коней», с места не сдвинулся бы.

Оглянулась она - словно бы поманила. И Мёнгёз припустил во все лопатки.

- Гав! Гав! Ну-ка стой! Тебе говорят!

Лисье семейство и не думало останавливаться.

«Вон оно что, - сообразил и Мёнгёз, - когда кричат «стой», надо бежать еще сильнее».

Но ему ли тягаться с волкодавом?

Волкодав бросился наперерез Мёнгёзу, и тот сходу налетел на живую лохматую стену. Не захочешь - остановишься. Да еще и шмякнувшись оземь.

- Эй, ты кто? - Ну и грубый же голосочек у

этой рычащей глыбы. Таким в первый момент показался волкодав оглушённому Мёнгёзу.

- Я лиса...

- Какая же ты лиса, - небо над Мёнгёзом разверзлось и загрохотало. (Так смеются взрослые волкодавы, когда кто-то говорит что-то совсем уж несуразное).

Мёнгёз испугался. Но не грома. Как раз наоборот - тишины. Смех вдруг оборвался. Рыжий кобель гневно уставился на дрожащего щенка.

Наверное, он подумал, что эта мелюзга насмехается над ним.

- Вот тебе, если ты лиса! - От мощного удара Мёнгёз покатился кубарем.

Однако гнев волкодава сразу прошёл, едва он увидел хнычущего собрата. Суровое сердце закалённого в битвах богатыря наполнилось жалостью.

- Эх ты, глупенький щенок! Разве лиса, попавшись, признается, что она - лиса?

Слизинки на глазах у Мёнгёза мгновенно просохли: то, что начал рассказывать ему волкодав, по всему видать, обещало быть необычайно интересным.

- Знаешь, как пойманная лиса заговаривает зубы?

Мёнгёз замотал головой.

- Правильно. Откуда тебе знать? - Волкодав минуту-другую наслаждался своим превосходством, потом продолжил назидательным тоном: - Не верь, когда начнёт плести басню. Какую? Наизусть помню:

«Наши деды и прадеды когда-то произошли от одного зверя, затем вы нашли себе друга и ушли с ним, а мы остались здесь. Вы правильно сделали, что подружились тогда с людьми. Ох, сегодня у меня свободный денёк, вот и пришла помянуть своих предков. Как хорошо, что посчастливилось встретиться с тобой...».

Как-то раз она меня обвела вокруг пальца. Тогда моим напарником был бедняга Гаплан. Однажды мы поймали лису, которая тоже, как и вы, явилась за ягнёнком.

Гаплан был очень любознательным. Вместо того, чтобы растерзать лису, стал задавать ей вопросы.

- Сколько ягнят ты украла этой весной? Говори только правду, иначе... - не отставал Гаплан.

- Я счёта не знаю, Гаплан ага, но если хотите, нарисую на земле, а вы сами посчитайте.

«Покажи да покажи!». Нарисовала она одного ягненка, потом другого.

Признаться, здорово у неё получалось. У нас даже челюсти отвисли. «Вот и такого одного ukrала», рисует что-то вытянутое с двумя головами спереди и сзади, со множеством ног. Ну, вообще!

Такого диковинного зверя я видел в первый и последний раз в жизни...

Мёнгёз весь пылал от любопытства и нетерпения: он не только не видал, но и не слышал о таком невероятно удивительном существе.

Кто же это?

Волкодав печально вздохнул, точно угадал его мысли.

- И не увидишь!

Хотя Мёнгёз маленький, обижаться он тоже умеет. «Почему это я никогда не увижу?», - подумал он. И обиделся. Про себя.

Волкодав, недаром взрослый, легко прочёл мысли надувшегося щенка. А прочитав, ощерил клыки. Так он улыбался печально.

- Потому что такого диковинного зверя нет

на свете.

Мёнгёз захлопал глазами. Теперь уже весь его вид выражал глубочайшее удивление.

- Э, - снова вздохнул волкодав, - я был слишком молод, и лиса меня обманула - нарисовала сказочного зверя. Глупый простофиля, забыл отцовский наказ, что с лисы нельзя спускать глаз ни секунды, она мигом проскользнула под моим брюхом - только ее и видели!

Разумеется, взрослый пёс не нуждается в сочувствии щенка. Тем более, первого встречного. Ну а что кто-то посмеет над ним смеяться - такого быть не могло.

- Гхи, гхо! - Мёнгёз захихихал. О нет! Совсем не над ним, как, к сожалению, подумал волкодав. Причина же была, никто не догадался бы, - щекотка! Да, да. Хотя никто не собирался щекотать Мёнгёза. Как так? Стоило ему лишь представить что-нибудь - то и чувствовал, будто происходило с ним на самом деле. В этот злополучный момент он представил, как хорошенькая лисичка прошмыгнула под его животом.

Конечно, стало щекотно. Он и хихикнул.

Хорошо еще, что громадный рыжий волкодав

оказался не обидчивым. Да и на кого обижаться-то? На жалкое существо, какое недостойно собачьего имени.

- Коль ты - лиса, убирайся, откуда пришёл!

* * *

- Ну что, не остался у старшего брата? - Лиса встретила Мёнгёза у норы, сидя в окружении уже отдышавшихся лисят.

- Нет, не остался.

- Что, не узнал он тебя?

- Не знаю.

- А в самом деле, как ты попал в эти места, заблудился?

- С неба свалился.

- С неба? - Вот уж не думала, что её можно чем-то удивить. И кто? Щенок!

- Я летел со стервятником.

- Ах, ах! - Лисята одновременно заахали, зажмурились, будто это они попали в лапы стервятника.

Не дожидаясь просьб, Мёнгёз со всеми подробностями поведал историю своего увлекательного путешествия.

«Это, оказывается, он». Лиса вспомнила, что вчера, когда ходила пить, слышала краем уха

разговор двух мокрых воробьев. Искупавшись, они сохли на берегу и болтали, будто бы видели в небе щенка. Теперь Лиса с невольным уважением посмотрела на Мёнгёза.

О многом хотелось лисятам расспросить Мёнгёза, но лясы хорошо точить на сытый желудок. Когда же брюхо подводит, самый интересный рассказ не способен отвлечь надолго.

И снова выручил Мёнгёз. Увёл свою новую маму и братишек с сестрёнкой на то место, где вчера вдоволь полакомился остатками джейрана. Пир не пир, а на зубок досталось каждому.

* * *

Ночь сегодня выдалась подходящая. Можно сказать, на славу. Не использовать ли такую благоприятную погоду для урока?

Стремительно выскочив из норы, через несколько мгновений лиса сидела на вершине ближнего холма. Понюхала воздух. Необходимо еще раз убедиться, что вокруг нет никакой опасности. Убедившись, позвала лисят.

Мёнгёза, понятно, приглашение не касалось. Но не оставаться же одному?

Лиса бежала, не останавливаясь.

- Мама, подожди! Я же не успеваю... - недовольно заворчал один из лисят.

До сих пор не обращавшая внимания на жалобы неуклюжего толстяка, лиса придержала бег, оглянувшись, сочтя нужным сделать внушение ворчуну.

- Чем больше я говорю, тем меньше ты слышишь, дитя моё.

- Что я не слышу?

- Дома вы - мои дети, а в поле должны вести себя как взрослые и не капризничать.

- Мама говорит, что в поле надо быть самостоятельным, - защитила мать хорошенькая лисичка.

- А тебе-то что? - Сердито сморщил носик брат.

Мёнгёз почему-то пропустил мимо ушей эту перебранку, а то бы обязательно взгрустнул, вспомнив свою сестрицу. Та же встревала куда надо и не надо.

Темнота все больше сгущалась. Лисы с радостью смотрели в ту сторону, куда ушло солнце, и довольные наблюдали, как ночь глотала холм за холмом.

Пусть думают, как им нравится. Не жалко. Мёнгёз-то знает настоящую правду: просто на

ночь холмы надевают шапки-невидимки.

...Когда Лиса разрешила короткую передышку, хорошенькая лисичка неожиданно спросила:

- Мама, о чем думают в эту пору люди?

Мёнгёз встрепнулся, зачем ей знать? Если кого и могло занимать это, само собой, его. А что, если лисонька, задав вопрос, хотела сделать ему приятное: мать примется рассказывать, и у Мёнгёза начнет сладко ныть и щемить сердце. Будь щенок повзрослее, он бы так и решил.

На самом деле причина была другая. Приятного Наши* захотелось самой. А что приятнее, чем послушать песню людей, которую мать почему-то очень любила? Почему? Э-э, загадка сия велика. Скорее всего тайна неразрешимая. И разговор о том особый.

- О чем думают люди? - задумалась лиса, и глаза ее затуманились непонятной нежной печалью. Может, и правда, когда-то, в старые - престарые времена, лиса и собака были детьми одного роду-племени. - Их думы в песне.

- Мама, спой! Спой, мама!

Дважды просить не пришлось. Кто бы мог

* Наши - хорошенькая.

подумать, что у лисы такой голос, - нежный, струящийся.

Ах, ночь! Что за чудная ночь? Так прекрасна она была. Благоуханна. Нежна. Задумчива. О том и песня.

Усевшись в кружок, лисята, Мёнгёз зачарованно внимали матери. Их глаза, похожие на огоньки, разгорались все ярче и ярче. И небесные звездочки, думая, что это их сёстры, перемигивались. И всем было радостно.

Для себя Мёнгёз сделал еще открытие: оказалось, в темноте его глаза видят, если не лучше, то ничуть не хуже, чем днём. А чем особенно понравилась ему ночь - не мучило солнце. Когда оно нещадно печёт, разве можно заняться собой? А мухи, клещи, оводы - эти наглые приставучие жужжалки доводили порой до бешенства. Но сражаться с ними было бессмысленно.

А зачем сражаться и портить нервы, если?... О том и речь. Нет, не все лисьи повадки пришлись по нраву Мёнгёзу. Особенно воровские замашки. Но одна привычка очень понравилась - спать днём. Что приятней: бестолку шлаться в жару, разомлев, вывалив из пасти язык, или

похрапывать в прохладной норе? Спи, будто и нет тебя! Так и поступал частенько. Правда, не всегда. Так случилось и в тот денёк.

Впрочем, не слишком знойный.

...Запах, на который шли Мёнгёз и лисичка Наши, привёл их к какому-то незнакомому странному существу. Неудивительно, что оно показалось странным, ведь они видели его в первый раз. Время от времени существо разевало пасть и ловко, с необыкновенным искусством заглатывало насекомых. Похоже, охота была в разгаре.

Полюбоваться было на что! Мёнгёз и Наши с восхищением разинули пасти.

Кому придётся по нутру, когда мешают в самый-самый важный момент? Прервав трапезу, существо проворчало:

- Чего уставились? Земзема* не видели?

- Не видели.

- Тогда я - земзем.

- А-а-а.

- Что акаете, вытаращив глаза? Думаете, только мне и дело чесать язык со щенками и лисятами? Чтобы один раз насытить утробу,

* Земзем - варан.

я должен проглотить триста шестьдесят насекомых. Когда набью свой живот, если вы меня отвлекаете? Я пока съел только сто шестьдесят четыре жужелицы и червя. Вот и посчитайте, сколько мне еще надо.

- А мы не умеем считать.

- Знаю я вас, лис, всё вы умеете! - Раздувшись от злости, не поверил земзем. К тому же и Мёнгёза принял, наверное, за лисёнка. Почему он вдруг разозлился? Мёнгёз и Наши не стали допытываться о причине и, благополучно возвратившись домой, всё рассказали матери.

- Раздулся?

Оба закричали разом:

- Раздулся, раздулся!

- Ну и пусть раздувается. Когда он злится, всегда раздувается.

Случай пустяшный. Но он-то и разворошил старое. Увидев, что у лисы заблестели глаза, дружки-приятели чинно уселись напротив.

Приготовились внимать и левым ухом, и правым.

- Мы тоже когда-то с сестрой удирали тайком от матери, и, найдя земзема, начинали злить его. Он в тот момент не знал, за кем сначала гоняться.

Пыхтел, колотил хвостом по земле, кидался туда-сюда. Не ему тягаться с лисами! - Тут лиса спохватилась. Чему она учит, сама увлекшись ребячьими воспоминаниями? Известно, родители внушают детям, какие они были паиньки, как слушались с полуслова взрослых. Она же... Но то, что было, то было. - Как только он распухал, готовый лопнуть от злости, мы убегали домой.

Наши и Мёнгёз радостно щурились: оказывается, их мать тоже была не тихоней. И за это они еще сильнее любили ее.

Лиса поняла их радость и, усмехнувшись, продолжала:

- Была у нас третья сестрёнка. Не то, что мы, - степенная, ни на полшага без разрешения. Так вот однажды, от скуки, видно, увязалась за нами дразнить земзема.

- Я вам что, игрушка? - Скоро земзем, шипя от злости, раздувался на глазах, как шар.

А мы, знай, забавлялись, дразнили.

- Земзем, есть ли злость еще или кончилась? Не взорвись, смотри!

- Откуда у него злость? Фи! Это воздух, - фыркала моя сестра.

Пока мы делали вид, что спорим: «злость» или «воздух», третья наша сестрёнка приблизилась слишком близко. И не успела понять, что случилось, полёживала на земле без чувств. Наша вина. Забыли предупредить: «Бойся хвоста!». Земзем ждать не будет. Молниеносный взмах - не успеешь вскрикнуть: «Ах!».

- Ах, ах! - Невольно вырвалось у Наши и Мёнгёза. А они, дурачки, пожалели, что не догадались сыграть с земземом в дразнилки. Выходит, быть умным просто - лишь бы глупость сама не пришла на ум.

Лиса осталась довольна уроком, но все же добавила нравоучительно: - Если ещё вам встретится, лучше пройдите мимо. Лишних врагов не наживайте, это не нужно. И без него хватает. Пусть себя тешит: «Лисы меня боятся, дорогу мне уступают».

Э, а что с той лисонькой, маминой сестрицей? Очухалась помаленьку, побрела потихоньку и до сих пор вспоминает, в какую когда-то влипла историю...

Хорош был урок, да Мёнгёзу не впрок. Но об этом другая история...

* * *

Никого не спрашивал: «Кто такая?». Сам узнал - черепаха.

Вскарабкавшись на буторок, она дремала на солнцепёке.

- Эй, черепаха, проснись! - Сам не зная зачем загорланил Мёнгёз.

Радость не уместилась в нём, хотел кому-нибудь отсыпать лишнюю горсточку. А что, как зависть? Мол, спят же иные и никаких забот. А он труди зря ноги да майся в жару до одури.

Как бы то ни было, черепаший покой нарушил.

- Что шумишь, сынок? Чего тебе надобно? - Высунулась из костяного домика на сморщенной шее головка, моргая тусклыми глазками.

- Чего, чего... - Мёнгёз растерялся было, но тут же нашёлся. - Что поймала? Ты так прилипла к земле!

- Э-э, этот мир никому не даётся в лапы, сынок...

- Может, ты землю слушаешь? Тогда скажи, что она говорит?

Конечно, мудрая черепаха легко поняла, что щенок от безделья решил поразвлечься.

- Земля? Она говорит: «Скажи этому

шалопаю, пусть идёт своею дорогой, иначе услышит то, чего говорить не хотелось бы. А также скажи, что стыдно шутить над старыми черепахами».

- Тогда и ты, Черепаха дайза, скажи земле: «Пусть не важничает!»

- погоди, сынок! - Куда девалась черепашья неповоротливость?

Высунулась по пояс, испуганно замахала лапами. - Оскорблять землю нельзя, сынок. Быстро раскайся!

Эх, Мёнгёз, Мёнгёз! Ему лишь поартачиться бы.

- А если не раскаюсь?

- Тогда земля проклянёт тебя, сынок, до скончания дней твоих!

- А тебе что, жалко? - Разгильдяй-то разгильдяй. Но разве ожидал кто-нибудь от Мёнгёза нахальства?

- Ах, дурачок! - огорчилась черепаха. - Быстро скажи три раза, что ошибся!

Заупрямится Мёнгёз - не переупрямить.

- А если мне не хочется говорить?

- Ах ты, щеночек, разве можно оскорблять святое? Вот я знаю не семь, а семьдесят

твоих предков. Были в собачьем племени БОРОВШИЕСЯ С ТИГРОМ, были ДРАВШИЕСЯ С ВОЛКОМ! О, бесстрашные! Великие герои! Есть и теперь такие, чей лай, как нерушимая стена, охраняет отары. Откуда, подумай, сынок, их могучая сила?

- Вот еще больно надо мне думать!

- Хотя ты этого и не стоишь, скажу: от земли-матери. А такого, как ты - лисьего прихлебателя!
- я никогда не встречала.

У Мёнгёза не хватало терпения, а может, духу выслушивать наравоучения, и он побежал прочь.

- А-а, не нравится слушать правду? Беги, беги. Земля не торопится, но все равно догонит тебя!
- скрипела вслед старая черепаха

...Когда Мёнгёз отыскал лисят, они кувыркались на склоне холма, лисичка Наши прильнула на миг к его боку.

- Куда ты пропал?

- Во-он на холме есть черепаха.

- Да разве стоит с ней разговаривать?

- Черепаха прожила двести пятьдесят лет.

- Как?

- Наверное, не торопясь...

- Я могу считать до трех. Двести пятьдесят

больше трех или меньше?

- Почему отстаёте? - Ворчливый голос лисы прервал их увлекательный разговор.

* * *

Белое молоко на склонах холмов - бледный свет луны. Тишина сиреневых сумерек. Дуновение ветерка.

Сегодня лиса повела щенят на «готовую добычу». Что это значит?

То же, что и насыщение желудка». Слышите в первый раз? Ничего. В двух словах вот это что: когда - а такое - о горе! случается - ягнята рождаются неживыми, чабаны волокут их подальше в степь. Иной кинет пару лопат земли, лишь бы прикрыть беднягу; ленивый - и лопату с собой не захватит. Так сойдет. Через день-другой и следа не останется: хищники да стервятники своё дело знают.

Разве падаль сравнить с парным, дымящимся мясом жертвы? А-ах! Добытой ловкостью и отвагой на вольной охоте, еще трепещущей - оттого и нет слаще!

Может, и есть среди лис гордецы - не прикоснутся к падали, лучше погибнуть с голоду, - лиса была не из таких. «Ешь, что можно есть,

да похваливай!». Тому и детей учила - ничем не брезговать. «Кому негоже, а нам дар Божий».

Весной «готовую добычу» найдём возле любой отары.

Запах дурманил голову. Ноги тянули сами. Привели куда надобно. Да не тут-то было! Местечко уже было занято. Старый облезлый лис в кучу сгреб три-четыре ягнячы тушки, кружил вокруг, алчно облизывался. Увидев незваных пришельцев, зафыркал. Шерсть на загривке у него вздыбилась.

- Не подходите!

- Один столько мяса съешь? - изумился лисёнок.

- Съем. Еще как! Не подходите!

Ну и жадюга! Такого увидеть - тоже кое-чему научишься. Вдруг что-то случилось? Оставив свою добычу, старый облезлый лис бросился наутёк.

Ясно, такой жадина, что удавится за обглоданный хрящик, лишь бы не достался кому другому, не побежит просто так.

Рядом какой-то ужасный враг. Не иначе. Все уже помчались за лисом вслед.

- От чего бежим, кум? - на бегу спросила лиса

облезлого.

- Пахнет собакой, - прохрипел тот, глотая слюну.

- Где? Собакой?...

- Прямо сейчас, сзади. Догоняет нас, наступая на пятки.

Лиса понюхала воздух. «Э-э!» Все понятно: это был запах Мёнгёза, который стал одим из ее щенят. Остановилась. Лис, убежавший вперед, оглянулся и, удивившись, тоже остановился.

- Ну, что вы стали?

- Это ведь наш запах.

- Ты не рехнулась ли? Смерть к тебе уже приближается?

- Да погоди ты...

Время ли слушать лису с помутившимся разумом? От собачьего духа лиса тошнило.

- Стоишь, вот и стой! Мне своя шкура еще дорога. Да будет твой враг принадлежать тебе! - И тот растворился во тьме.

Гримаса презрения - награда трусливому. Неужели этот дрожмя дрожащий был или просто казался минуту назад грозным могучим лисом? Жадность и трусость - не братья ли?

Лисята уселись в кружок как обычно: ушки

торчком, заострены.

Ждут, что мать скажет. Но лиса молчала. И никто не заметил, как искоса глянула она с благодарностью на Мёнгёза: это ведь он своим духом отвадил облезлого наглеца.

Вернувшись к «готовой пище», лисье семейство спокойно и с наслаждением набило свои желудки. Мяса осталось столько - хватит десятку лис. Жалко, что ли?

Луна плавно плыла по тихому небу, словно серебряная лодочка.

Звёздочки разгорались все ярче. Наверное, там, в необъятной выси, происходил сейчас какой-то чудесный праздник. Может быть, день рождения властелина вселенной - какой еще мог бы отмечаться так величественно!

Сказать, что земным существам нет никакого дела до небесных забав и игрish, - нет. Есть. И еще какое! Только ли оттого, что нежно урчало в животах, поднялось у лис и, само собой, у Мёнгёза настроение? Тоже нет. И чья-то радость, каким-то образом передавшаяся им, имела значение.

В такую торжественную ночь что-то должно было случиться хорошее.

И... случилось! Вся лисья семейка

затрепетала: в темноте (луна куда-то вдруг пропала) тяжело задышало какое-то огромное чудовище.

Не успев сообразить, что делать, поскольку в этот момент сияющая луна выскользнула из-за облака, и они увидели совсем-совсем не ужасное чудовище, а наоборот. У подножья холма пасся табун. А на вершине, взрывая копытом землю и насторожив уши, стоял знакомый чёрный жеребец - вожак табуна.

- Мама, это те кони, что гонялись за мной? - проговорил Мёнгёз, а Лиса про себя подумала: «Ах, дурачок!.. Какой же он наивный, не то что мои лисята». Объяснять в очередной раз не хотелось. Все равно он не поймет.

- Мама, когда мы станем лошадьми?

- Никогда! - Лиса хотела по привычке добавить: «Ах, дурачок!».

Уже едва не сорвалось с кончика языка. Но приبلудный щенок был нипричём. Спросил ее сын, она даже споткнулась от изумления. Вот уж чего не ожидала! Была уверена, ее умненькие - разумненькие дети не будут задавать вопросы, глупее которых не придумаешь.

- Почему никогда? Я хочу стать конём... -

Лисёнок спросил неспроста: ох, как ему хотелось походить на могучего чёрного жеребца!

- Ах... - Конечно, лиса не могла назвать родного сыночка «дурачком», только грустно вздохнула. «Заразился любопытством от щенка. Пройдет», - подумала она.

Оказывается, есть вопросы, на которые нет ответа. Когда лиса порой задумывалась, ничего путного в голову и не приходило. Лисёнок больше не спрашивал. Конечно, забыл. В этом лиса оказалась права. Но почему-то на этот раз не особенно гордилась, как это делают взрослые, думая, что они-то знают всё-всё на свете...

Однажды с вечера зарядил нудный-принудный дождь. Сеял и сеял, не переставая.

Но теперь, когда Мёнгёзу по праву принадлежало местечко в тёплой лисьей норе, ему очень понравилось шуршанье, шепоток, стрекотанье ночного дождика. А уж как спится под его баюкающее мурлыканье!

В то утро Мёнгёз пробудился раньше всех. Правда это случалось с ним не часто.

Однако, всегда не зря. И на этот раз предчувствие какого-то удивительного события подняло Мёнгёза. Оно же заставило его

выбраться наружу.

И не обмануло! Очередное чудо поджидало его: небо перевернулось!

Точно они летели. Кто-кто, а он-то ошибиться не мог. Во-первых, потому, что почувствовал вдруг, как захватило дух. Во-вторых, точно такие же лохматые шкуры* плавали вокруг, когда он путешествовал с добрым стервятником.

Ах, как чудесно лететь! А если летишь вместе с сестрёнками и братишками, со своей теплой норой, - сто раз «ах» - мало.

- Летим, летим! Мы летим! Как можно сейчас дрыхнуть? - Мёнгёз не простил бы себе никогда, не растолкай сопящих засонь. Вдруг небо вернётся на место? Тогда лисята, продрав глаза, не узнают, что они летали.

- Что, что? - Решившая с некоторых пор не удивляться фантазиям собачьего сына, встрепенулась лиса.

- Мы летим, мама! - Мёнгёз от радости чуть не заплакал. Ну, почему ему не верят?!

Чего лиса боялась, то и вышло: лисята выпучили глаза. Они-то готовы принять за чистую

* Конечно, это были облака. Но Мёнгёз ещё не знал такого слова.

монету любые бредни этого неугомонного выдумщика!

- И ты, и ты, и я - все мы летим! - Обрадовавшись, что его слушают, еще пуще заголосил Мёнгёз.

- Куда летим? - Лисята вскочили как один.

- Не знаю. Но мы, оказывается, летим. Выйдите - увидите сами.

Лисята завизжали от восторга. Земля куда-то исчезла. Или превратилась в клубящийся призрачно-голубоватый пар? Тот, что полз по склонам холмов, растекался, поднимаясь вверх? То вдруг в просветах показывались вершины холмов. Тут же и пропадали. Наверное, уплывали куда-то.

«Ах дурачки!..» - Лиса-то знала, что огромная белая шуба, окутавшая весь мир, - туман. Но ей почему-то не хотелось сейчас объяснять детям, что это такое. «Пусть они думают, что летят. Ведь им так этого хочется!»

Но лисята летали на самом деле. Так бывает, когда не чувствуешь под собой ног от радости.

- Мама, мы летим! - голосили они, кувыркаясь и прыгая, как безумные.

Лиса в ответ улыбалась.

- Мы летим, мама! - Прыгая, они зависали на мгновение в воздухе.

А это и был полёт. Самый настоящий!

Лиса не сердилась на баламута, то-есть на собачьего сына.

Пусть он заразил ее детей необыкновенной блажью. Зато как они счастливы! Подрастут и все поймут.

* * *

Полетали - и хватит! Пора на землю спуститься.

Туманный день - лучшее время охоты на сусликов.

Лиса замерла перед одним из холмов. Он-то и нужен. Весь в дырах от сусличьих нор. Как сыр.

Лисята, подражая матери, вытянулись в струнку, почти перестали дышать.

Теперь главное - терпение. Сиди затаившись и выжидай свою жертву. Мёнгёз не собирался охотиться. Ему было жалко их. Он даже сердился на глупых сусликов: почему не спят? И хотя не видел их, не слышать не мог.

- Сосед, ты вошёл в дом?

- Нет, я здесь.

- Я целыми днями молюсь, чтобы ты жил вечно.

- Спасибо. И мои мольбы о том же.

- Детишки здоровы?

- Вечером у малыша появился жар. Думаю, вчера съел многовато свежих корней катрана.

- Да, катран - очень сильная штука. Говорят, от нее даже верблюда пот прошибает. Нужно только знать меру...

- Разве детям объяснишь?

- Так дети ведь.

- И мы были детьми.

- Если вспомнишь, и мы были тогда не лучше них.

- Да, да. Ты прав, сосед.

- Что-то не видно солнца. По-видимому, и его этот туман укатил подальше от нас.

- Потерпим. Куда бы его ни увели, в полдень оно как всегда придёт. Потом...

- Ой, ой, ой!.. Беги-и!..

И уже возбуждённые голоса лисят раздавались вокруг.

- Поймал!

- И я поймал, мама!

Только один лисёнок остался с пустым ртом.

- И ты ничего не поймал? - Точно обрадовался он, увидев, что и Мёнгёз ни с чем.

- Нет, я... - Не мог же признаться Мёнгёз, что и не думал охотиться. Спугнуть бы - спугнул с удовольствием. Но тогда прощай, теплая нора...

- Ничего, - утешил его брат по несчастью. - Мать нас голодными не оставит. Пошли.

И верно, лиса поделила добычу поровну. Мёнгёзу - тоже доля.

Все без особого приглашения принялись за дело: захрустели, зачавкали, зачмокали - в общем, уписывали - за ушами трещало.

Мог ли Мёнгёз притронуться к пище? «Бедный суслик! Как ты любил своего малыша...», - думал он, чуть не плача. Но вдруг ненасытное брюхо принялось урчать, под ложечкой засосало. И щенок уговорил себя съесть кусочек. «Прости, фью-фью, очень хочется есть».

И не заметил, как уплёл свою порцию дочиста. Но аппетит лишь разыгрался.

- Дай чуть-чуть, - попросил Мёнгёз у лисёнка.

- Самому мало!

Слово за слово - и потасовка. Лисёнку ли со щенком тягаться?

Заверещал как резаный.

Разве лиса не мать? Ударила в бок Мёнгёза. Попробуй не полети вверх тормашками. Приземлившись, заворчал сердито. Да и больно ведь.

- Тебе и этого мало!

Обернувшись на грозный голос, все увидели Прекрасного Лиса. Он стоял на вершине холма. И похоже, давно наблюдал за ними.

Видела бы себя лиса: как же она похорошела! Хвост распушился. Глаза заиграли изумрудом. Будто камушки бросили в ручей.

- Откуда ты появился, мой Бек*!

- Я два-три года шатался по Устьюрту. Сюда прибыл недавно. Ты слышала, я потерял свою милую жену? Прошлой весной ее застрелили люди, которые охотились на джейранов с железной стрекозы...**

* Бек - господин.

** Железная стрекоза - вертолёт (на лисьем языке).

- Если ты одинок, может, присоединишься к нам? Следующей весной я не прочь быть матерью твоих детей, - сказала лиса, грациозно изгибаясь и с надеждой заглядывая в синие глаза нежданно-негаданно встреченного вдовца, жадно обнюхала его и потёрлась бок о бок.

- Посмотрим, - надменно бросил лис. В тот же момент, повернувшись к Мёнгёзу, нахмурился. - А это кто?

- Собака.

- Почему не прогонишь прочь? Или думаешь, с неба она свалилась?

- Да, она упала с неба.

- Шутить изволишь? - Шуток, а тем более насмешек над собой лис не терпел.

- Как я посмела бы, мой Бек? - Лиса униженно заюлила, завертела хвостом.

Небрежно выслушав историю щенка, лис раздумал обижаться, однако процедил сквозь зубы:

- Все равно ты должна от него избавиться. Видела сейчас, что он сделал с твоим лисёнком? А когда в нём проснётся настоящий пёс, и тебе не сносить головы.

- Я держу его не без умысла, - шёпотом

раскрыла свою тайну лиса. - Говорят, одичавшая собака становится Красным Волком. А они еще более жестоки и кровожадны, чем сами волки.

- Веришь, что твой щенок превратится в Красного Волка?

- Уверена, - сказала лиса. На самом деле она привязалась к щенку.

Хотя, конечно, неплохо, если став Красным Волком, щенок будет ее кормильцем на старости лет.

- Учти, не отвадишь этого чужака, на меня не рассчитывай! - С этими словами Прекрасный Лис удалился.

* * *

Проснувшись однажды и прежде всего потянувшись всласть, потом зевнув во всю пасть, Мёнгёз вдруг обнаружил себя в полном одиночестве. Куда все подевались? Необъяснимая тревога вынесла его из норы - никого! Торопливо обследовал ближайшую окрестность - тоже никого.

Нужно было быть Мёнгёзом, чтобы не впасть в отчаяние, а наоборот. «Какая у меня добренькая мамочка! Пожалела - дала поспать. Вот, наверно, завидовали лисята». Так думал он, растянувшись

у входа в нору. И охранял. И заодно поджидал лис с прогулки. Порой задрёмывал в истоме. Когда в неясном смятении вскакивал от какого-нибудь шороха, ему мерещилась в голубоватом мареве стайка, спускающаяся с дальнего холма... Ошибся и на этот раз. Грусть охватила всё его существо - осенняя слякоть, которой еще не видел.

Лисы не вернулись ни в тот день, ни на другой.

Чем знать, что никогда-никогда больше не увидишь тех, к кому привязался всем сердцем, - легче умереть.

Знать, что те, кому ты верил без сомнений, бросили тебя на произвол судьбы, - и вовсе не стоило рождаться на свет.

«Может с ними случилось несчастье?» Было трудно дышать. Что-то теснило грудь. Наверное, это сердце в нём росло от жалости. Конечно, Мёнгёзу и в голову не могло прийти, что несчастье-то случилось с ним.

Минул и третий день. Мёнгёз боялся отлучиться далеко от дома. Вдруг лисы вернутся без него? Получится, будто их не ждали. Оттого и питался кое-как. Жил впроголодь. Хорошо что с утра удалось перехватить зазевавшуюся

перепёлку. Все лучше, чем шиш. Червячка хоть заморил. В результате за эти дни отощал. Мать родная не узнала бы: «Неужели этот шкет ее сын?».

Вообще Мёнгёз решил ждать сколько будет нужно. Хоть всю жизнь.

Так, несомненно, и было бы. Но необыкновенные приключения, для коих был создан, невыразимо волновали его душу. С этим уж ничего нельзя было поделаться, ибо не зависело от него. Как будто ему кем-то было дано поручение испытать такое, что обычному щенку и не приснится.

А дальше было вот что. Сидел Мёнгёз пригорюнившись, да что-то вдруг привлекло его внимание. «Что-то» - не какая-нибудь ерундовина, а живой, утыканный иглами клубок. Катится, значит, куда-то. Мёнгёз, конечно, очень удивился. Однако, с места не сдвинулся. Так пригвоздила его печаль. Или, вернее, печалью был он сам. Прокатись мимо - поудивлялся бы и забыл. Клубок вдруг остановился, развернулся и заговорил:

- Греешься, сосед?

- Ага! А ты кто?

- Я? Ёж.

- Почему я тебя не знаю?

- Я всегда был здесь рядом. Ты, наверное, не замечал. А потом мы ни с собаками, ни с лисами особой связи не поддерживаем.

- Если раньше и не знались, теперь нам придётся зняться. - Мёнгёз вскочил было, чуть не хлопнулся наземь: лапы затекли и онемели. Как же давно, оказывается, он сидит сиднем. Надо поразмяться. Так можно и совсем обезножить. Быть калекой не согласен ни за какие блага.

Поставив уши торчком, повиляв хвостом, встал он перед ежом.

Мол, готов играть и поддерживать связь.

- Я не люблю играть.

- Милый ёж, мне так хочется поиграть с кем-нибудь. Давай поиграем! - Слышал ли кто мольбу жалобней?

- Я же сказал тебе, что не знаю игр.

- Я научу.

- Не знаешь, что было с твоими родичами, которые хотели меня учить?

- Не знаю. Но у меня получится.

- Ну, тогда и ты попытайся меня научить? - Ёж свернулся в клубок.

Мёнгёз запрыгал то слева, то справа.

- Давай и ты вот так прыгай! Он слегка ткнул носом ёжика. В тот же миг отлетел как ужаленный.

- Эй, ты что?

- Я же честно предупреждал. - Хоть не смеялся. И за то спасибо.

- А-а, узнать такого, как ты, тоже полезно, - обиженно заворчал Мёнгёз.

Ничего не ответив, клубок покатился своей дорогой.

Нос перестало щипать, но веселей Мёнгёзу не стало.

- Чик, чик, чик! Чего сидишь суксившись?

- Что ты хочешь сказать? - Только воробья и не хватало.

- Хочу сказать, чтобы ты не обижался на ежа. Он такой, в обиду себя не даст. И всегда помогает соседям.

- Кому же он помог?

- Многим. Например, мне. Если бы не он...
- Воробей зажмурился, а когда открыл глаза, прочирикал такую историю.

- Мы тогда жили на склоне во-он той скалы. Однажды, услышав невообразимый птичий

базар, высунулся из гнезда и... замер от ужаса - змея!

- Почему не убежал? - Словно в ушах раздался мамин голос: «Увидишь змею - беги!».

- Да разве убежишь от змеиного зачаровывающего взгляда? На кого уставились эти глаза, испускающие прозрачные зелёные лучи, можно считать, - не жилец. Спасибо, если успеет проститься с жизнью.

- И вдруг змея, - продолжил свой рассказ воробей, - словно взбесилась, стала извиваться кольцами, яростно шипеть, кидаться из стороны в сторону. Что случилось? Оказывается, в ее хвост мёртвой хваткой вцепился ёж. Как ни мотай его, как ни колошмать оземь - не выпустит.

- А потом что?

- Лучи змеиных глаз потухли. И я вновь очутился на этом свете... Так что, пожалуйста, не обижайся на ежа. - Вспорхнул воробей. Только его и видели.

...От жажды запершило в глотке. И тут же перед Мёнгёзом возникло, плескаясь, озеро. Конечно, в воображении. До настоящего было далеко.

Опустив голову и высунув язык, семенил

он по едва различимой тропинке среди густой травы, как вдруг чуть не ткнулся лбом в громадный кожаный мешок, туго накачанный воздухом. Отскочив, вытаращил глаза: у мешка, оказывается, были туловище и еще голова - рогатый котёл. Об ушах, похожих на лопухи, о глазах, точно плошки, говорить не приходится.

- Му-у! Что стоишь на моем пути? - Если мог говорить колючий клубок, почему бы не говорить кожаному мешку?

- Ты кто?

- Корова.

- Можешь укусить?

- Нет, могу забодать. Посторонись!

- Тропинка твоя, что ли? Я сам нашёл ее в траве. Сама посторонись.

То, что назвало себя «коровой», угрожающе нагнуло рогатый котёл.

- Ну, проходи тогда, - разрешил Мёнгёз.

- Му-у...

У озера Мёнгёз увидел множество коров. Одни стояли в воде, другие, напившись, спали на берегу. «Вон их сколько! Молодец, что уступил», - похвалил себя Мёнгёз.

Пока коровы не выпили все озеро до донышка,

Мёнгёз быстро пристроился с краешку. Только начал лакать, тут же отскочил от знакомого, лучше не знать бы, зудящего голоса: «Липучка-колючка, и здесь отыскал!».

- Эй, щенок, растёшь?

- А тебе-то что?

- Ха-ха! Коровы испугался.

- Чего смеёшься?

- Нашёл кого бояться.

- А вдруг забодает? Рожища-то у нее во-он какая!

- Пока я здесь, не дрейфь! Хочешь, я сейчас отомщу за тебя?

- Как?

Противно жужжа, овод взвился ввысь. Коровы вдруг забеспокоились, захлестали себя по бокам хвостами. Жужжалке и этого было мало.

Сбив «кожаные мешки» в кучу, погнал их в долину. Спасибо, конечно. Но хорошо, что и сам убрался вместе с ними: всю душу истерзал, все уши просверлил. Чем слышать да видеть, Мёнгёз вдвое больше предпочитал не слышать и не видеть такого благодетеля.

Спокойно напившись, взобрался на холм и стал наблюдать за небом - текучее,

переливающееся зеленью и перламутром поле. Откуда ни возмись появились курчавые облака. Стал пасти их. Не успел отвернуться - растаяли. Зато на их месте кружило двое стервятников.

От нечего делать, стоило лишь наострить слух, послушал, о чём их разговор. Стервятники спорили:

- Твоя очередь дежурить!

- Нет, твоя!

- Я рано утром сторожил.

- Утром ты стоял вместо матери. Теперь постоишь за себя!

- Я только что вернулся с охоты, принёс ягнёнка. Если не поем, околею же.

- Всё равно не собираюсь за тебя дежурить! Сам жрать хочу.

«Тьфу! Никто не может жить без свар, по-доброму. Слушать противно», - подумал Мёнгёз.

И вдруг ноздри затрепетали. Умопомрачительный запах, который в этот момент уловил Мёнгёз, долетал со стороны, с той низины, где кружили стервятники.

Понятно, ноги сами понесли Мёнгёза туда, куда хотело ворчащее брюхо.

Вот зачем, оказывается, понадобился небесный сторож: на холме пировали стервятники, железными клювами терзали добычу - видимо, того самого ягненка, о котором говорил один из них. Вдруг кто-нибудь вздумает помешать?

Нашёлся один такой - Мёнгёз.

- Тебе что здесь надо?

- Все кушают, и я думаю немного поесть.

- Га-гы, гкх! И долго думал, а? - разразился резким смехом сквозь кашель один из стервятников. Наверное, он уже насытился доотвала. Для полного удовольствия не хватало развлечения. Так вот и оно.

- Не хочешь-ли очутиться на месте этого сладенького ягнёночка?

- Нет уж!

- Да чего с ним зря разговаривать, давайте схватим, иначе... - Что иначе, прохрипевший стервятник не уточнил.

Мёнгёз, который хотел набить свое брюхо, а не оказаться в чужом, убрался от греха подальше. Он не узнал хозяина голоса, который советовал схватить его. Между тем это был старый его знакомый...

Спустя некоторое время, когда стервятники исчезли, Мёнгёз все-таки утолил голод. В глазах у него перестало мутиться.

Эта встреча, хотя и не отличалась гостеприимством, была полезной.

Теперь, когда начинали течь слюнки, Мёнгёз осматривал небо, зная, что там, где кружат стервятники, всегда найдётся пища.

* * *

Перед тем как отправится в страну чудесных грёз и смутных видений, а, попросту говоря захрапеть с тоненьким присвистом, Мёнгёз ложился перед норой - ждал.

Так было и на этот раз. Но когда собрался в нору, слышался голос. Похоже, человеческий. «А вдруг это мой хозяин ищет меня?!»

Невозможно описать волнение, охватившее Мёнгёза - ветка, брошенная в пламя. Всего охватило жаром. Жадно потянул воздух - знакомого запаха не было.

Но опять тот же голос. И еще раз. Звал кого-то? Так и есть. Стая птиц с шумом пролетела над Мёнгёзом. Ага, что-то там интересное! Чего раздумывать, лучше отправиться на поиски. Продравшись сквозь густые заросли, Мёнгёз

вдруг зажмурился: прямо перед ним сияли два желто-оранжевых фонаря. Откуда бы здесь им взяться? Обладатель этих диковинных глазниц и кричал человеческим голосом. Потому, что прилетающие птицы говорили с почтением: «Здравствуйте, филин ага!».

Мёнгёз сообразил, большая птица, важно сидящая на кусте тамариска, и есть филин. То что по ночам филин рассказывает сказки другим птицам, слышал от кого-то раньше. Почему бы и Мёнгёзу не послушать?

Схоронился неслышно, настроил слух.

- В старые-престарые времена, - начал филин, - у всех были крылья. Верблюды, слоны, носороги, крокодилы - все-все животные могли летать. Представляете себе, друзья мои... - Как опытный рассказчик, филин сделал долгую паузу. Понятно, с какой целью: каждый должен сам мысленно нарисовать картину по своему воображению.

- О-ой! - пискнул кто-то. Наверное, столкнувшись в этот самый миг с бегемотом или кем-то еще похуже, лишился чувств.

Кто-то суматошно забил крылышками. Но долго ли трепыхаться в крокодильей пасти?

Одни стонали, другие зашлись в рыданиях, иные окаменели, закатив глаза.

«Ах, какое блаженство!» - Мёнгёз парил на лёгких крыльях. Сейчас он кружился вокруг коровы, дразнил ее. Душа обмирала от восторга.

Промелькнуло несчётное множество веков. Может, даже тысячелетий.

Дав своим слушателям вволю фантазировать, филин, усмехнувшись, вернул всех на землю.

«А-а...» - вздохнули все разом. Точно пробудились от кошмарного сна.

- Когда маленьким птицам, совсем не стало житья, - продолжал вещать филин, - появилась откуда-то совсем крохотная, с ноготок, мудрая-премудрая птичка. И, собрав мелюзгу на совет, сказала так:

«Друзья! Или свобода, или смерть! Надо действовать!». «Как?» - заплакали отчаявшиеся. «Как?» - пожали крылышками смирившиеся.

Мудрая-премудрая посланница удивила и тех, и других: «Надо без усталости расхваливать землю. Говорить, что лучшего обиталища нет на свете. Тогда, возможно, большие птицы откажутся от неба».

Посомневавшись самую малость, все согласились. И с той минуты заладили на

перебой: «Ах, земля! Как она прекрасна! Разве сравнится с ней небо?.. Ах!.. ах!..». Многие поверили в это. Млели и таяли. То, что и надо было. Чтобы тебе поверил другой, должен прежде поверить сам.

И так они увлеклись, что пропищали, причиркали, прокаркали уши огромным птицам. «Правда ли?» Тех все больше стало тянуть к земле.

Многим очень она понравилась. А потомки больших птиц считали: летать - удел мелкой братии. Затем поняла природа: «Не хотите летать, кто вас может заставить?». Отняла у них крылья.

- Эй, филин ага! И у моих предков были крылья? - Увлёкшись рассказом и забыв, что он прячется, тьякнул Мёнгёз.

После рассказа о летающих слонах, носорогах и гиппопотамах представить летающего пса пустяк. Тут начался переполох.

Не испугался лишь филин. Он-то давно приметил в кустах щенка.

- Само собой, были.

- Я знаю, как приятно летать, - снова размышлял Мёнгёз.

- Я тоже знаю, что ты ничего не знаешь.

- Почему это я не знаю?

- Что твоя бедная мать до сих пор вспоминает тебя, скулит, глядя в небо. Не слышишь разве?

- Не слышу... - Что-что, а слух у него дай бог. И мама говорила то же. Сейчас он имел в виду Лакму. Зачем филину надо обманывать?

- То-то, что сердце у тебя глухое! Чем бродяжничать и бить баклуши, лучше иди в сторону во-он той горы, ищи свою мать и сестру!

Куст тамариска еще качался, хотя филин после этих слов сразу же исчез. Мёнгёз, только что пребывавший в сладостных мечтах, потащился домой.

- Куда лезешь? - Злобное шипение раздавалось навстречу ему из норы.

- Здесь мой дом.

- Ш-ш-што?! Ш-ш-штобы и духу твоего здесь не было! - Шипение было уже совсем рядом.

- П-пр-ростите, я ошибся...

...Так Мёнгёз снова стал бездомным.

Глухая ночь стояла вокруг. Мраком было объято и сердце Мёнгёза. Куда идти? Где его ждут? Нигде и никто... Смертельная усталость

подкосила горемыку, и он провалился в бездну сна. Но это и спасло.

Свеженький и немножко печальный пробудился с первыми лучами солнца на склоне какого-то холма. В небесах плавали облачка: барашки, слоники, крокодильчики и прочие животные, каких Мёнгёз и не видывал до сей поры даже во сне. В траве с шорохом сновало местное юркое население. Кто-то нагло нарушил покой Мёнгёза, прошмыгнув у него под брюхом. От обиды и от щекотки щенок окончательно очнулся.

- Эй! Ты кто?

- Ящерица.

- А похожа на змею.

Ящерица в долгу не осталась.

- Эй, собака, чем валяться без дела, не лучше ли, как другие псы, стеречь какую-нибудь отару?

Вот еще! Его смеет учить какая-то вертихвостка!

- Повтори, что ты сказала! Ну? - Двумя прыжками настиг нахалку.

Ящерица в панике заметалась. Мёнгёз не отставал. В тот момент, когда приготовился

схватить, от ее туловища вдруг отделилась маленькая вёрткая змейка и задергалась перед самым носом щенка.

Было отчего вытаращиться: живой хвостик то сжимался, то разжимался.

Пока Мёнгёз удивлялся, ящерица улизнула.

- Эй, эй! Штаны остались, стой!

Но ящерица и не подумала возвращаться.

Мёнгёз еще немного понаблюдал за живым хвостиком и, подумав, что это ему подарок, обиженно проворчал:

- Да зачем мне твой хвост нужен?

...Небо и не собиралось вспухать чёрными тучами, сверкать ослепительными клинками, низвергаться бурными потоками - сияло себе лазорево. Вообще-то Мёнгёз подумал так, услышав знакомый грохот.

Земля тряслась. И дрожь всё усиливалась. Взобравшись на вершину холма, он увидел то, что и ожидал, - по долине скакал табун.

Конечно, вёл его вороной жеребец. Только теперь, при свете разгорающегося дня, Мёнгёз заметил на лбу его белую звездочку.

Наверное, это был самый красивый конь на свете! Мёнгёз во всяком случае не сомневался.

- Правда, я быстрый? - Жеребёнок вдруг на скаку остановился перед Мёнгёзом, перебирая ножками-тростинками.

- Да, хорошо скачешь! - Как думал, так и сказал.

- А кто ты? - Вот это да! Жеребёнок вспомнил, что не успел еще познакомиться.

- Я щенок. Пришёл поиграть с тобой.

- А можно мне играть с тобой?

- Не знаю.

- Тогда посиди немного. Я сбегаяю к маме, спрошу.

- Долго не задерживайся!

Жеребёнок вихрем сорвался с места. Вихрем же и вернулся: разрешила.

Только-только вошли в настоящий азарт, как лошади начали собираться.

- Иди сюда! - Стройная высокая кобыла, потряхнув шёлковой золотистой гривой, фыркнула - позвала жеребёнка.

- Мама, дай еще чуть-чуть поиграть...

Лошадь заржала так, что и Мёнгёз догадался по голосу: дальнейшее пререкание не сулит другу ничего хорошего.

- Иди... - Уши Мёнгёза опустились.

- Ну, я пошёл. - Хвост жеребёнка, только что стоявший султаном, тоже поник.

А через минуту Мёнгёз с невыразимой печалью видел, как табун уже разворачивался в долине, набирал скорость. Его друг скакал рядом с могучим отцом и очень походил на него. «Когда вырастет, и он обязательно будет сердаром»*. - Вспомнив слова жеребёнка, Мёнгёзу стало стыдно: неужели он мог заподозрить своего друга в хвастовстве?

Сухой ливень копыт бил по травам. Сотрясая холмы, кони ускакали.

* * *

И еще одна ночь наступила. Но это была блаженная ночь. Стоило Мёнгёзу закрыть глаза, тут же ему стал сниться сон. И тоже непростой. Словно наяву он увидел то, что было с ним совсем недавно, на самом деле. А было вот что. Итак, по порядку.

Несколько дней назад мама-лиса повела всю ораву на очередной урок. Как всегда Мёнгёз с толстячкой Наши вразвалку плелись в хвосте, не очень-то обращая внимания на недовольство

* Сердар - предводитель

матери, требующей поторапливаться.

- Давай поднажмём! - Что он такого сказал обидного. Ведь мама права.

Но Наши вдруг обиделась. Впрочем, дело обычное: и раньше надувалась ни с того ни с сего.

- Нашёлся мне, торопыга!..

- Да ладно тебе! Я же летал, знаю: когда быстро - хорошо. Ты только представь, Наши, ты летишь, как птица! - Мёнгёз чуть не задохнулся от нахлынувшего восторга: он-то представлял.

- Ха-ха! Кто тебе верит, кроме тебя самого?

- Что-о? Я не летал?! Давай спорить!

- А как ты докажешь?

- Докажу!

- Не докажешь, твой ужин - мой.

- Согласен. Идём!

- Куда это?

- Идёшь или сдрейфила?

- Кто, я сдрейфила? Идём!

Сказано - сделано. И, свернув в другую сторону, потопали, куда им было надо.

Стервятника они увидели еще издалека. Тот тоже их заметил, насторожился на всякий случай: что надо?

Несказанно обрадовавшись, что не пришлось искать знакомого стервятника слишком долго и потому позабыв поздороваться, Мёнгёз не стал церемониться, сходу приступил к делу.

- Скажи я летал с тобой?

- Что-о? И за этим ты пришел ко мне? Ну-у, бездельник! Такого, как ты, вижу в первый раз!

- Скажи, пожалуйста, правду, чего тебе стоит? Я привёл Наши, чтобы она тоже слышала.

- Да-а, - вздохнул стервятник. - А теперь убирайтесь с глаз моих прочь.

- Ну, слышала? - возликовал Мёнгёз, пропустив мимо ушей нелестные слова стервятника.

- Слы-ы-шала, - понурилась Наши.

А Мёнгёз уже вновь пристал к стервятнику.

- Снова полетим?

- Хорошего помаленьку! - прохрипел тот, хмуро глядя на крутящего хвостиком, улыбающегося до ушей препротивного пакостника.

- Эх, полетать бы!..

Знал бы, Мёнгёз, как того же хотел и его добрый знакомый! С того самого дня, когда они рухнули на вершину холма, крылья ни разу не могли поднять стервятника в небо. Тогда же он

стал несчастным - жил, питаюсь чужой добычей. Но разве это жизнь для гордого властелина небес? А виноват в этом был он, щенок! Лишь бы не показать ему своего бессилья...

- Не подходи-и!

- От тебя так вкусно пахнет мясом...

- Глаза выключю! - заскрипел стервятник.

- А как ты выключешь мои глаза?

Оказывается, от ярости можно чуть не зарыдать.

- Глупец! Пора бы уже познать страх.

- Меня же не учили...

- О-о, небо! Эх, я бы тебя!.. - Чего стоит злость колченогого инвалида?

Если бы не Наши, торопившая Мёнгёза домой, поговорил еще бы.

- До свиданья, дяденька!

- Нет уж, прощай навсегда, племянничек!

Всю дорогу обратно друзья думали о печальном стервятнике.

Может, все стервятники печальные, когда не летают высоко в небе?

- Тебе хочется летать?

- Спрашиваешь...

- Тогда я попрошу дяденьку взять и тебя тоже.

Нам с тобой всегда весело вместе.

- А мама разрешит?

- Маме о таком серьезном деле лучше не рассказывать. Мама хочет, чтобы мы всегда были рядом с ней...

Так всю дорогу говоря о небе, они не заметили, как сами полетели. Пока, конечно, в мыслях. Но правда и то, что даже не чувствовали, что их ноги касаются земли. И не поэтому ли домой пришли так быстро?

* * *

И опять спозаранку брёл Мёнгёз куда глаза глядят.

- Ме-е-е... ма-ма!.. Ме-е-е... ма-ма!..

Еще не видя глазами в густой траве обладателя жалобного голоса, Мёнгёз каким-то непонятным образом чувствовал крохотного мекалку.

Может, кто бы и прошёл мимо, только не Мёнгёз.

- Что ты здесь делаешь?

- Ищу маму, она только что была тут. Я уснул, а когда проснулся, ее уже не было...

Мёнгёзу ли не понять скорбь потерянного, одинокого!

- Пошли, я помогу тебе найти маму!

Легко ли успеть ягнёнку за щенком?

- Э-эй!.. Ме-е-е...

- Ну чего ты?

- Я же не могу поспеть за тобой. Нельзя ли идти медленно - медленно?

Поплелись черепашым шагом. Всё равно скоро ягнёнок устал.

Присели передохнуть. Оказалось, у Мёнгёза есть нервы: еле сдержался, чтобы не облаять копушу. Э-эх, как же ему хотелось мчаться по траве, взлетать на холмы и кубарем, как перекаати-поле, скатываться вниз! Не выдержал, наконец.

- Ты посиди, я сейчас! - Ноги понеслись сами, взлетели на вершину холма. А в следующее мгновение Мёнгёз катился кубарем по склону.

Когда, запыхавшись, он вернулся, ягнёнок, сладко сопя, спал.

«Бедняжка». - Неужели можно было на него сердиться? Сердце Мёнгёза таяло. А спустя некоторое время он и сам ощутил, как приятная тяжесть разливается по телу.

- Ме-е-е... ма-ма!.. Ме-е-е... ма-ма!..

Зевая и не раскрывая глаз, Мёнгёз понял, что он тоже, оказывается, слегка вздремнул. И вот теперь ягнёнок разбудил его. Дальше пошли уже

бодрее. И разговор повеселел.

- Когда придём домой, ты будешь со мной играть?

- А как же! - Разве не игра была тем, чем Мёнгёз не мог насытиться в этой степи? А слово «дом» вызывало в его памяти такое волнение, какого еще не испытывал в жизни, - перехватило дыхание.

Сейчас он увидит свою мать, сестрёнку, Дурды ага, осла - всех-всех... И он увидел их. Наверное, сердце становится иногда зрячим.

- Наши-наши! - вдруг запищал ягнёнок.

Навстречу им катилась маленькая тёмная точка. С каждой секундой она росла. И вот уже превратилась в огромную лютую собаку. Она никак не могла быть его матерью: что-что, а запах злого зверя отличается от доброго.

- Прощай, мекалка!

- Ты куда?

Но Мёнгёз ничего не ответил. Может, не услышал вопроса, удирал во все лопатки. По старой памяти встреча с чужой собакой ему не очень улыбалась. А за ягнёнка беспокоиться было нечего: дома его не обидят.

* * *

Что остаётся, когда ты один на всем

белом свете? Мечта. Увидь он сейчас доброго стервятника, сказал бы: «Ты - мой единственный друг, давай полетим!». - Не обиделся бы, если бы тот начал сердиться, говоря:

«Эх, дурачок, дурачок! Откуда ты свалился на мою голову? Это из-за тебя я не могу летать». - Мёнгёз придумал, что ему ответить, и это было самой настоящей правдой: «Ты только пожелай, тогда получится. Когда очень-преочень хочется, все получается».

Небо сияло бескрайне, влекуще. Очутись Мёнгёз рядом с пушистым облаком, наверняка сразу увидел бы своих. Думая так, он прибавил прыти: на этот раз был как никогда уверен, стервятник пожалеет его и взлетит. Неужели это случится? Конечно! И сомневаться нечего, потому что душа его уже пела! А так бывает, когда ты летишь.

Кому-кому, а Мёнгёзу это было известно лучше многих.

Но где же стервятник, который должен был поднять его высоко-высоко?

На вершине холма, где он теперь обычно сидел нахохлившись, изредка бродил, прихрамывая и волоча по земле крылья,

никого не было. Мёртвая тишина стояла вокруг. Неясная тревога в тот же миг охватила Мёнгёза. Он жалобно заскулил, давая знать о своем приходе.

Не мог же стервятник улететь один, бросив его на произвол судьбы.

Но никто не показался на голой вершине. Тогда он обошёл холм и на самом спуске увидел своего друга. Стервятник, раскинув громадные крылья, лежал бездыханным. Словно перед тем хотел взлететь. и, возможно, он взлетел последний раз, собрав остатки сил...

Может быть, сердце не выдержало - остановилось. Подойти ближе у Мёнгёза не хватило сил, и так всё было ясно. Какое-то время Мёнгёз молча сидел, а потом побрёл прочь. С этого момента он знал, что сюда больше никогда не вернётся, и стервятник больше с ним никогда не взлетит.

Кто-то окликнул Мёнгёза. Или просто почудилось. Обернулся - гора. Та самая Гарлыдаг маячила. Будто звала. И Мёнгёз побежал навстречу горе. Долго бежал без усталости. День. И другой. Вот и неделя минула. Много отар обошёл он в поисках мамы. Но слышал везде один и тот

же ответ: «Мы тебя не видели и не знаем, свою мать ищи в другом месте!».

А гора и не собиралась приближаться. Хоть на чуть-чуть. Наоборот. Казалось, она убегает прочь от него. Может, обиделась? Но думать об этом Мёнгёз не хотел.

«Дай пожевать чего-нибудь! Дай, тебе говорят». Это кто еще ворчит да приказывает? Догадался: брюхо. Его собственное. «У-у, обжора!» Если бы не оно, что заставило бы Мёнгёза остановиться, потянуть носом вечерний воздух. Перебивая божественный аромат цветов, из-за холма доносился не менее божественный запах - мясо! Так и есть. Стоило только взобраться на холм, чтобы увидеть внизу костерок. «Хо-очу-у шашлычка-а!» - снова заняло ненасытное брюхо. Приказав ему заткнуться, Мёнгёз притаился в кустах: ведь когда-нибудь эти странные существа, люди, насытятся и уйдут. Тогда и наступит очередь ему полакомиться «готовой добычей». Может, кому-то любопытно, почему люди показались Мёнгёзу «странными»? А потому что размахивали руками, вскакивали, обнимались, потом плюхались на землю; и тогда раздавалось бульканье и звяканье, после чего

противный запах бил Мёнгёза прямо в нос.

Потом люди стали громко горланить. Их резкие, визгливые голоса терзали слух. Но... если решено теперь, надо вытерпеть всё.

Эх, филин, филин! Взял и все испортил. Кто его просил узнавать Мёнгёза? Летишь по своим делам - ну и лети! Нет же. Завёл свою волынку.

- Иди, иди, щенок. Ты правильно идёшь. Лучше найди свою маму, пока ты ее не забыл. Тебе еще многому надо научиться у матери. Не будешь отличать друга от врага - хлебнешь горюшка!

Мёнгёз хотел было пожаловаться филину на гору, но в этот момент один из сидящих у костра вскочил и схватил лежавшую рядом палку, навёл ее в их сторону. Из палки вырвался гром.

Кто бы остался сидеть на месте? Филин, пронзительно ухнув, куда-то исчез. Только два пера кружили в воздухе. Мёнгёз уже был далеко и мчался сломя голову. Громыхнуло снова. И тотчас кто-то укусил его в заднюю ногу, и он свалился без памяти. Но бесчувственное тело Мёнгёза само еще проползло два-три шага. Какая то необъяснимая сила заставила его двигаться - дальше, дальше от людей. Ночь,

укрой и спаси! Скройся в тёмную тучу, луна, не выдай несчастного!.. Луна послушалась, вошла в облако.

Очнулся Мёнгёз от озноба. Боль пронзила его насквозь. А мысль: “Кто вонзил клыки? Кто мог настичь его, быстреешего из быстрееших?” - разламывала мозги. Знал бы Мёнгёз, что чувство, какое теперь он испытывал, называется страхом. И снова вздрогнул. На этот раз не от холода. Наоборот: бросило в жар.

* * *

Для Мёнгёза начались мучительные дни.

Прежняя жизнь! Лучше бы ее не вспоминать. Но это было не в его власти и обычно случалось во сне: он видел себя то летящим в голубом небе, то бегающим по зелёным холмам вперегонки с жеребёнком, то пасущим заблудившегося ягнёнка, которого он привёл к маме... Сон также быстро исчезал, как и появлялся. Не раз пробуждался от громкого стога. Оказывается, это он скулил сам. Прежде мог храпеть без задних ног. Теперь они-то и не давали покоя.

А если добавить, что к боли примешивался нестихаемый голод, нетрудно представить то жалкое существование, какое влачил Мёнгёз.

Во что превратился - скелет на цыплячих ножках. Да и то на трёх.

Четвёртую волочил. Бывало, когда силы совсем покидали его, полз на брюхе. Терпеть можно многое, только не жажду.

Самое же гнусное и позорное: мошкара теперь безнаказанно донимала бедолагу. Еще и издевалась, как старый знакомый овод: «Ты теперь меня не укусишь! Лучше и не дёргайся, а я пососу твою рану в свое удовольствие. Знаешь, небось, как вкусна кровь, а?».

Когда, во-первых, Мёнгёз кусал этого надоеду? Очень нужно! Если и щёлкал пастью - понарошку. Попадись на клык - мокрого места не осталось бы.

Во-вторых, он узнал, что ранен. И укусила его палка, из которой вылетел страшный гром. Гром рассыпался раскалённым железным горохом, теперь он сидел в ноге. И оттого жизнь превратилась в пытку.

Неизвестно, как вынес бы, не навещай его то ёж, то черепаха.

Черепаха подсказала ему и укромное местечко - старую нору, в которой отлеживался. «Терпи, щенок. Твои предки выносили и не такие недуги. Терпение, доброе лекарство. Оно тебя излечит.»

А ёжик при каждой встрече сообщал какую -нибудь новость: «Не будешь есть - не поправишься. Если пойдёшь к подножью вон той скалы, там - «готовая добыча». Вчера детёныш кулана, бедняжка, внезапно сорвался в пропасть.»

Все-таки, что ни говори, самое лучшее лечение на свете - душевное слово. И это знали много повидавшие на своем веку черепаха и ёж.

* * *

Такое случилось с Мёнгёзом не в первый раз - ночь застигала его в степи. Нечего было и мечтать добраться до норы: покалеченная нога снова перестала слушаться. От острой, пронзившей насквозь боли, наверное, потерял сознание. Очнулся он от какого-то странного шума.

В темноте кто-то дрался. И, видно, не на жизнь, а на смерть.

Приглядевшись, Мёнгёз различил собаку и волка. У обоих яростно горели глаза, лязгали клыки.

Ну и зрелище! Ничего подобного Мёнгёз не представлял.

- Гав! Гав! Кто бы на его месте удержался при

виде столь увлекательной игры?

В тот миг, когда волк оглянулся на голос, огромный пес вонзил клыки в его незащищённое горло. И - всё было кончено.

- Это был ты? - Победитель тяжело дышал.

- Который? - растерялся Мёнгёз

- Который залаял. Который пришёл на помощь.

«Что я опять натворил? Наверное, и правда: я - дурачок...»

- Я. - Сейчас волкодав намнёт ему бока. И поделом!

- Молодец! Теперь я у тебя в долгу.

Сказать честно, Мёнгёз не очень понял, за что вместо хорошей трёпки удостоился похвалы.

- Когда ты залаял, волчара подумал, что нас много, и дрогнул. Тут уж задушить злодея - сам Бог велел.

Вообще-то Мёнгёзу было немного жаль волка, но больше - приятно, что пригодился единокровному брату. Правда, тот не поспешил сейчас же вернуть должок, однако подтвердил на прощанье: «Помни!».

Понимай, мол, так: выручу из беды, когда

стрясётся... Что беда уже стряслась, пес не заметил - темно же. А жаловаться Мёнгёз постеснялся.

* * *

Как ни желал Мёнгёз, как ни желали соседи - рана его не заживала. Перо отказывается описывать муку, какую он терпел. Боль так изнурила, извела беднягу, что даже на скулёж не оставалось сил. О, если бы нашлось местечко на всей огромной земле, где страдания утихли бы, отпустили бы на минуту! Увы и ах, видно, не было такого.

А что толку жалеть, если ничем не можешь помочь? Может, оно и так. Но все же...

Сначала Мёнгёз подумал, что ему померещилось: однажды днём холм вырос прямо на глазах. Вернее, у него появилась новая странная вершина, изнутри которой шёл назойливый непрекращающийся гул.

Сомнения быть не могло: все это ему снится или он попросту бредит.

Однако скоро все исчезло, растаяло в мареве, он забылся.

Когда же он очнулся уже в темноте, там, на вершине холма, весело помигивала звездочка

- костерок. Рядом суетились силуэты каких-то людей. Не тех ли, один из которых выпустил гром из кусачей палки, которая на самом деле оказалась ружьём? Правда, об этом он узнал совсем недавно. Но лучше поздно, чем никогда.

И вот теперь Мёнгёз пополз навстречу неизвестности. Что ждало его: приют или выстрел? Но страха не было. Ни капельки. Уж лучше смерть - лишь бы избавиться от невыносимой боли.

Полз всю ночь напролёт. Небо начало уже светлеть, когда добрался до подножья холма. Костёр то ярко вспыхивал, взмахивая рыжей гривой, то ослабевал, пыхая и задыхаясь. И в тот момент, как пламя готово было упасть и потухнуть, из палатки вышла женщина и, взяв из рядом сваленной кучи охапку сучьев, подкормила огонь. И он снова заплясал по-прежнему, загудел радостно. А звёзды будто поднялись повыше, прищурились от ослепительного света. Не обожгитесь, звёзды!

Как же, оказывается, давно Мёнгёз не наслаждался теплом, не ощущал запаха человеческого жилья!

Не поэтому ли, как знать, почувствовал он облегчение? Другой же причины как будто не было...

Вскоре из другой палатки выбрался взлохмаченный усатый великан. Потянувшись с хрустом, он закурил и начал не спеша спускаться с холма.

Ведь только совсем недавно Мёнгёз ничего не боялся. Почему же холодный противный страх вернулся снова? Великан в громадных сапожищах двигался прямо на него. Стоит ему наступить - и... Нет, теперь Мёнгёз уже хотел побыть на этом свете, где пылает добрый огонь, где по ночам небосвод усеян звёздами, где мчатся по холмам чёрные кони, где... Да мало ли чего есть чудесного, что он должен еще увидеть своими глазами.

Великан грозно приближался.

Кто бы на месте Мёнгеза не затрясся от ужаса, представив, что случится? Как ни сцепил намертво зубы и как ни зажмурился крепко-крепко, но все равно заскулил. Вернее, то заскулил в нём страх.

Человек от неожиданности остановился. И в

следующее мгновение он не кинулся опрометью в палатку за ружьём, а чиркнув спичкой, принялся рассматривать незванного гостя. То, что перед ним собака, он установил без труда. Так же быстро понял, что собака ранена.

Если бы Мёнгёз мог уползти обратно в степь, в необъятное пространство уже убегающей ночи! Что привело его сюда, что за наваждение, какому он не смел не подчиниться, манило его к человеку?

Разве маленьким щенкам, к тому же бездомным, дано знать такие премудрости? Силёнок хватило только на стон: «Я пойду...я пойду...».

Человек не понял слов Мёнгёза. Впрочем, так устроено испокон веков: собаки почему-то понимают людей, а людям собачий язык кажется

*Если попытаться рассуждать о разных премудростях, то, честно признаться, даже многие взрослые люди, не говоря о собаках, часто не отдают отчёта, что их влечёт в опасный путь, чем притягивают звёзды, потому они с кем-то дружат, а с кем-то - враги. Э-э, рассуждать на эту тему можно бесконечно. Жаль, что многим лень даже думать об этом. Зря!

чуть ли не иностранным. Но таким, который знать не обязательно. Жаль...

- О-го, дурочок, я вижу, ты покалечен. - Голос великана был совсем не страшен. Наоборот, ласкал слух. И даже намёка на угрозу не таилось в нём.

Когда Мёнгёз с превеликим трудом приподнял голову (не мог же быть таким невежей, чтобы не поблагодарить хотя бы взглядом), то первое, с чем он встретился и что запомнил на всю жизнь, были добрые человеческие глаза. И уже совсем-совсем без сил закрыл отяжелевшие вдруг веки. А голос продолжал звучать.

Но слышал его Мёнгёз как во сне.

- Схватка с волком - не шутка. Ничего, ты еще очень молод, отомстишь. За битого двух небитых дают.

Хотя Мёнгёз чуть было не взвизгнул от гордости: ведь сам великан посчитал его героем, схватившимся с волком, но вспомнив, как все было не самом деле, опустил голову. Будь он человеком, то, конечно, покраснел бы от стыда.

- Ты пришёл к нам за помощью - правильно сделал. Давно бы так. Запустил рану, друг...

* Уста - мастер.

- Что случилось, уста* Джеббар?

- Собаку Бог послал, ребята! - Поглаживая жёсткие усы и широко улыбаясь, объявил великан подошедшим двум великанам поменьше.

- Шутите, уста?

- Самую малость. Конечно, щенок сам пришел к нам за помощью. Но направил его Бог.

- Как так? - От изумления молодые великаны разинули рты и округлили глаза.

- Говорят же, собака и лошадь всегда тоскуют по человеку. А кто их такими создал, а? Огромный великан хотел развить перед несведущими недорослями свою мысль, ради чего вдавил в землю папиросу, предварительно выпустив клуб дыма из носа, но тут вмешалась тётя, хранительница очага.

- Довольно вам балаболить! Не видите, божье создание корчится от боли? Может, Господь и послал беднягу за помощью к людям, да, видать, ошибся: не к тем! - Отчитав таким образом собравшихся доморощенных мудрецов, она осторожно, как ребенка, взяла Мёнгёза на руки и унесла в палатку. Там, оказывается, все уже было

готово: мягонькая, почти воздушная подстилка - ах, неужели такое бывает? От аромата похлебки закружилась голова, и в глазах почему-то промелькнули мама, сестрёнка и... что-то очень давнее и приятное. Но что не разобрал: уснул блаженно.

Во сне Мёнгёза кто-то ужалил. «Чего он ко мне прицепился?»

Ясно, кого имел в виду - овода, но пробудиться, чтобы отомстить немедленно, не было сил.

Сказать по правде, щенок ошибся на сей раз: ужалила его тётя Дуся. Не сама, понятно, - йод. Смазав гноящуюся рану, туго перевязала ее масляной тряпицей.

- Да-да... люди... - Кто это промолвил? В данном случае Джеббар ага. Но мог бы и ты, малыш, слушающий или читающий столь печальную историю про беспризорного щенка.

...«Зачем это Джеббар ага через каждые пять минут* смотрит в небо? Чего он там забыл?»

*Конечно, Мёнгёз не имел часов, да и вообще, не различая времени, повторял про себя чужие тётки Дусины слова: «Что ты каждые пять минут смотришь в небо?».

Тут и гадать нечего, кто так думал, - Мёнгёз. И, скажем, не был далёк от истины: уста ждал. Ждал вертолёта, чтобы отвезти найдёныша или, вернее, посланного Богом к ветеринару. То, что сердце Мёнгёза, невольно пялившего глаза в небо вслед за великаном, ёкало, можно было бы и не говорить. Если же сказали, тоже жалеть не о чем.

Бывали редкие минутки, когда жжение в ноге прекращалось, и лежанка в палатке начинала казаться Мёнгёзу тем самым заветным местечком на земле, где нет боли. Но... э-э, она находила его и здесь, стоило тёте Дусе отлучиться по делам. А дел у нее, как успел понять, ох неупророт. Значит, хитрая и нахальная боль боялась только ласковых рук Дуси джан*, как называл ее иногда Джепбар ага.

И вдруг небо зажужжало, загудело. Поднялся такой ураган, что палатка надулась и вот-вот готова была взлететь. Наверное, несметные полчища оводов решили наброситься на беспомощного Мёнгёза и выпить его кровь до капли!

*Джан - душа моя.

Если бы не руки тети Дуси, он наверняка бы умер от страха.

Небо постепенно утихомирилось. И вместо чёрной тучи, готовой впитаться в него миллионом* острых иголок. Мёнгёз, приоткрыв один глаз, в щёлочку увидел гигантскую птицу, преспокойно сидевшую на земле. Птиц, как известно, он не боялся.

- Вот и твой вертолёт, - почему-то вздохнула тётя Дуся, передавая Джапбару ага из рук в руки Мёнгёза бережно, как новорожденного малыша. То ли ягнёнка, то ли человеческое дитя.

Ну и открытие! Оказывается, птица - железная, а не живая. Чего не покажется со страха: «Все-таки прав был филин: есть много, чего я не знаю. Потому, наверное, и боюсь».

Теперь, когда он очутился в гудящем брюхе этой самой птицы, Мёнгёз и не подумал испугаться. Во-первых, на руках Джебара ага было почти так же хорошо, как на тёти Дусиных. А во-вторых, он летел!

Вот оно, оказывается, счастье, о котором вначале он и не догадывался.

* Считать Мёнгёз, конечно, умел. Правда, только до двух. Миллион в его понятии великое множество.

Уставясь вместе с Джембаром ага в круглое окошко, Мёнгёз видел все то же, что и тогда, в первый раз полёта со стервятником. Кто подзабыл, пусть перелистает книжку назад.

Что и говорить, было бы куда лучше, если бы Джембар ага умел летать без вертолётa, тогда бы небесный ветерок обдувал и гладил мордочку Мёнгёза. Ах, как это приятно! Где «ах», там «эх», коли знаешь, что глупо предоваться пустым мечтаниям. И так замечательно!

И боль пропала. Наверное, там, далеко внизу, она скрежещет зубами от ярости. Где ей угнаться за железной грохочущей птицей!

«Ага, значит, есть все-таки местечко* в мире, где нет боли. И это - небо.» С этой мыслью Мёнгёз незаметно задремал, и ему приснился чудесный сон: мама, увидев блудного сына, и сестрёнка - блудного братца, прыгают от радости.

* Стоит напомнить о каком местечке мечтал Мёнгёз: о том, где нет боли.

Часть вторая

Из-за дальних холмов торжественно поднимался красный воздушный шар - солнце!*

Оно вольно разгуливало по небу и вдруг... замерло на минутку. Почувствовало, что удивлено. С чего бы? А-а, вон оно что!

Далеко внизу увидело маленькие белые сугробы; они плавали друг за другом гуськом.

Снег среди лета - чудо неслыханное! Но кто бы стал возражать, случись оно? Солнце и не подумало. Наоборот. Ему так захотелось спуститься с высоты и поиграть в снежки, что ради этого удовольствия оно готово было превратиться в ...кого? Ах, да, в кого угодно. Во всяком случае, в ТОГО, КТО ЛЮБИТ ИГРАТЬ В СНЕЖКИ.

Вообще-то кое-кто может усомниться: откуда, мол, известно, чего хочет солнце? Кому как, но лично Мёнгёз был уверен, что так оно и есть; что это он внушил солнцу, будто белые ослепительные островки облаков - снег. Думать о снеге в такую умопомрачительную жару было

* Помнится, прежде солнце казалось Мёнгёзу огненным колесом. Ничего удивительного: тогда он еще не бывал в городе и не видел воздушных шаров.

просто необходимо: и приятно, и полезно-колющий холодок, точно ёжик, шмыгает туда-сюда промеж лопаток.

Если говорить, о чём думал Мёнгёз, то нетрудно догадаться, что он находится где-то рядышком. Как бы иначе мы читали его мысли?

Во-он он: разлётся и лежит собственной персоной в тени за палаткой.

Не спорим, может быть кому-то интересно узнать, как звериный доктор колдовал над бесчувственным* телом Мёнгёза, ловко выколупывая пинцетом дробинки, как потом щенок заново учился ходить и еще о многом-многом... Однако, раз сам Мёнгёз предпочитает об этом помалкивать - при одном воспоминании становилось нестерпимо больно, то и мы не станем беречь словами раны. Тем более, чужие.

С тех пор, как Мёнгёз, став на ноги, зажил среди геологов, открытие следовало за открытием. Казалось, им не будет конца. Если прежде Мёнгёз был просто любопытным ротозеем, празднично палившим глаза на всё и совавшим нос куда ни попадя, то теперь в нём

* Станешь бесчувственным, если усыпят наркозом.

пробудилась любознательность. Разница - если кто не прочь пораскинуть умишком - бо-о-ольшая! Можно сказать, преогромная.

Как известно, интерес начинается с удивления. Так вот. Мёнгёза больше всего поразила железная жердь, которая бешено вращалась и с визгом ввинчивалась в землю. Ну, конечно, то был самый обыкновенный бур. Так и ходил: то вниз, то вверх, доставая геологам породу. Девушка одна складывала ее в особые целлофановые пакетики, всякий раз что-то записывая в блокноте.

Смотрел, смотрел на это Мёнгёз - надоело. Да и землю было жаль.

Сколько должна еще терпеть? Все это в конце-концов явилось причиной того, что Мёнгёз окончательно охладел к геологии. А почесав лапой за ухом, он вспомнил, что у него своих, собачьих обязанностей, полным-полно. Чья, к примеру, забота охранять палаточный лагерь от шакалов? Его! Мёнгёза! А раз так: вот и защищай!

Прежде шакалы были полновластными хозяевами помойки: все объедки принадлежали им. Теперь Мёнгёз шакалов и близко к лагерю не

подпускал.

Стали шакалы думать-гадать, как бы им избавиться от незванного пса? Решили известить его, и вот что придумали: ближе к ночи рассядутся на холмах и взгорках, окружающих палаточный лагерь, и начинают выть своими противными шакальими голосами.

- Кто тебя звал, паршивец!

- Откуда ты только взялся, безродный бродяга?

- Убирайся прочь! Это испокон веков земля наших предков!...

Много еще разных оскорбительных слов пришлось услышать ушам Мёнгёза, что, понятное дело, выводило не привыкшего к брани щенка из себя; даже готов был порой выскочить из шкуры. Но не гоняться же за визгливой шушерой - терпел изо всех сил. Решил про себя, что расплатится с лихвой, когда представится удобный случай. Смирился как с неизбежным злом. Почему «неизбежным?» Да потому, что никогда не бывает так хорошо, чтобы не нашлось хоть маленького сучка или задоринки, какие нет-нет, а попортят на некоторое время безоблачное настроение.

Так минуло несколько дней. И, естественно, ночей. Второе - поважнее: хулиганские выходки шакалов выпадали, в основном, на ночь.

Видя, что щенок чихает на их издевательские речи и грубые насмешки, шакалы очень расстроились и собрали совет мудрейших: что можно еще предпринять, чтобы выжить-таки гнусного разбойника (так величали Мёнгёза шакалы) со своей законной территории? Но много ли проку желать, чтобы земля разверзлась и проглотила супостата? Ничуть не больше, чем кричать: «Порази его молния!». Солнцу тоже не прикажешь испепелить захватчика.

- Жизнь или смерть! - решительно твякнул предводитель шакалов.

- Жизнь или смерть! - хором подхватили остальные участники Великого совета и при этом принялись грозно вращать запылавшими от ярости глазами.

- Кто?! - Все как один затрепетали от неожиданного неизбежного вопроса. Каждый воотчию представил себя стоящим лицом к лицу с могучим, не знающим пощады врагом. Впрочем, мудрейшим это не грозило. Совершить невиданный подвиг доверили молодому, но уже

матерому, закалённому во множестве схваток шакалу, из которых тот неизменно выходил победителем.

- Эй, трус!

Разомлевший от зноя щенок, валявшийся на траве с закрытыми глазами, мигом вскочил как ошпаренный: так его никто еще не оскорблял! Кто посмел?

- Если у тебя есть честь, выходи на поле! - Гнусный голос принадлежал мерзкому шакалу.

«Как, он нарушил границу? Разорвать его за такое преступление мало!» Кровь закипела в жилах разгневанного Мёнгёза. Но ученик премудрой лисицы («Э-эх, где она теперь?») не бросился сразу на стоявшего в воинственной позе наглеца: улизнет - и поминай как звали.

Наоборот, притворился, что страшно испуган.

- Ты что, братец, чем я тебя обидел? Прости, если...

- Какой я тебе «братец», собачье отродье?! - забыв, что минуту назад он уже простился с жизнью, шакал вдруг стал надменным. - Если боишься, так и скажи, и убирайся отсюда подобру-поздорову! Ну? - Мёнгёз (о, хитрюга!)

дрожал, поджав хвост.

- Ладно, - милостиво твякнул нахальный шакал. - Чтобы не было тебе вечного позора, выходи на поединок. Потреплю малость и отпущу. Согласен?

Когда Мёнгёз спустился по склону вслед за шакалом, выскочившие из засады шакалы взяли его в плотное кольцо.

«Ах ловушка? Тем лучше!» О таком счастливом случае разделаться с обидчиком он не мог и мечтать: теперь тому никуда не деться.

Будь здесь его мать-лиса, с каким бы удовольствием залилась она хихиканьем: все-таки кое-чему научила недотёпу!

Шакал между тем победоносно оглядел сотоварищей, мигнул Мёнгёзу, готовый начать трёпку. Всерьёз или понарошку - там видно будет.

О, глупость! Кто в первый, а кто лишний раз пусть убедится, что она - родная сестра нахальству. Не успел шакал и глазом моргнуть, как уже истошно вопил, схваченный за горло.

А что же другие шакалы? Только их и видели: кинулись врассыпную, предоставив трепыхающего товарища самому себе и воле его

соперника.

Конечно, Мёнгёз не слишком гордился своей победой. Вернее, не гордился совсем. Разве щука торжествует, проглотив несметное количество мальков? И волк, задравший баранчика, тоже не трубит на весь свет об этом, как о неслыханном подвиге...

- Проклятый пёс! Пусть покарает тебя гнев нашего шакальева Бога!

- Трепещи, жестокий убийца! Мы еще встретимся с тобой!...

Очухавшиеся от пережитого смертельного ужаса шакалы сбились в кучу и бушевали пуще прежнего, распаляя себя собственным визгом и воплями.

А что Мёнгёз?

Что будет потом, тогда и увидим. Добродушие, скаким он отвечал на угрозы и проклятия, ничуть не утихомирило «храбрых» шакалов. Но Мёнгёз перестал их слушать. Пусть тешатся, твякают себе на здоровье.

Ему пора домой. Что он и сделал, направившись вразвалку восвояси.

Быстро утешиться шакалам не удалось. Еще несколько ночей они взбирались на окружающие

холмы и призывали всяческие кары, земные и небесные, на собачью голову Мёнгёза. Но...

В какую-то ночь, когда луна сияла особенно ярко и можно было ожидать особенно злобного концерта, всех поразила оглушительная тишина. Ни звука. Стоит ли принимать учёный вид, обхватывая голову руками, будто отгадываешь какой-то таинственный секрет: ах! что бы это значило? Ах, ах!..

Все объяснялось очень просто: поняв, что Мёнгёза не выжить никакими оскорблениями, шакалы смирились с горькой судьбой и печальные понуро отправились на поиски новой родины, где не будет противных и ужасных собак.

Шакалы ушли и унесли с собой легенду об отважном батыре* - гордом Шакале (теперь его имя произносилось с большой буквы), вступившем в поединок за честь всего шакальего рода-племени и... повергшем необыкновенное чудовище в прах.

Скажете: неправда! О-о!

Кто знает-ведает, что есть победа, а что поражение?

* Батыр - богатырь.

Приятно чувствовать, что тебя любят. Ах, как приятно! С чем сравнить ласковое слово, как не с сахарной косточкой? Язык сам вылезал из пасти и начинал облизывать морду Мёнгёза. Хвост сам начинал вилять и крутиться. Это ведь о чем-нибудь да говорит, не так ли?

С появлением Мёнгёза геологи, сами того не заметив, стали добрее и чаще улыбались друг другу. Хотя и смущаясь. Ясно почему: оставаясь наедине с Мёнгёзом, каждый делился с ним самым-самым заветным, о чем стеснялся или не умел говорить с себе подобными.

Когда кто-нибудь рассказывал Мёнгёзу о «самом-самом», то обязательно поглаживал по голове или почёсывал его за ухом. Конечно, рука этого «кого-нибудь» двигалась машинально, чтобы не разучиться ласкать детей.

Неизвестно как, но Мёнгёз догадывался, что ласка не совсем предназначена ему, а кому-то, о ком думают. Но что же обижаться-то? Все равно приятно.

Как бы то ни было, рядом с людьми Мёнгёз впервые почувствовал себя собакой. Оказывается, это несравнимо лучше, чем быть

лисой!

Чего только ни наслушался щенок от людей! Какие только тайны ни доверяли ему! Они ведь были уверены, что Мёнгёз не понимает человеческого языка, вот и изливали душу - благо слушал он терпеливо и внимательно, не порываясь уйти куда-нибудь.

Геолог, которого звали Кадыр, даже предлагал Мёнгёзу поехать с ним в город, когда кончится смена. Щенок было поверил и согласился.

Но когда Кадыр улетел на вертолете, не вспомнив о своём приглашении, Мёнгёз обрадовался: к этому времени ему расхотелось покидать дядю Джеббара и тетю Дусю. Их никто не ждал в городе. И до прибытия новой вахты они несколько дней оставались в пустыне совсем-совсем одни. Мог ли он бросить их?

Что это были за чудесные денёчки! Железная палка не вращалась, не буравила бедную землю. Вокруг воцарилась блаженная тишина! Если бы солнце еще не жарило так бесщадно. По расчетам Мёнгёза выходило - не сегодня-завтра оно должно сгореть дотла. Еще бы! Так яростно пылать, так нещадно палить - долго

ли можно выдержать?

Однако и сегодня промелькнуло, и завтра прошло, а раскалённое добела солнце, похоже, не собиралось униматься.

Однако, Мёнгёз не был бы Мёнгёзом, не отыщи он выход из, казалось бы, безвыходного положения: в поисках прохлады он обнаружил у подножия куполообразного холма чью-то глубокую нору.

Какое дело, кто обитал в ней прежде? Главное, сейчас она свободна.

Теперь с солнцем можно было ужиться. Забравшись в нору и бросив себя в объятия прохлады, Мёнгёз умиротворенно посапывал, похрапывал и носом посвистывал. Короче, наслаждался. И не было ему ни малейшей заботы до того, что там, на поверхности, зной - не продохнуть, воздух расплавился и кипит, как вода в казане.

Долго ли, коротко ли дремал Мёнгёз, но когда пробудился, тут же расчихался без удержу. Терпко-сладкий запах езгена* подсказал ему, что уже наступил вечер, тени выбрались из щелей, выползли из-под камней и кустиков и бегут

*Езген - трава, остро пахнущая.

теперь по выжженной земле, вытягиваясь.

Пора домой. Мёнгёз знал, если он не вернётся вовремя, переполох поднимется - о-ё-ёй. «Куда запропастилась наша собака?», «Может, волки растерзали горемычного?» - дядя Джепбар и тётя Дуся примутся искать его, звать-голосить на всю степь. Маленький он, что ли? Не может сам за себя постоять? Носятся с ним, как с писаной торбой!

Мёнгёз делал вид, что недоволен, но на самом деле в глубине души млел от удовольствия.

Выбравшись из норы, Мёнгёз всласть зевнул да потянулся в охотку. Что тут долго расписывать! Кому неизвестна прелесть позёвывания и потягивания?

Зной шёл на убыль. Серебристые сумерки окутали окрестности.

Потянувшись напоследок еще разочек, Мёнгёз направился к дому, где ждалась его вкуснящая похлебка, как вдруг...

Волчий дух!

Но какой-то он необычный. Точно к нему примешался другой запах. Позже, когда Мёнгёз повзрослел и стал матёрым псом, он узнал, что так пахнет страх.

Стая волков сломя голову в панике неслась по лощине.

“Удирай или ныряй в спасительную нору!”
Но кто мог крикнуть ему это?

О, праздношатающийся ротозей! Его, видите ли, взяло любопытство: чего так, до смерти, испугались волки? Никто ведь за ними не гонится.

Он и хотел им это сказать. Может, сами волки не знали, а оглянуться никто из них не догадался.

- Гав, гав! - подал голос. Если перевести на человеческий язык, это означало: «Не бойтесь, братцы! Если кто вас и преследовал, давно отстал».

...Перед тем, как поведать дальнейшую историю приключений Мёнгёза, сделаем коротенькую передышку - в нескольких словах расскажем о необыкновенных волках, прежде всего о причине страха, который гнал их в эту минуту, как безумных.

Итак, причина. Ураганом налетев на отдыхающую отару и уже потерзав ее изрядно, лихие разбойники вынуждены были дать деру: невесть откуда взявшийся чабан принялся без

устали палить из ружья.

Замешкайся они на лишнее мгновение, недосчитались бы на сей раз куда больше двух сотоварищей.

Скажите волк и есть волк. Что в нём необыкновенного? А вот что: эти были кызылкурты, то-есть красные волки. Такие рождаются от собаки и волка. Об их кровожадности ходят леденящие душу легенды...

Стая неслась прямо на Мёнгёза. Миг - и слепые от ужаса кызылкурты сметут, растопчут его, не заметив.

- Гав, га-а-ав! - Бежать или прятаться в подземелье - поздно.

Не спеши, Мёнгёз, прощаться с белым светом! Чудеса еще не кончились.

Пружинисто скакавший впереди стаи сивогривый кызылкурт вдруг, словно споткнувшись, замер на бегу.

Стая тоже замерла. Все остановились, как вкопанные. Страх, ослепивший волков, стал медленно проходить. Остекленевшие от безумного ужаса глаза засверкали живым колючим блеском.

Теперь Мёнгёз оказался в окружении ошетилившихся, зловеще щелкающих зубами кузылкуртов. Они ждали только малейшего знака вожака, волка с чёрной меткой на лбу, чтобы разорвать дрожащего щенка в клочья, - сорвать лютую злобу за постигшую только что неудачу.

Вожак почему-то медлил. Во-первых, не мог издать ни звука: тяжело дышал, бока ходили ходуном. Наверное, старый волк-собака был благодареннежданно-негаданновозникшейпреграде - иначе лопнуло бы бешено колотящееся сердце. Но почему он так пристально смотрел на Мёнгёза, точно хотел что-то вспомнить?

- А-а, это ты. Оказывается, я знаю тебя.

- Откуда? Я вижу вас, ага, в первый раз.
- Несчастный олух! Отказываться от столь лестного знакомства. Что другое могло спасти его жалкую жизнь, за которую сейчас самый щедрый не дал бы и обглоданной кости?

Волк снисходительно усмехнулся.

- Щенок! Там, где высший закон - мои власть и воля, нет ничего, что было бы мне неизвестно. Я видел, как тебя нёс в когтях стервятник.

- А я вас не видел. - Честность превыше всего.

Дороже жизни. К тому же лгать Мёнгёз не умел.

- Еще бы! Тебе и небо, наверное, показалось с овчинку, а? - Волк усмехнулся, не показав вида, что оскорблён: какой-то замухрышка посмел не увидеть его, грозного властелина пустыни!

Зато оскалилась стая кровожадных головорезов, обидевшись за своего повелителя.

Но случилось совсем не то, чего ожидал Мёнгёз, покорно опустив уши и поджав хвост.

- Ах, какой ты красавчик! Ах!.. - Что уж говорить о Мёнгёзе, если люди, даже самые-самые умные, становятся в тупик, удивляясь, как и почему в мгновение ока злюка может превратиться в нежного, аж до приторности, подлизу.

- Ну и что?

- Ах!.. - Только и могла проговорить Рыжая, обнюхивая Мёнгёза.

Нельзя утверждать, что ему это было неприятно. Во всяком случае, вовсе не противно.

- Хи-итрая, сначала кусается, а потом подлизывается. - О боли он, конечно, уже не помнил. Ворчал понарошку. Надо же что-то говорить, чтоб тебя не приняли за невежду.

- У-ух ты красавчик! Какой ты вкусенький...
- Глаза у рыжей собаки закатились, подернулись туманом.

Хотя голос её был ласков, Мёнгёз боязливо поёжился. «Вкусенький...»

Что бы это значило? На что она намекает?

Вдруг Рыжая опомнилась.

- Мне надо идти, - прорычала она, но, сделав два-три шага, остановилась, а потом вернулась.
- А-ах!

Такие глаза - влажные, с мерцающей звёздочкой в глубине - Мёнгёз когда-то уже, кажется, видел. Но когда? Прошло немало времени, прежде чем он вспомнил: точно такие глаза были у мамы-лисы, когда она смотрела на Прекрасного Лиса.

- Мы живем рядом, - сказала Рыжая. - Найди меня!

- А ты не станешь снова меня кусать? - осведомился Мёнгёз, а про себя подумал: «Поищи-ка другого дурачка, который тебе поверит! Очень надо мне искать! Мне бы век тебя не видеть!».

- Не обижайся, глупенький... - Кажется, Рыжая просила прощения.

«Никакой я не глупенький!» - Доказывать обратное Мёнгёз не счёл нужным. Тем более, что тон, каким Рыжая произнесла «глупенький», был совсем не презрительно-насмешливым, как у стервятника, а наоборот...

Но разговор на этом не закончился.

- Пока уноси свою обиду с собой, - сказала Рыжая. - Позабудешь - приходи. Я буду ждать тебя, я - дочь великого вождя славного племени кызылкуртов. Наступит время - и ты заменишь моего великого отца!

«Вот еще! Нашла чем заманивать!», - подумал Мёнгёз.

Вслух же сказал:

- Я не хочу быть волком! Я рожден настоящей чистокровной собакой!

Дочь повелителя кызылкуртов не успела объяснить Мёнгёзу, что к чему: ее ждали. Призывный вой доносился издалека.

Теперь в голосе Рыжей зазвучало отчаяние:

- Приходи... Я буду ждать тебя всю жизнь! - В глазах ее стояла бездонная мольба.

И уже из-за холма до Мёнгёза донеслось жалобное:

- Я бу-уду ждать!.. - Может, ему просто слышалось? Тогда с чего бы это?

Между тем сумерки всё стремительней заливали округу. Робкая звёздочка поднялась над горизонтом. Счастливый, что дешево отделался, Мёнгёз потрусил домой. Его там уже, поди, заждались тетя Дуся и дядя Джепбар: «Куда запропастился наш сынок?». А похлебка, конечно же, остыла. Придётся теперь хлебать холодную. Но после тех приключений, что пришлось пережить за день Мёнгёзу, остывшая похлебка - мелочь.

Откуда было знать нашему герою, что неожиданности ещё не закончились.

А неожиданность была такая, что в первый момент Мёнгёз не признал тетю Дусю. Какая-то красивая женщина в шуршащем голубом платье появилась из палатки. Откуда она здесь взялась? Запах как будто знакомый, хотя к нему примешался какой-то другой. Так благоухал в пору цветения пустыни алый цветок, названия которого Мёнгёз не знал.

Закрыв глаза, он потряс головой. Нет, видение не исчезло.

- Га-ав... - То ли облаял незнакомку, то ли выразил ей свое восхищение. Мёнгёз и сам в этом не разобрался.

- Ты что милый? Это же я!

Голос, верно, был тети Дусин только тоже не будничный, как всегда, а праздничный - мягкий, певучий.

Вышедший следом мастер Джепбар - в эти дни он жил в палатке тети Дуси - тоже был не похож на себя: вместо пыльной робы - на плечах шёлковый халат, на голове - тубетейка. Усы ровнёхонько подстрижены.

Как это они оба умудрились так помолодеть? Мёнгёз еще не знал, что люди молодеют от счастья. А то, что они счастливы, это он сразу почувствовал своим чутким собачьим сердцем. И очень обрадовался за тетю Дусю и дядю Джепбара.

А когда блескучие звёздочки начали мерцать-перемигиваться в тёмной таинственной вышине, Мёнгёз улегся у палатки и, слушая шёпот, прерывающийся временами негромким ласковым смехом, отдался воспоминаниям. Вспоминал он свой полёт. Больше того - Мёнгёз снова летел. Да еще как! Сам! Могучие крылья поднимали его все выше и выше. На такую высоту, куда не может взлететь ни один стервятник.

Но это Мёнгёзу, разумеется, просто снилось после дня, полного приключений.

* * *

- Иа-а! Иа-а!...

Ослик! Любезный друг-приятель! Как давно он не приходил в гости. Правда, это зависит не от него, а от чабана Ягмура, его хозяина.

Впрочем, жаловаться на него не стоит. Ягмур ага и раньше не упускал случая завернуть к геологам на пиалушку ароматного зелёного чайку да почесать язык. Быть по полгода одному с овцами в пустыне - можно разучиться говорить. Но с тех пор, как однажды Ягмур ага увидел тетю Дусю в голубом платье, он стал приезжать часто. Приедет и обязательно привезёт тёте Дусе подарок. Свежей баранинки! Да столько, что обязательно и Мёнгёзу перепадёт. Но совсем не поэтому он приветствует чабана вежливым помахиванием хвоста и ласковым лаем.

Просто пусть все видят и знают, что Мёнгёз уважает этого человека.

Кто должен знать и видеть? Геологи. Они хоть и не прочь полакомиться свежатиной, но над чабаном почему-то посмеиваются, называют его меж собой Тахир беком*, хотя знают его

* Тахир - герой легенды “Зухра и Тахир”, прекрасный влюбленный.

настоящее имя.

Стоит увидеть им приближение Ягмура ага, начинают перемигиваться и посмеиваться: «Тахир бек оседлал скакуна в поисках своей Зухры».

Может у людей так принято? Вот и Ягмур ага всегда почему-то называет Мёнгёза Ёлбарсом*.

- Спасибо, Ёлбарс! - говорит он. - Ты добрый пёс!

Попробуйте тут не смутиться.

А кроме того, что имеет в виду Ягмур ага, назвав Мёнгёза «добрым»? Уж не хотел ли он тем самым сказать, что преотлично понимает насмешливое отношение к себе геологов? «Добрым» его и вправду не назовёшь. Впрочем, так это или не так - кто знает...

«Тахир бек» между тем с кряхтением сполз с ишачка и, взвалив на плечо тяжеленный хурджун, направился прямёхонько к тете Дусе.

- Все ли благополучно, Дуся гелин?

- Слава Богу.

- Вот! - Ягмур ага свалил хурджун у ног покрасневшей от жара очага стряпухи.

От запаха свежего мяса Мёнгёз невольно

* Ёлбарс - лев.

заурчал и пустил слюнки.- Спасибочки, дорогой! Кормилец ты наш! - Тетя Дуся одарила «кормильца» одной из самых нежных своих улыбок. Зачем она это сделала? Ягмур ага от счастья едва не лишился сознания. Насилу устоял на дрожащих ногах.

- Что-то не видно нашего друга - проговорил он, еле ворочая языком, когда, наконец, вновь обрёл дар речи и принялся озираться вокруг, не выдержав устремлённого на него ласкового взора тети Дуси.

Мёнгёзу это очень не понравилось: так тетя Дуся смотрит только на дядю Джепбара. И то лишь, когда они остаются вдвоём, Мёнгёз, само собой, в счёт не идёт.

- Да куда твой друг не денется. Вон он идёт. Весь в мазуте с головы до ног.

Действительно (как это Мёнгёз прозевал), мастер Джепбар, широко улыбаясь и вытирая руки ветошью, был уже совсем рядом.

- О-о, друг наш пожаловал!

- Да, решил справиться о твоём здоровье.

- Правильно сделал. Мы вчера с Дусей вспоминали тебя: что-то Ягмура давно не видно. Не уехал ли в аул?

Усадив приятелей чаёвничать, тетя Дуся снова отправилась к очагу, пообещав вскорости обед в честь дорогого гостя. Эх, когда же поговорить всласть как не за душистым чайком, прихлёбывая и причмокивая, дымя папироской да катая за щекой мятную конфетку!

На сей раз, в основном, говорил Ягмур ага. Воодушевлённый вниманием тети Дуси, он клял на чем свет стоит свою долю - проклятое одиночество.

- Хотя и имеешь пять сыновей, пять невесток, друг, но они не стоят одной жены. Когда бедняжка была жива, меня все время тянуло в аул, - излил свою печаль Ягмур ага.

- Чего бы тебе тогда не жениться, а? Мужчина ты хоть куда! Красавец!

- А что? А что!.. - закудахтал Ягмур ага, выпятив тощую грудь и разглаживая свои реденькие усики.

- Я и говорю, за тебя любая молодуха пойдёт, сочтёт за великую честь!

- Не-е... - скис Ягмур. - Мне бы какую вдовушку. - При этом он украдкой метнул взгляд на проходившую мимо тётю Дусю.

Джепбар ага, перехватив восхищенный

взгляд приятеля, чем вогнал того в малиновый цвет, подмигнул:

- Вообще-то она говорит, что замуж не собирается. Но... чем чёрт не шутит?

Тахир бек приуныл.

- Ну, ну, не опускай сердце в кипяток! - ободрил его Джепбар ага.

- Она это говорила не видя тебя. Стоит тебе глянуть на нее - вся меняется. Посмотрит на тебя - розой расцветает.

- Друг! - Лицо Ягмура ага мгновенно побелело.
- Верблюды и десять баранов твои... Ничего не пожалею... Спроси! А? Если согласится, брошу овец и буду жить в ауле около нее.

- Овец оставь для свадебного тоя. Только должен тебя предупредить... - Ягмур ага весь во внимание. Даже дышать перестал.

- Думаешь, Дуся в городе не могла найти работы? Она здесь из-за воздуха пустыни. На черта ей твой аул!

- Если вместе, я согласен жить в любом месте!
- заверил Ягмур ага. - Ах, хоть бы пришла к какому-нибудь решению.

- Придёт. Не торопись.

Слушая эту беседу, Мёнгёз поначалу

удивлялся - неужели у людей так принято: думать - одно, а вслух говорить - другое. Затем стал жалеть чабана, а потом, сам не заметил как стал на него злиться: неужели он не понимает, что над ним смеются?

Но может, оно и к счастью, что люди, даже взрослые, не умеют слышать, как животные.

Не дождавшись обеда и вспомнив о каких-то важных делах, Ягмур ага суматошно засобирился и довольный ласковым приёмом покати́л на грустном ишачке, который тоже все понимал и жалел своего доверчивого, бесхитростного хозяина.

- Иа-а! Иа-а! - Прощай, друг собака!

- Гав, гав! - До свидания, друг ослик!

Когда Ягмур ага скрылся из виду, геологи дали волю смеху. Дядя Джембар и тетя Дуся смеялись вместе со всеми.

Эх!.. - теперь Мёнгёз с горечью вынужден был поверить в то, чему изо всех сил сопротивлялось его собачье сердце.

- Гав! - Такая непередаваемая тоска была в его голосе, что смеющиеся геологи тут же замолчали и с тревогой уставились на Мёнгёза: не болит ли у него что? Может, колючка впи́лась в лапу.

Но Мёнгёз отвернулся. Не хотелось ему смотреть на людей.

* * *

Неизвестно, что произошло, но вот уже как неделю с наступлением сумерек Мёнгёза всякий раз охватывало странное волнение. Бедняга не знал, куда себя деть, потерянно слонялся туда-сюда, словно хотел что-то найти.

Звезда вечерняя! Звезда путеводная...

Уныло сидя на вершине холма, Мёнгёз отправил взор свой путешествовать по небесному океану. Может, там найдёт себе мятущийся дух утешение?

Час сидел. Второй на исходе. Лучше на душе ничуть не стало. Хоть вой.

Наверное, затянул бы печально-тягучую песню. Но вдруг - а все чудеса на свете случаются вдруг! - задул ветерок... Ах! Не сообразишь сразу, с чего бы это какая-то непонятная сила сорвала с места Мёнгёза и заставила вскочить - крылья что ли прорезались за спиной?

Ветерок пропал. Потом появился снова. Во-от, оказывается в чём дело - запах!

Что это был за необыкновенный запах! А-ах! Как он, несчастный, мог забыть, что так приятнее

всех цветов и трав, благоухала она - Рыжая собака с изумрудными глазами! И тотчас Мёнгёз будто услышал ее слова: «Найди меня! Я буду ждать...».

Запомни же, малыш, когда тебе невыразимо грустно и не понимаешь отчего - это тоска о друге.

Что теперь могло удержать Мёнгёза! И все-таки он оглянулся на палаточный лагерь, который доверили ему охранять. Но желание хоть одним глазком снова увидеть Рыжую собаку перебороло чувство долга.

Оно устремило в ночь.

- Эй, бродяга, ты ли это? - Чей-то хриплый голос остановил Мёнгёза. Это был филин.

- А-а, это ты, сказочник! - насмешливым тоном протянул Мёнгёз.

Кажется, филин не заметил, что "сказочник" прозвучало почти «трепач».

- Куда ты среди ночи? Или в словах сусликов есть истина?

- Каких еще сусликов? - недовольное бурчание Мёнгёза объяснялось досадой, что, решив однажды быть вежливым, он вынужден теперь поддержать пустую болтовню. Тем более, что его желание ушло далеко вперед.

- Тех самых, что плетут про тебя всякую всячину...

- А ну-ка скажи, о чем сплетничают эти фьюкалки?

- Да разную чепуху, небылицы. Я-то им не верю!

Хитёр, бестия! Знает, как распалить любопытство, чтобы продать слух подороже. Окажись почти любой из нас на месте Мёнгёза, разве бы не сгорал он от нетерпения?

- Говори, раз начал. Я тебя не просил.

- Брось! Неужели сплетни каких-то глупых свистунов достойны твоего внимания?

- Не скажешь - больше тебя не знаю.

То ли филин испугался этой ужасной угрозы, то ли натешился вволю, но он перестал дразнить Мёнгёза.

- Ладно уж, если хочешь. Говорят, что Рыжая собака воет по ночам, жалуется луне. Умоляет, чтобы та дала тебе силу прийти к ней.

Она, мол, мечтает о таком друге. - Расхохотался филин. Мёнгёз словно не слышал этого хриплого смеха. Сердце его колотилось, готовое выскочить из груди.

- Какую силу может мне дать луна?

- Ту, которая гонит сейчас тебя в ночь!

- И правда, Петре хан (так звали филина), я не знаю, что со мной творится...

Старый филин - он не только был мудрый, но и великодушный, мгновенно оборвал смех.

- С тобой творится самое-самое прекрасное на земле: твое сердце становится большим и умным, ибо нуждается в сердце Друга. Знай, оно будет расти до тех пор, пока ты останешься верен той силе, что без страха ведёт тебя сейчас навстречу ждущим в ночи.

Таких слов, да еще произносимых таким торжественным тоном, Мёнгёз никогда не слышал. Но почему в голосе филина сквозила затаённая грусть? Ясно: Мёнгёз напомнил ему, что и он был когда-то молод. Эх, когда это было?..

- Счастливого пути, бродяга! - «Бродяга». Сейчас это слово в устах филина звучало совсем иначе, чем в начале разговора: и ласка, и добрая зависть, и отеческое напутствие - что-то ещё, тоже очень хорошее, таилось в нём...

Луна!

Теперь Мёнгёз мог поспорить с кем угодно, что так ослепительно волчье солнце сияло для

него, - чтобы не заблудился, не ухнул в какую-нибудь яму, не налетел с разлёту на валун.

Ноги несли сами. Точно знали дорогу наизусть. Да так оно и было: манящий запах не мог обмануть Мёнгёза. Он летел сквозь ночь, как на крыльях.

Луна едва поспевала за ним...

* * *

ТА, КОТОРУЮ ОН ИСКАЛ, чтобы предложить ей вечную дружбу, стояла на громадном плоском камне.

Что она делает там среди ночи? Такой наивный вопрос мог прийти в голову Мёнгёзу. Еще издали по тому, как напряженно впиалась Рыжая сверлящим взором во тьму, по тому, как чутко подрагивают поставленные торчком уши, по тому, как всем телом ловила она таинственные шорохи ночной пустыни, Мёнгёз безошибочно понял: рыжая собака - на страже. Это его здорово озадачило. И, само собой, навело на кое-какие мысли. Признаться, совсем не праздные.

Древнейший закон гласит: только вождь - предводитель стаи, и никто другой, охраняет покой соплеменников.

Рыжая нарушила священную заповедь? Или...

или отныне она стала вожаком кызылкуртов?

Луна остановилась прямо над сторожевым камнем. Рыжая гладкая шерсть собаки искрилась, переливалась огненным блеском.

Понятно, сердце Мёнгёза трепыхалось у него в горле - так поразительна, неопиcуема была гордая осанка и вместе с тем нежная красота ТОЙ, КОТОРУЮ ОН НАШЁЛ.

Пока Мёнгёз замер зачарованным, превратившись в немигающий глаз, самое время нам вставить парочку слов.

Что все-таки могло случиться с великим вождём - отцом рыжей собаки, перед взглядом которого трепетали матерые кровожадные подданные, превращаясь в жалких, дрожащих от ужаса щенят?

Еще при первой встрече Мёнгёз заметил, что повелитель кызылкуртов сильно изнурён старостью. Хотя стая еще беспрекословно повиновалась ему, Мёнгёз видел, как зловещие огоньки пламени вспыхивали в глазах молодых кызылкуртов, когда кое-кто из них исподтишка кидал взор на запыхавшегося вожака. Разве могла стая простить позорно сорвавшийся набег? По закону кызылкуртов вождь был уже ПРИГОВОРЁННЫМ К СМЕРТИ.

Единственная надежда - дочь одряхлевшего вождя, рыжая собака. Неужели она позволила стае безжалостно и сладострастно свершить жестокую кару?

То, что Рыжая теперь предводительница кызылкуртов - несомненно.

Откуда было знать Мёнгёзу, что Сивогривый еще жив и как бы продолжает оставаться главой стаи. Вернее, считается таковым. Предводительницей стала его дочь. Правит от его имени. Вожак не только позволил ей это, но и втайне сам того желал, хотел, чтобы свирепые кызылкурты привыкли к мысли, что Рыжая, его дочь, - их госпожа.

Сам же он мечтал об одном - героически принять смерть на поле сражения. Только об этом и молил небеса.

Все это, разумеется, было Мёнгёзу неизвестно. И он, любуясь Рыжей, витал в облаках. Тело его, конечно, оставалось на земле, а вот мысли кружились поблизости от прекрасной собаки. Наверное, она почувствовала что-то (может быть лёгкое головокружение) и тотчас повернула голову в ту сторону, где, слившись, смешавшись с ночью, затаился в зарослях Мёнгёз. Хорошо,

что до этого он успел глубоко вдохнуть - теперь можно было не дышать.

Луна вошла в беспризорное облачко. И это тоже было кстати: спрятала Мёнгёза понадёжней. Изумрудные глаза Рыжей ничего не разглядели, чуткие уши ничего не уловили, ноздри не затрепетали.

Последнее, кажется, нужно объяснить. Дуй ветерок в сторону Рыжей - Мёнгёз бы мгновенно обнаружен. А там, пока бы разобрались, кто есть кто, от нашего героя осталось бы лишь одно мокрое местечко. На том бы и завершилась история о СОБАКЕ, КОТОРАЯ ЛЕТАЛА ОДНАЖДЫ. Но ветерок, к счастью, дул на Мёнгёза.

Чем больше смотрел Мёнгёз на чудесное видение*, тем больше хотелось ему выскочить из укрытия и, одним мощным прыжком вскочив на камень, встать рядом с ТОЙ, КОТОРУЮ ОН УЖЕ СЧИТАЛ СВОИМ ДРУГОМ.

Но Мёнгёз этого не сделал. Во-первых, не хотел напугать Рыжую.

*Если долго-долго, не оглядываясь, смотреть на что-нибудь, может случиться, как с Мёнгёзом: это «что-нибудь» превратится в видение.

Во-вторых, пока бы разобрались, кто есть кто... Впрочем, повторяться не стоит.

Пересилить подаренную луной силу было почти невозможно. И всё же Мёнгёз одолел её на этот раз.

Где-то спросонья застрекотали кузнечики. Высоко в небе зажурчал родничок - жаворонок. Звезды тоже, одна за другой, начали медленно бледнеть.

Мёнгёз, не сомкнувший глаз и на мгновение, не мог насытить свой взор видением прекрасной собаки.

Ах, зачем ночь не без конца!

* * *

- Ёлбарс! - позвал мужской голос.

- Ёлбарс! - Знал, что следом услышит этот голос: мягкий и ласковый.

Откуда люди могли знать его настоящее имя, данное настоящей матерью, Лакмой? Если не забыли, с лёгкой руки чабана Ягмура окрестили «Ёлбарсом». Сначала Мёнгёз не понимал, что обращаются к нему. Потом сообразил. А потом привык. И вообще иметь запасное имя - в этом что-то есть. Признаться, весьма и весьма волнующее.

Голоса, окликнувшие Мёнгёза, принадлежали Юсупу и Лене. Юсуп - черноволосый юноша, Лена - светловолосая девушка. Нетрудно догадаться, что они зовут его гулять с собой.

Повторять приглашение дважды не потребовалось. Мёнгёз любил гулять вместе с Юсупом и Леной. Это куда лучше, чем смотреть, как геологи после ужина рубятся в домино. Резкий стук, раздающийся при этом ежесекундно, переворачивал все собачье нутро, точно гвозди в уши заколачивают. К тому же Мёнгёз терпеть не мог, когда люди начинают вдруг кричать, размахивать руками, толкаться. А какая игра обходится без ссоры?

Зато какое блаженство лежать у ног Юсупа и Лены, когда они сидят рядышком на вершине бархана! Юсуп легонько трогает струны гитары и рождается песня.

Песня!.. Разве можно ее пересказать простыми словами? Тем более на собачьем языке. Да не только в этом дело. Как объяснить, что такое «море», «парус»? Как представить то, чего не видел собственными глазами? Но почему, несмотря на это, так сильно бьется в груди сердце, когда слышишь песню? Ну, совсем как

«чайка». Чайка - это такая птица. В чём-чём, а в птицах Мёнгёз разбирается. Будьте уверены!

Поют Лена и Юсуп, и даже звезды опустились пониже, заслушавшись.

Мёнгёз еле удержался, чтоб не подтянуть людям. И оттого тяжело дышал. Песня звучала в нём, рвалась наружу. Мёнгёзу казалось, что за спиной у него потихоньку растут крылья. Как без них он мог бы вознестись к самому куполу неба! Сейчас он парил выше звёзд и любовался с высоты прекрасной рыжей собакой - отныне и навсегда лучшим его другом. Как было бы прекрасно, если бы и она, услышав песню, стала крылатой!

В небе - все прекрасно. Им суждено встретиться.

* * *

Бешеная буря поднялась среди кызылкуртов, когда откуда-то (уж не наябедничали ли поганные шакалы?) стало известно, о каком Друге мечтает Рыжая - предводительница стаи.

- Ты что, думаешь, этот пес, подвластный человеку, более достоин тебя, чем я, вольный охотник? - Считавшийся самым красивым кызылкурт выступил из рычавшей стаи и гордо

выпятил грудь.

Рыжая смерила нахального красавчика презрительным взглядом. Ей ли не знать, каков он? «Герой» - всегда прячется в бою за чужими спинами!

Тогда слово взял самый храбрый, исполосованный шрамами кызылкурт.

- Собака, э-э, есть, э-э, собака. Она не может, э-э, быть тебе, э-э, достойным другом.

- Разве наши предки - не собаки?

Храбрец стушевался, не зная, что возразить. Бесстрашный в смертельных схватках с врагами, он был не мастер вести словесные перепалки.

Почувствовав, что стая дрогнула, самое главное - перехватить инициативу - Рыжая выкрикнула: - В будущем он станет нашим вожаком!

Сказала бы она это, знай заранее, какая дикая ярость вспыхнет в жестоких сердцах ее соплеменников, какой леденящий кровь скрежет зубов огласит окрестности? Она не ждала другого. Но будет так, как она решит. Она дочь вождя или нет? Она не предводительница стаи?

- Никогда!

- Позор!

- Лучше умереть!..

Недаром Рыжая была любимой дочерью великого вождя кызылкуртов - сейчас она следовала урокам своего мудрого отца:

«Пусть потешатся, дай им выпустить злобу. Когда выдохнутся - поступишь по-своему».

Пиратского вида одноглазый кызылкурт прохрипел с пеной на губах:

- По какому такому праву нам, свободным хищникам степей, навязывают в вожди «варяга»*, да еще из собачьего племени? Кто смеет решать такое без согласия всей стаи? - Удар он нанёс сокрушительный и победителем оглядел беснующуюся, оскалившую пасти стаю.

Но Рыжая не рухнула без чувств от его удара. Именно того вопроса ждала она с нетерпением. И не показывая своего торжества, тихим, но твёрдым голосом ответила:

- Так решила наша священная Мать - бессмертная Природа.

И смолкла. Что к таким словам добавишь?!

Кызылкурты, как открыли пасти, так и застыли. Только языки вывалили наружу. Глаза

* Так называют чужестранца, которого приглашают стать вождем.

у них на лоб выкатились.

Кто-то, опомнившись, прошептал:

- Чем докажешь?

«Олух! Ничего лучше не придумал, чем заподозрить предводительницу стаи во лжи».

Но вслух сказала смиренно:

- Я думала, вы сами, мудрые мои сородичи, догадались, что этот пес...необыкновенный.

«Она издевается над нами?», «Довольно терпеть насмешки!» - Стая чуть не задохнулась от негодования: «На лбу у него что ли написано, что он - необыкновенный?», «Считает нас слепыми глупцами!».

- Издревле известно: кызылкуртам суждено подчиняться шестипалой собаке. Шесть когтей - вещий знак, что раньше или позже обладатель его станет неустрашимым вождём кызылкуртов. - Голос Рыжей был по-прежнему негромок. Речь нетороплива.

- Может, и так. - Первый обретший дар речи кызылкурт усмехнулся. - Но знает ли он сам о своём могуществе? Нет. Вот пусть и живёт разиней!

Стая одобрительно зарычала, заклацала зубами.

- Верно!

- Пусть не знает!

Наступила очередь усмехнуться Рыжей собаке:

- Зря надеетесь! Если он захочет стать моим другом, я открою ему его судьбу.

В первый миг стая оцепенела. В следующий - хрипло завyla и двинулась на предводительницу.

- Предательница!

- Не бывать псу вождём кызылкуртов!

- Ты об этом пожалеешь!

Кто бы не дрогнул перед яростно ревущей, обезумевшей, намеревающейся растерзать в клочья стаей? Только не она, дочь великого вождя.

- Я хочу, - голос Рыжей был твёрд и звонок, - чтобы восторжествовал закон Великой Природы. Этот могучий, не ведающий страха и сомнений пес послан нам небесами. Стая без настоящего вождя - не стая. Посмотрите на себя - кто вы? Шайка разбойников! Подлые шакалы! Вы недостойны славного имени кызылкуртов!

Точно незримая проволока, по которой пропущен ток, преградила путь стае - отпрянули,

завизжали, трусливо поджали хвосты. А может (так, наверное, и было) стальной взгляд предводительницы укротил безумную ярость кызылкуртов.

«Красавчик» униженно заюлил: не передумает ли дочь великого вождя? Не снизойдет ли к его смиренной просьбе?

Рыжая даже не удостоила его ответом.

- Таково веление свыше, кызылкурты! Не в моей власти ему противиться! - Резко повернувшись, Рыжая пошла прочь. И только скрывшись от взглядов соплеменников, дала волю чувствам, которые едва уже сдерживала, - тоненько заскулила, затряслась мелкой дрожью и изумрудная слезинка выкатилась из глаза и упала на землю.

Кузнечик от удивления раскорячил свои огромные, навывкате, глаза: вот уж подумать не мог, что грозная и суровая предводительница кызылкуртов может быть такой слабой и беспомощной, что ему, кузнечику, станет ее жалко.

Разумеется, Рыжая не подозревала, что кто-то наблюдает за ней. Какое дело владычице стаи до порхающей, ползучей, мелтешащей мелюзги?

Какой-то кузнечик!.. Лишь бы не видели соплеменники - возликуют, возгордятся, поймут, что не железное сердце у их предводительницы, только притворяется такой.

И вдруг!

К чему тратить попусту слова, впадать в необыкновенное изумление по поводу того, каким образом и почему прямо перед Рыжей возник Мёнгёз. Никакого колдовства в этом не было. Все просто: его привела лунная сила, с недавних пор, как известно, забурлившая в крови у Мёнгёза.

- Это ты?

- Я.

- Я знала, что ты придёшь.

- Я хочу дружить с тобой.

Потом Рыжая пошла впереди. Мёнгёз последовал за ней. Они двигались все быстрее и быстрее. Потом побежали. Потом точно на крыльях взлетели на высокий зелёный холм, необъятная цветущая степь открылась их взору...

* * *

Мог ли Джеббар ага сердиться на исчезающего по целым дням и ночам Ёлбарса? Не

такой он человек. Наоборот, радовался в душе.

Думаете, не бывает прекрасной... болезни? А вот и да. Именно такая привязалась к Ёлбарсу, отчего его сердце то сладко замирало, то разрывалось на части от муки. И теперь он, забывая себя, думал только о своей подруге.

Знал бы Джеббар ага, что Ёлбарс стал одним из кызылкуртов! И в голову не могло прийти. Был уверен, тот подружился с какой-нибудь чабанской собакой и охраняет вместе с ней отару. «Так-то и лучше! – думал, поглаживая заявившегося на побывку бродягу. - Не собачье это дело мотаться среди мазута и грохота». А вслух говорил:

- Ну, что же ты опять не привел свою невесту? В крайнем случае мог бы пожаловать с одним из своих щенят! А-а, ты боишься, хитрец, мы оставим его здесь? Да, конечно. Можем и оставить. - Вполне возможно. Ты наш, мы имеем право... Спеша домой, Ёлбарс вспоминал эти шуточки.

Выполнив то, что приказывала ему голова, Мёнгёз решил, что теперь надо прислушаться к голосу сердца. Ну, а что говорило Мёнгёзу его сердце, вы, надеюсь, догадываетесь. Ноги сами

понесли его по залитой серебристо-зеленоватыми потоками лунного света пустыне. Дивно-то как! И совсем чудо-расчудесное нежданно-негаданно встретить среди пустыни доброго знакомого. Им оказался чабан Ягмур. Хотя Мёнгёз очень торопился, вежливость не позволила сделать вид, что он его не заметил. А как обрадовался дядя Ягмур! Понятно: ему тоже очень хотелось сказать кому-то ласковые слова.

- О-о, Ёлбарс! И тебя сон не берёт?

Мёнгёз завилял хвостом. Этим, он, если опять переводить на человеческий язык, отвечал: «Увы, не берёт, дядя Ягмур. А почему, сам не понимаю».

Чабан Ягмур между тем приговаривал ласково, точно ручеек журчал:

- Да, Ёлбарс, ты пёс, что надо. С таким характером быть тебе отменным волкодавом! Жаль только мешают твои уши и хвост...

Похвала! Кому нелестно услышать о себе доброе слово? Чему-чему, а вежливости Мёнгёза не учить - облизнулся. Улыбнулся по-собачьему. И приладившись к неспешному шагу чабана Ягмура, как воспитанный пес пошёл с ним рядышком.

- Что молчишь, Ёлбарс? Расскажи-ка мне лучше о своей хозяйке, о Дусе...

О, мука без вины виноватого! Мёнгёз беспомощно заскулил: как же он расскажет, если не умеет говорить по-человечески...

Но чабан Ягмур, видно, и не ждал ответа. Забыв о Мёнгёзе, он стал разговаривать сам с собой...

- О-о, Дуся - хорошая невеста! Чего одно то стоит, как она вокруг очага ходит, словно уточка, вперевалку, да-а... - Сладкие мечтания нахлынули на чабана. И погрузившись в них, он начисто забыл о Мёнгёзе и овцах, обо всём на свете. В мыслях он встретился с тетей Дусей и теперь беседовал с ней, говоря и за себя, и за нее.

«Дуся-гелин, как дела?» - «Это ты, Ягмур?» - «Захотелось увидеть тебя - вот и пришёл. Ты, наверное, говоришь, куда я пропал, почему в последнее время не видно? Вах! Если бы от меня зависело, приходил бы каждый день. Но я человек робкий, с людьми общаюсь редко...»

Когда чабан Ягмур говорил о себя, Мёнгёз сразу узнавал его голос - хриплый, точно простуженный. Когда же за - тетю Дусю, как ни старался он произносить слова нежно,

певуче, можно было только догадываться. Мёнгёз - сообразительный, он сразу догадался и порадовался за чабана.

- Ах, вах! - Что хотел выразить этим вздохом чабан Ягмур? Начни рассуждать - запутаешься. Да и зачем рассуждать, если всё и без слов понятно.

Мёнгёз понял, что он больше здесь не нужен. Вильнул хвостом на прощанье и, оставив чабана наедине с мыслями о тете Дусе, бесшумно растаял в ночи.

* * *

Невообразимый, чудовищный шум, доносящийся из-за холмов, заставил Мёнгёза сначала ускорить шаг, затем помчаться сломя голову. Понятно, почему: за холмами были владения его подруги.

Битву он застал в самом разгаре. Не на жизнь, а на смерть сцепились давние враги: волки и кызылкурты.

Чего бы им, казалось, делить-то? Э-э, всегда найдется что, стоит лишь позариться на чужое. Так и у волков с кызылкуртами. Распря тянулась уже не первый год. С тех самых пор, как волки, появившись невесть

откуда, стали соседями своих красношкурных степных сородичей. Поделить территорию поделили: здесь охотиться тем, здесь - этим. А как быть, если, к примеру, куланы, за которыми гнались волки, пересекут невидимую черту и... что тогда делать? Облизываясь, глядеть, как кызылкурты, захватив чужую добычу, пируют себе в удовольствие? Только не это!

Подобного рода история произошла и на этот раз. Потому-то и разгорелось сражение, невольным свидетелем которого довелось стать Мёнгёзу. И не только свидетелем. Но давайте все по порядку...

...Мечта великого вождя кызылкуртов сбылась...

Ненавистный враг, вожак волчьей стаи, мечтал о том же. Матерый, в самом расцвете сил и славы волчище, медленно приближался, оскалив огромные клыки.

- Ты до сих пор не сдох, старый дьявол?
- Наглая грубость - способ проверенный: противник, выйдя из себя, открывает свои слабые места.

Но волк ошибся: Сивогривый и ухом не повел, только презрительно усмехнувшись, прорычал:

- Щенок, я не покину этот мир, пока не перегрызу тебе глотку!

- Старость давно убила тебя. Но ты, оказывается, трус: до сих пор не примирился со своей смертью.

Так они обменивались угрозами и оскорблениями, наливаясь лютой яростью, чтобы затем схватиться в смертельном поединке.

Матёрый волчище не торопился. Что ему этот обессиливший, седой, облезлый кызылкурт? Разумеется, волк не проникся к нему сочувствием. Он даже не знал, что это такое. Наоборот, слепая злоба, наконец, закипела в нём. И в тот же миг он прыгнул, ударил соперника грудью.

Сивогривый зашатался, но устоял.

Когда волк налетел на него во второй раз, он не выдержал натиска и упал.

- Отойди! - Мёнгёз, до того с любопытством наблюдавший за единоборством, ухватил волка за загривок. Разъяренный злодей, подмявший задыхающегося кызылкурта и готовый вонзить железные клыки в его незащищённую шею,

услышав Мёнгёза, невольно растерялся.

Велико же было удивление волка, когда оглянувшись, он увидел перед собой не кызылкурта, а обычного пса.

- Ты кто?

- Ай, Ёлбарс* я, - охотно отвечал Мёнгёз, решив, что волк желает с ним познакомиться, и показывая, что он, в свою очередь, тоже не прочь завести знакомство.

Волк порядком опешил. Накопленная ярость могла вот-вот схлынуть, и тогда вместе с ней он лишится половины сил. Он понимал и то, что ему не следует вступать в беседу с незнакомцем. Получилось машинально.

- Ёлбарс? Да какой из тебя лев? Ты - обычная собака. Мы называем вас помойщиками.

- Ну и что? Когда проголодаешься, можно поискать еду и на помойке.

- О-о-о! Дурак ты, что ли?! - Волк был удивлен и растерян. Невесть откуда взявшийся пёс никак не реагировал на его ядовитые насмешки, а это, в свою очередь, оскорбляло и унижало самого волка: пустобрех он, что ли?

* При знакомстве с волком Ёлбарс, согласитесь, звучит внушительней, чем Мёнгёз или Мёнгёзлюдже.

Мёнгёз, который не собирался вступать в драку, от неожиданности едва устоял на ногах, когда волк накинудся на него. Толчок в грудь был весьма ощутим.

- Ты чего, а? - удивился Мёнгёз. Вслед за этим пришла охота слегка размять косточки. Жаль, что противник оказался не так силён, как хотелось Мёнгёзу. Не прошло и минуты, как скулящий волк уже валялся на земле, не решаясь подняться.

Но что это? Стоящий над ним пёс, похоже, и не намеревался вонзить клыки в его глотку. Почему он щадит его, пусть поверженного, но великого волка? Если недавно он только удивлялся, то теперь готов был свихнуться от странного поведения своего противника.

Мёнгёза же в самом деле перестал интересовать поверженный волк. Поиграли - и хватит. Направившись к кустику, он поднял заднюю лапу... Когда обернулся, волка уже и след простыл.

- Помойщик, ты еще попадешься мне в лапы! Я из тебя пыль вытрясу! - вопил издали волк, клацая зубами и трясясь от злобы и унижения. Что еще ему оставалось? Поверженный волк, увы,

мало чем отличается от трусливых шакалов.

- Ну и что ж, встретимся - посмотрим! - Болтать попусту Мёнгёз не любил.

Увидев, что их вожак с позором покинул поле боя, волчья стая пустилась в беспорядочное бегство.

Поле отдыхало после жестокой битвы. Трава еще кое-где продолжала дымиться от пролитой на нее жаркой крови. В воздухе, там и сям, подхваченные ветром, кружились клочья шерсти. Пять бездыханных тел, совсем недавно мощных, пружинисто мускулистых, полных жизни и лютой ненависти к врагу, теперь застыли в смиренных позах беспробудного сна. Три кызылкурта и два волка навсегда остались на поле брани.

Остывающая, постепенно приходящая в себя стая кызылкуртов, сидя вразброс, зализывала раны.

Нет, не подумайте, что в суматохе мы забыли про Сивогривого. «О, Небо! Зачем этот щенок спас меня? К чему мне постылая жизнь, если я не могу теперь одним грозным рыком обратить в бегство супостата, осмелившегося покуситься на права кызылкуртов, на их священную завещанную

предками землю? Почему не погиб я в этом бою, не ушёл, овеянный небренной славой?..» - Немые стенания разрывали старое, дряхлое сердце некогда грозного повелителя кызылкуртов. И вдруг мысль, словно молния, сверкнула у него в мозгу: значит он еще нужен стае, еще должен сослужить ей последнюю службу. А раз так, то невольно обиды на Ёлбарса как не бывало. Тяжело поднявшись, он медленно направился к молодому псу, которого однажды видел летящим под облаками. Отдыхавший Мёнгёз мигом вскочил и стал почтительно ждать, что скажет ему Сивогривый.

- Ты неплохо дрался.

- Я думал, он шутит. Иначе... - Мёнгёз не стал договаривать. Зачем - если и так ясно.

- Твои настоящие битвы еще впереди.

- Чему быть, того не миновать.

Старый кызылкурт остался доволен ответом. Он был достоин истинного храбреца, который, как известно, не задумывается о последствиях.

- Хорошо, что ты оказался поблизости и пришёл нам на подмогу! - Конечно, Рыжая хитрила: прямо-таки «случайно». Она-то знала подлинную причину того, почему

Мёнгёз оказался на земле кызылкуртов. Душа ее ликовала. А больше всего радовало ее, что стоя воочию увидела необыкновенную силу ее избранника.

Кызылкурты исподлобья метали взоры на лапы Мёнгёза: есть ли у него в самом деле шестой коготь? Зрячий да узрит. Откуда им знать, что шестой коготь на задней лапе это след операции, которую сделал Мёнгёзу в городе звериный доктор. Все кызылкурты покорно опустили головы, признавая над собой власть чужака.

Ни Красавчик, ни Силач даже не осмелились пикнуть. А что они затаили в себе, то известно только им.

Старый Пес, хотя в душе у него и поскрёбывали кошки, сказать по совести, был рад за стаю и за дочь: о лучшем приемнике можно только мечтать. Ему же судьба подарила шанс, чтобы свершить последний героический подвиг. Ради этого он обязан жить! На том и порешил.

С этого дня для Мёнгёза началась новая жизнь.

* * *

Вольная охота!

Никто не нальёт тебе жирной похлебки в миску, не подложит сладкую сахарную косточку. Занает, заурчит противным голосом брюхо - будь добр сам добыть себе пищу. Иначе ноги протянешь.

А скоро Мёнгёз стал замечать косые взгляды кызылкуртов в свою сторону. Плевать он на них хотел! А все же интересно: в чем дело?

- Мойвождь! - Только когда Рыжая обращалась к нему так, Мёнгёз смутно вспоминал, что он, кажется, является вожаком стаи. Сколько ни внушала ему подруга, что он обязан делать, - прежде всего водить кызылкуртов на разбойные набеги - все ее наставления Мёнгёз пропускал мимо ушей. Пришлось Рыжей снова взять на себя бремя предводительницы стаи, править от имени своего супруга, как до недавнего времени правила она от имени отца.

Не всем это пришлось по нраву. Сначала один, потом еще двое кызылкуртов покинули стаю и ушли искать другую жизнь.

Мёнгёз этого не заметил. Он был счастлив: Рыжая всегда рядом с ним. Когда они бежали вдвоём по расстилавшейся перед ними степи, он верил, что стоит пробежать еще немного, и

ноги сами оторвутся от земли. И - тогда... Как хотелось ему показать своей подруге всё, что он сам видел некогда из-под поднебесья. Если по небу плыли облака, Мёнгёз представлял в мыслях, что он вместе с Рыжей сидит на облаке и смотрит оттуда на землю...

А вскоре исчез Сивогривый. Следы вели в сторону гор. Но искать бывшего вожака не стали, все догадались, что он примирился со своей старостью.

Как-то раз почему-то невыносимо защемило сердце у Мёнгёза. До этого оно никогда в жизни так тревожно не изнывало, не болело ни с того, ни с сего. Уж не беда ли обрушилась на людей, которых он, Мёнгёз, - страшно произнести - предал? Но разве не так? Возможно, не совсем так. Не виноват же Мёнгёз, что тоска о Друге увела-утащила его, как пленника на аркане, в благоуханную, дурманящую до головокружения степь...

Он оставил орду и возвратился домой. Его сердце не ошиблось.

Но на этот раз, увидев пса, Джембар ага не обрадовался.

- А-а, вернулся... Жаль, что тебя не было...

Мёнгёз виновато завил хвостом. Ему тоже было жаль, но он не мог поступить иначе: нельзя заставить друга ждать тебя слишком долго. Вдруг он подумает, что тебя уже нет в живых? Ведь какая еще может быть причина, что друг не пришёл вовремя?..

- Такие вот дела, Ёлбарс, - задумчиво проговорил Джеббар ага, машинально поглаживая Мёнгёзу голову - Ночью пришла змея и ужалила нашего товарища. Вообще-то, ты ведь знаешь, змеи не трогают того, кто не сделал им нечего плохого...

Мёнгёз знал об этом. Мотнул головой в знак согласия.

- А может это друг той змеи, которую ребята нечаянно задавили машиной на дороге? Но при чем здесь Ата? Его в тот раз даже рядом не было.
- Джеббар ага недоуменно пожал плечами.

Мёнгёзу тоже невдомек.

- Да-а, Ёлбарс, будь ты здесь, не случилось бы этого несчастья. - Джеббар ага вовсе не думал упрекать Мёнгёза. Сказал без задней мысли.

Вина же, какую переживал сейчас Мёнгёз, была тем больше, чем острее осознавал он несправедливость случившегося. Что-то тут

не так. Мёнгёз превосходно знал всех змей в округе. Дружбы особой с ними не водил, но сосуществовали мирно. Неписанный закон о ненападении соблюдался строго. Чего же больше? А коли ничего другого не требовалось, жили в полнейшем ладу, не мешая друг другу заниматься каждому своим делом.

- Кто же нарушил закон? - Не замечая, что рассуждает вслух, Мёнгёз направился к старому заброшенному колодцу, что находился километрах в двух-трёх от лагеря геологов. В том колодце жила семья Кобры.

- Ш-што за ш-шалопай ш-астает тут? - услышал Мёнгёз свистящее шипение и сразу же увидел перед собой поднявшийся сам собой пастушеский посох.

Понятно, так показалось в первое мгновение. Разве палка может быть живой, да еще и разговаривать? То был молодой змеёныш. Он уже раздул свой капюшон и готов был, не раздумывая, броситься на незванного пришельца.

- С-с-стой, с-с-сынок! - Голос старой Кобры, вылезшей на шум из колодца, предотвратил непоправимое. - С-с-совсем тебя не видно в пос-

с-следнее время.

- Кобра-ханум, я спрошу, а ты мне ответь.

- Знаю о чём хочешь спросить.

- Тогда скажи, чьё это дело.

- С-с-сама ума не приложу. Но точно, что это с-с-сотворили не наши.

- Значит, один из гоклята*.

- С-с-скажу по с-с-совести, мне это неизвестно. Мы же поклялись не причинять друг другу вреда. Разве не так?

То, что говорила Старая Кобра, было чистой правдой. Значит, понял Мёнгёз, в этих местах появилось неизвестное ему змеиное семейство.

Ту же догадку высказала ему и мудрая Кобра.

- Ищи чужого, кто недавно поселился в наших краях.

- Спасибо, Кобра-ханум. - Хотя Мёнгёз не нуждался в подобном совете, но решив однажды быть вежливым, и на этот раз не отступил от правила.

- Удачи тебе, сосед!

Мёнгёз отправился на поиски. Через некоторое время его дорогу пересёк еле заметный

* Гоклята - вид змеи.

извилистый след - змея. И верно, чужая! Так бывает: отлучишься ненадолго из дома, а вернешься - там уже разбойники кровавый пир учиняют.

Ну какое там - отлучился. Мёнгёз лукавил. Правда, невольно. Когда он был вместе с Рыжей, время для них переставало существовать.

Между тем след привёл Мёнгёза к норе. Змеи там не было. Тем лучше! Затаившись в засаде, Мёнгёз приготовился ждать. Хоть целую вечность. Ждать - хоть всю жизнь! Если он не сумеет отомстить, так нет у него права жить на свете.

...Змея показалась в самую глухую и тёмную предрассветную пору. Никто, кроме Мёнгёза, не смог бы уловить чуть слышный шорох.

«Во-он ты какой!» - С подобными гигантами Мёнгёзу до сих пор встречаться не приходилось. Это был огромный полоз.

Миг, и клыки Мёнгёза вонзились в упругое змеиное тело чуть пониже головы.

В следующий миг, оторвав извивающуюся змею от земли, Мёнгёз подбросил ее вверх.

И это повторилось четырежды.

В последний раз, тяжело шмякнувшись на

землю, змея больше не трепыхалась. Глаза полоза потухли, а потом начали стекленеть.

Победа!

Одно лишь сейчас огорчало Мёнгёза: никто не видел, как он сражался с полозом-великаном. Ничего - кто не видел, тот услышит. Лапы Мёнгёза так и чесались, они готовы были хоть сейчас отнести своего хозяина туда, где его поджидала Рыжая. Но голова приказала: «Нет! Люди должны узнать, что им больше ничего не угрожает!». И хотя лап у Мёнгёза - четыре, а голова - только одна, на этот раз она победила в споре.

Выйдя рано утром из палатки, Джеббар ага чуть не вскрикнул: еще шаг - и наступил бы на огромную змею. Таких больших он в этих местах никогда прежде не встречал. Страшилище было мертво. «Умница, Ёлбарс!» - прошептал он и смахнул холодный пот со лба.

А Мёнгёз в это время нёсся по утренней, переливающейся всеми цветами радуги степи. Его ждала, изнывая от тоски, Рыжая. Мёнгёз ясно слышал её зов - немой, потому что как бы громко ни кричало сердце, его услышит только другое сердце, если тоже томится в разлуке...

* * *

Через несколько дней старый вождь кызылкуртов случайно нашёлся. Сам-то он далеко от своих не ушёл и жил, не показываясь, поблизости. А когда скучал по своим, издалека, украдкой наблюдал за ними. Увидев, что они целы и невредимы, успокаивался.

...Эту потрясающую весть принесли два щенка. В то время как стая отдыхала после очередной охоты, они с оглушительным лаем и визгом носились по холмам и долам. И... вдруг наткнулись на деда.

- Где он?

- Ведите скорее к нему!

Ах, как обрадовались все. Особенно молодые кызылкурты. Теперь они поняли, кого им не хватало, - доброго мудрого деда! Кто мог лучше его оценить их сноровку, быстроту, отвагу? И не было большей награды, чем его похвала.

Жил Старый Пёс в небольшой пещере отшельником. Питался чем Бог пошлёт. Изредка охотился. И то на мелочь. Если хватало сил. Больше довольствовался «готовой добычей». Много ли старику надо?

Он не слышал, как приблизилась стая:

дремал. Также и лай щенков до этого не нарушил его блаженных грез. Почудился ему далеким-далеким эхом.

- Отец, проснись! - Никто, кроме Чёрной Собаки, не имел права потревожить его покой.

Старый Пес медленно-медленно поднял веки. Ему не хотелось покидать страну прекрасных сноведений. И он, подумав, что Чёрная Собака тоже снится ему, снова закрыл глаза.

- Дед! - Преступив все правила вежливости, самый маленький из щенят подбежал и затормошил вкушающего сон патриарха.

И случилось чудо! Тот пробудился в одно мгновение.

- А-ах! - Вдох был глубок и протяжен.

Запах детства...

Есть ли какой другой на свете приятней? Он и разбудил Старого Пса, вернул его из смутных воспоминаний былого в сияющий день настоящего.

- Мой Жёлтенький... Коричневенький... Чудик мой... - Чуть не задыхался от радости Старый Пёс. Как замечательно, что от счастья не умирают.

Но кто по-настоящему мог понять, что испытывал сейчас Старый Пёс? Конечно тот,

кто сам жестоко страдал от одиночества. А это - Ёлбарс.

* * *

Голод нещадно терзал кызылкуртов.

«Проклятье! Почему я не напился впрок горячей крови? Сколько ее пролилось зря...» - вспоминал давнюю охоту один.

«Дай есть! Есть хочу-у-у...» - выло брюхо у другого.

Мёнгёзу тоже было нелегко. Но он забывал о голоде, когда любовался играми своих щенят. Какие они замечательные!

А между тем стая уже была готова взбунтоваться: «Чего он ждет? Почему не поднимает нас на охоту?».

Но Рыжая не торопилась: она выдерживала стаю. Пусть накопится побольше злобы. Пусть дикая кровь закипит в жилах кызылкуртов. Правда, тут опасно перегнуть палку. Важно не упустить момент, когда злобы в самый раз для охоты, но еще маловато для бунта.

«Пора!» - наконец, подсказало Рыжей чутьё. Она встала. Шерсть вздыбилась у нее на загривке. Сейчас всякий признал бы в ней грозную предводительницу. Кызылкурты обрадо-

вались: настал час большой охоты.

...Место для нее Рыжая выбрала заранее. Отменное местечко для засады: узкая горловина ущелья, где начинается спуск к водопою.

Приказав стае приготовиться, Рыжая устроилась за кустом езген-травы. Мёнгёз, ясное дело, залёг рядом и не заметил, как сладко засопел-задремал под ласковыми лучами солнца.

Попробовал бы задремать кто из кызылкуртов! Впрочем, никто и не пробовал. Все сверлили взглядами вход в ущелье, откуда вот-вот должны были показаться джейраны или архары, или... Ах, кто бы ни показался, от предвкушения славной наживы у кызылкуртов уже текли слюньки.

Мёртвую тишину нарушало лишь стреко-тание взбалмошной сороки. Но скоро и оно стихло.

Время, казалось, остановилось.

Вдруг... камешек, величиной с горошину, скатился откуда-то сверху.

«Идут!»

Так и есть. Через минуту или мгновение, не угадать, из-за скалы показалось стадо. То

были не джейраны. И не архары. Овцы... Вёл их длиннобородый гордый вожак. Он иногда на миг останавливался. Прислушивался. И, не обнаружив ничего подозрительного, мотал головой, давая знак, что можно продолжать путь...

Кызылкурты появились внезапно. Возникли как из-под земли. В мгновение ока отара была окружена. Началось побоище...

Перо отказывается повиноваться. Нет слов, чтобы описать беспощадную резню. Овцы и ягнята с жалобными криками валились на землю. Но их мольбы не в силах были смягчить каменные сердца кызылкуртов. Бойня прекратилась лишь когда жалобно прозвучал последний вопль последней жертвы.

Трава - черна от крови. О, печаль неизреченная...

Кызылкурты же, опьянённые кровью, продолжали жуткое пиршество. Некоторых уже тошнило. Но многие кызылкурты считают, что в этом - то и состоит наивысшее наслаждение.

Тошнило и Мёнгёза. Только совсем по другой причине: не мог он без отвращения смотреть на такое жуткое зрелище. «Зачем убивать столько

невинных, лишь бы ненадолго набить брюхо?» Хмурый сидел он в стороне, отвернувшись.

- Мой вождь! - Рыжая прекрасно понимала настроение Мёнгёза. Словно читала его мысли. Ясно: он долго жил среди людей и привык думать как люди. Бесполезно объяснять ему, что у стаи свои законы. Лишь бы со зла не натворил Бог знает чего! Чего доброго может сцепиться со всей стаей. Известно, чем это для него кончится. И для нее тоже. Несчастные щенки останутся сиротами.

- Мой вождь! - повторила Рыжая. Ей хотелось отвлечь Мёнгёза от этих мыслей. Подошла еще ближе, чтобы отвлечь Ёлбарса. Был и другой повод. Более чем грустный. - Зовёт Старый Пёс. Хочет попрощаться.

Пренебречь последней просьбой умирающего, кем бы он ни был, нет хуже поступка.

Когда они подошли и Чёрная Собака окликнула Старого Пса: «Отец, мы здесь», тот постарался открыть глаза. Но силы его уже иссякли. И только дрогнувшие веки показывали, что он еще жив, что они не опоздали, и он благодарен им за это.

Прощальное слово - право дочери.

- Ты был настоящим полководцем, отец! И смерть твоя - смерть великого вождя! О, если бы и я могла стать достойна такой кончины!

Слышал ли Старый Пес эти слова?

Слышал ли он клятву кызылкуртов, собравшихся вокруг:

- Ты будешь сурово отомщён, мудрый и бесстрашный предводитель! Этот поганный козёл не избежит нашей кары! Твоя душа возрадуется, когда мы растерзаем его в твою честь и память!

В тот же миг, как кызылкурты замолчали, Старый Пёс глубоко вздохнул и испустил дух.

Всю ночь напролёт сидела скулящая стая, окружив навеки уснувшего вождя.

* * *

Не заблудился ли он? Не зря ли доверился ногам, отдавшись посторонним мыслям? Вот теперь и стой истуканом, разинув пасть и вытаращив глаза! На холме ни геологов, ни их палаток. Словно ураганом сдуло.

Нет, его ноги не ошиблись. Только откуда им было знать, что их хозяин снова стал бездомным?

Обегав все кругом, Мёнгёз обнаружил всё, что осталось от геологов. В стороне валялась помятая железная бочка. Раньше в

ней плескалась густая коричневая жидкость. Поодаль лежала длиннющая погнутая труба. Зачем она Мёнгёзу? А впрочем, могла и пригодиться. В этой железке для Мёнгёза таилась смутная надежда: вдруг люди забыли эту трубу и еще вернутся за ней?

Мог ли Джеббар ага рассердиться, чтобы, не попрощавшись, оставить своего любимца одного в пустыне? Нет, не такой он человек! В душе он всегда радовался прекрасной болезни Мёнгёза. Думаете не бывает прекрасных... болезней. Ошибаетесь. Именно такая и привязалась к Мёнгёзу, отчего его сердце то сладко замирало, то готово было разорваться на части от муки. Вот и теперь, вспомнив о своей рыжей подружке, о счастливых деньках, проведённых рядом с нею, о весёлых щенках Мёнгёз так расчувствовался, что его сердце наполнилось истомой. Что стоит вернуться? Но... Нет, вольная охота не для него! Мёнгёз решил ждать возвращения людей. Ждать, сколько ни потребуется. Он выбрал местечко рядом с трубой и лёг. И забыл о времени, даже не заметил, как свет превратился в тьму.

* * *

- Гыв, гыв-ув-гыв! - Видно, даже для шакалов родина не пустой звук. Иначе зачем

возвращаться туда, откуда ушли с плачем? Ушли не ради сладкого житья в райских кущах, а чтобы спастись от голодной смерти. И вот вернулись, не вынесли разлуки с землёй предков.

- А-а, это вы, братцы? - Оглянувшись, Мёнгёз узнал старых соседей. И обрадовался. Да на радостях забыл о том шакале, чья душа по его милости вознеслась в высь небесную.

Шакалы же помнили крепко!

- Что, пёс, увидел, как мир меняется. Кто сидел в седле, вдруг оказался в пыли.

Было отчего опешить. Не ожидал Мёнгёз таких насмешек. Однако, нашёлся, притворился, что не понял, о ком речь.

- Это кто же упал?

- Зря стараешься скрыть свою худобу, пёс! Брюхо тебя выдает: рычит, как голодный волк. Миновали денёчки, когда ты ел наравне с людьми.

- Вам-то что? - хмуро огрызнулся Мёнгёз. Возразить не мог: кишки, правда урчали. Может, и не как голодные волки. Но все равно - есть очень хотелось.

- Слава Богу, теперь узнаешь, каково питаться падалью!

Такого оскорбления Мёнгёз стерпеть не мог.

- Ах, вы! - Разозлившись, что его приравняли к шакалам, Мёнгёз бросился за мелкими наглецами. А ведь только что готов был с ними чуть ли не целоваться от радости! О, наивность!.. Бедняга Мёнгёз, видно, никак тебе не расстаться с детством!

Шакалы, смеясь, бросились врассыпную. Довольны, что рассердили собаку, своего давнего врага. Такова месть шакалья!

Пронзительные голоса шакалов долго еще раздавались в ушах Мёнгёза. Чтобы спастись от них, он ушёл в степь.

Шёл, куда глаза глядят. Пока не оказался возле чабанского коша. Острый овечий запах напомнил о дяде Ягмуре. Увидеть бы его, узнать от него, куда исчезли дядя Джепбар и тётя Дуся. Не может же он не знать!..

Звуки протяжной песни, доносившиеся с коша, привели Мёнгёза в уныние. Ясно, дяди Ягмура там нет. А коли так, то и Мёнгёзу тут делать нечего. Песню же тянул подпасок. Он недавно попал в пустыню, боялся её темноты и тишины. Оставаясь один, принимался петь для храбрости. Вернее, думал, что поёт. На самом деле

мычал что-то нудное и невнятное. Куда ему до Юсупа и Лены! Даже звёзды поднялись высоко-высоко, а так как туч, чтобы спрятаться, на небе не было, светили тускло и печально. Мёнгёз тоже не испытал удовольствия. Прочь отсюда, прочь...

Возвращаясь к лагерю, вернее к тому холму, где прежде был лагерь геологов, Мёнгёз повстречался со знакомым верблюдом. Он хотел сделать вид, что не заметил его. Почему-то Мёнгёз чувствовал себя виноватым, словно не люди его бросили, а он людей. Но верблюд сам окликнул Мёнгёза.

- Те, кого ты ищешь, уехали. Два дня назад. С тех пор у моего хозяина нет настроения. Сердится по пустякам.

- Хорошо, что я тебя встретил. Иначе бы не поверил, что это то самое место, где я жил.

- Люди тебя любили.

- Правду говоришь, сосед. А не знаешь ли, где они сейчас? Мне так хочется их увидеть.

- Этого не знаю. Перед отъездом они тебя искали. Кричали на всю округу. Перед тем, как завести вертолёт, мастер Джепбар все время оглядывался, высматривал тебя. Вертолёт полетел

на восток. А где он приземлился, не знаю.

«Упустил я случай еще разок полетать». - Печален был вздох Мёнгёза.

- Прощай, сосед! - Мёнгёз вернулся к трубе и лёг. Ждал и думал. О чём? Конечно, вы догадались сами: если бы он умел лететь, как в старые времена, то быстренько догнал бы вертолёт с дядей Джепбаром и тётей Дусей, помахал бы им весело хвостом... Почему сердце вовремя не подсказало ему, когда надо вернуться?..

* * *

«Что-то задерживается мой вождь. Уж не посадили ли люди его на привязь?» - Эта тревожная дума точила душу рыжей собаки. Она же заставила ее во главе стаи броситься на выручку другу. «Как он, бедняга, мучается в неволе! Целых три дня не видел меня, наших щенят!..» Скажи ей кто, что причина другая, в два счёта нажил бы себе вечного врага.

- Ты не привязан?! - Удивление и обиду тут же сменила безумная радость. Восторг же щенков, увидевших отца, просто неопишем. Рыжей пришлось их даже приструнить. Порядок есть порядок.

Мёнгёз между тем не выразил никакого

удовольствия. Остался лежать у трубы, как лежал, - даже не шелохнулся. Точно окаменел.

- Их нет? - Рыжая легла рядом.

Ответа не ожидала. Но Мёнгёз ответил хриплым, прерывающимся голосом:

- Я опоздал. Пришёл, когда их уже не было. Но они, возможно, возвратятся. - Последнее он прибавил, как бы оправдываясь. А может, чтоб не лишить себя последней надежды.

- Может, вернутся, - негромко вздохнула Рыжая. Потом прибавила: - В той яме с тамариском есть такая же воткнутая в землю труба. Ее оставили, когда мы были еще детьми. С тех пор за нею никто не пришёл.

Кажется, мы до сих пор не отметили, какой деликатной была Рыжая по отношению к Мёнгёзу. Даже неловким словом боялась задеть его за живое. Мы не вспоминали об этом прежде лишь потому, что до сих пор не было подходящего случая. Теперь же он представился. Из рассказа Рыжей Мёнгёз должен был сам сделать вывод: жить надеждой - пустое занятие. Но, кто знает, сделал он его или нет. Мёнгёз даже не шелохнулся.

Вдруг кызылкурт, который вел наблюдение

за местностью, примчался с ошеломляющей вестью:

- Люди-и!..

Мёнгёз встрепнулся и даже обрадовался. Но потом по дрожащим ноткам в голосе дозорного понял, что его радость была напрасной. Не геологов увидел кызылкурт, а людей с огненными палками - охотников. И всем было ясно, что появились они здесь совсем не случайно.

- Кызылкурты, мы уходим! - Голос Рыжей прозвучал строго и величественно, словно сам дух великого вождя кызылкуртов заговорил устами его дочери. Потерянного - не воротишь. А потеряли кызылкурты доверие чабанов. Когда вожаком был Сивогривый, строго соблюдался закон - не трогать соседа. Все знали, что нападение на отару карается неминуемой смертью. А теперь - закон погран.

Повторять приказ дважды не потребовалось. Стая вскочила. Стояла, перебирая лапами, точно на раскалённых углях. А через мгновение кызылкурты уже бежали к холмам. Не оглядывались, не задумывались, когда еще придётся вернуться в родные места, скоро ли люди забудут про учинённое стаяей побоище?

Мёнгёз бежал рядом с Рыжей, рядом с детьми. Нет, не общая паника подхватила его и сорвала с места. Что-то другое, а что об этом сейчас некогда рассказывать. Лишь когда поднялись на вершину холма, какая-то сила прервала его лёгкий, размашистый бег.

В тот же миг Рыжая поняла свою ошибку: надо было уходить другой дорогой. Проклятый холм! Это он заставил Мёнгёза остановиться.

Да, так и было. Лишь в одном ошибалась Рыжая. Не воспоминание о сытной похлебке задержало Мёнгёза, нет. Здесь был холм Юсупа и Лены. Здесь они пели под звёздным небом. Их песня и зазвучала сейчас в ушах у Мёнгёза. Неважно, что никто ее, кроме него, не слышал. Даже Рыжая. Хотя она догадывалась, что с Мёнгёзом творится что-то необычное, и в мыслях он снова становится собакой.

- Что, мой вождь, ты почувал какую-то опасность? - Это второй случай, когда можно убедиться в деликатности Рыжей. Своим вопросом она надеялась поскорее увести Мёнгёза с этого опасного места, где с каждым мгновением он все больше становился собакой. Она знала: если превращение случится - тогда

Мёнгёза не оторвешь от родных мест никакой силой.

- Мне, кажется, я не могу уйти с вами, - признался Мёнгёз.

- Что мы будем делать без тебя?

- Уходите!

- Люди, может, никогда не вернутся...

- Какая-то сила тянет меня к ним... Не отпускает. Разве я виноват, что постоянно думаю о них.

- Как же я?

- Ты должна уйти отсюда вместе со стаей.

- Без тебя?

- Я хочу быть собакой. - И тут Мёнгёз вспомнил о своей власти вождя и пронзил Рыжую взглядом: «Разве ты забыла, что мое слово -закон?!».

Стая ждала в отдалении, нетерпеливо перебирая лапами.

- Будь здоров в тех местах, где будешь! - прошептала Рыжая.

Когда она повернулась к стае, глаза Рыжей лихорадочно блестели. Но кызылкурты были слишком перепуганы, чтобы заметить стоявшие в ее глазах слёзы.

Рыжая гордо вскинула голову и побежала. Стая в тот же миг последовала за ней.

- Уходите подальше! - Это был последний совет, который мог дать Мёнгёз. Но услышал ли кто его?

Взобравшись на холм Лены и Юсупа, он долго следил за удаляющимися кызылкуртами.

* * *

Чабан Ягмур...

Вот кого не хватало, о ком мечтал, чего бы он ни отдал, лишь бы услышать его ласковые слова!

Первый, кого он встретил в поисках отары, - знакомый пёс по имени Верзила.

- Ёлбарс, это ты, что ли?

- Как видишь.

- Да от тебя вроде волком пахнет? - Ничего не понимающий Верзила брезгливо сморщил нос.

- Ну, ты даешь! Не знаешь небось, что я теперь опять бездомный? Где найдешь свободную нору, там и живешь. Вот и привязался чужой запах.

- Недаром когда-то в детстве он был учеником лисицы. К тому же провести доверчивого Верзилу ничего не стоило.

Невежливо, конечно, обрывать на полуслове затеявшийся было разговор, но, увидев издали

возвращающегося откуда-то на ослике чабана, Ёлбарс мигом забыл о правилах хорошего тона - кинулся навстречу.

Ягмур-чабан восседал на ослике как-то уныло и, зажмурив глаза (то ли от солнца, то ли еще почему), гундосо бурчал что-то себе под нос.

Если это «что-то» он считал песней, - и слава Богу! На сей раз Ёлбарс не судил строго. Наоборот, ему очень понравилось.

- Аф, аф! - На человеческом языке значило: «Мир дому твоему, дорогой дядюшка Ягмур!»

Тот от неожиданности едва не плюхнулся из седла. Насилу удержался. Верить или не верить своим глазам, которые само собой вытаращились? Не мерещится ли? Убедившись, что глаза не лгут, он обратился к Мёнгёзу:

- А, Ёлбарс, это ты что ли... Ты - хороший волкодав. - А потом, вспомнив что-то неприятное, неожиданно разозлился:

- Ах, чтоб тебя вместе с твоей хозяйкой Дусей! - запустил в Ёлбарса посохом: благо, тот оказался под рукой - лежал перед ним на холме ишака.

«Какая змея укусила бедненького дяденьку Ягмура? - Только и успел подумать Ёлбарс, отскочив в сторону и с жалостью глядя в

сгорбленную спину удаляющегося пастуха. - В чем моя вина? Ведь я люблю дядю Ягмура».

Что мог ответить ему внутренний голос? Наверное, то было не собачьего ума дело. Иначе бы он догадался, почему добрый человек стал совсем другим - неприятным и злым. Словно его подменили.

Но мы-то ведь люди. Нам и гадать особенно не надо, почему чабан Ягмур возненавидел весь мир, в том числе и Ёлбарса.

А случилось вот что. Чабан Ягмур долго лелеял мечту: «Рано или поздно Дуся будет моей отрадой, остаток жизни проживу вместе с ней». Именно эта надежда заставляла его посещать геологов. Там он оказался и в день их отлёта. «Ну, друг, найди какой-нибудь предлог и оставь ее здесь!» - уговаривал мастера Джембара. А тот, как всегда, отделялся шуточками: «Дуся пока на работе. Вот выйдет в отпуск, тогда сам привезу её к тебе».

Едва вертолёт скрылся за холмами, Ягмур понял, что никогда в жизни не встретится с Дусей, что над ним просто потешались, что... И теперь, когда он вспоминал их, кровь прилиwała к голове, и он не мог сдерживать свою ярость. До

этого и сам не знал, что может быть таким...

- Гав, гав! - Если бы Ёлбарс обиделся, ничего бы страшного не произошло, разошлись бы себе подобра-поздорову - и делу конец. Да чутье подсказывало Ёлбарсу, что человеку еще хуже, чем ему. Иначе не припустился бы вдогонку. - Аф, аф! - Понимай оскорблённый людьми пастух собачий язык и переводить не стоило бы: «Не кручинься, дяденька Ягмур, все печали проходят. Хочешь, я тебя жалеть буду?».

Эх, ничего этого не понял Ягмур ага, снова предовавшийся в это мгновение своим мрачным мыслям.

- У-у, проклятый кабыздох! Отвяжешься ты наконец? - Взбеленился, трясущимися руками срывая с плеча берданку. - Пошёл прочь! Застрелю-ю-у!..

Ёлбарс не двинулся с места. Не верил, что Ягмур ага приведёт угрозу в исполнение? Так оно и было.

- А-а, и ты вздумал издеваться надо мной? Ну, тогда...

Глупо было дожидаться второй пули. Второй раз вряд ли дядя Ягмур промахнется. Мёнгёз

бежал, не оглядываясь. Взобрался на холм, где стояли палатки. И опять кружил вокруг трубы, которая была свидетелем прошлых дней, и жалобно заскулил. Мёнгёз понял, что он больше здесь не нужен. Вильнул хвостом на прощанье и, оставив чабана наедине с мыслями о тёте Дусе, бесшумно растаял в ночи.

Хотя Мёнгёз точно не знал, что произошло, но догадался: между чабаном и геологами отношения стали натянутыми. И еще понял, что теперь опасно встречаться с чабаном Ягмуrom. Прислонясь к железной трубе, он немного поспал. А потом в тот же день он навсегда распрощался с местом, где стояли палатки геологов. Ноги скоро увели его далеко.

Однажды перед рассветом у подножья одного холма он напал на след своей стаи. Обнюхав и выяснив их направление, Мёнгёз пошёл следом за ними...

Уловка - это хорошо или плохо?

Наверное, моя мечта увидеть пустыню весной никогда не осуществится. Как ни просил отца, он не соглашается взять меня с собой.

- Что ты будешь там делать?
- Буду играть около тебя.
- Пустыня разве место, куда ездят играть?

Я сам виноват, что он не понимает меня. Ведь мог бы я сказать, как часто он снится мне в эти весенние ночи и как радостно я просыпаюсь, чтобы тут же разочароваться: всего лишь сон! Но я не могу в этом признаться отцу - я уже почти мужчина.

Весной чабаны очень заняты: отары растут за счет новорожденных ягнят, и отец редко появляется в ауле. Мой младший братишка Язгельды даже успевает забыть его. Придет отец, позовёт его, чтобы приласкать, а он дичится, убегает к маме. За несколько дней, что отец дома, братишка еле привыкает к нему.

Правда, так было раньше. В прошлом году. Теперь брат уже бегаёт вприпрыжку по улице и хвастает: «Я скоро пойду в школу. Я тоже большой». Он любит, подражая взрослым, облакачиваться на подушку, когда пьёт чай. И,

важничая, наставляет нас отцовскими словами: «Кушать надо не торопясь... Если за обедом болтать, то поперхнёшься...». Мама согласна, чтоб он и подушку брал, и поучал нас, лишь бы не звал отца, разинув рот в небо. Каждый раз, когда это случается, мама вздыхает: «Хоть бы отец приехал, а то изведётся ребёнок...».

У меня от истошного рёва «Па-а-па-а!» тоже почему-то подкатывает ком к горлу. Наверное, жалко братишку. Он не знает способа, как почувствовать себя старше, чтобы было стыдно плакать. А я знаю.

В комнате висит папаха отца из светло-коричневой смушки. Он надевает её по приезду в аул. Когда мама с братишкой заняты во дворе, я украдкой снимаю папаху и примеряю. Из зеркала на меня смотрит высокий юноша с возмужавшим лицом и озабоченным взглядом. Такой не станет кричать в тоске «Папа!».

Подрастёт брат, и я научу его своей уловке. А еще расскажу, что помню, как однажды отец поехал в этой папахе в Ашхабад и вернулся с орденом на груди. Наш отец - хороший чабан, и его сыновья должны серьезнее смотреть на мир.

Как-то Шекер вдруг спросила меня:

- Зачем ты надеваешь большую папаху?

- Не ври! - Я почувствовал, что краснею - то ли от ее вопроса, то ли от собственного грубого и несправедливого крика.

- Я видела однажды в щёлку двери...

- Нечего подглядывать! Можно ошибиться и потом ляпнуть глупость, - гнул я своё.

Шекер, должно быть, обиделась и решила привлечь на свою сторону мою маму. Но мама, занятая шитьем, будто не слышала обращённых к ней слов.

- Гельнедже*, - настойчиво повторила Шекер, - Агадурды примерял новый тельпек отца, я случайно увидела...

Не поднимая глаз от шитья, мама тихо сказала:

- Шекер-джан, ты ведь друг Агадурды. Вы всегда играете вместе... Если друзья станут следить один за другим и принимать некоторые слабости за недостаток, их дружба не будет долгой, Коль слабость друга не причиняет никому вреда, а ему неприятно слышать о ней от невольного свидетеля, то лучше сделать вид, что ты её не замечаешь...

* Гельнедже - невестка.

Мне стало ясно, что мама давно знала о моей игре перед зеркалом, но не считала нужным осуждать это. Сердце мое было полно благодарности к ней.

Шекер посидела в задумчивости, потом немного повозилась с Язгельды и ушла домой. Наверное, поняла, что сегодня мы не сможем с ней играть как всегда.

Вообще-то она хороший друг. Всякое там сию-сию-сию, как у других девчонок, не по ней. Она предпочитает играть со мной, а не с ними. Мы бегаем наперегонки - она не уступает мне. Я начну стрелять из рогатки - и она просит своего дедушку сделать рогатку и тоже стреляет вместо того, чтобы, как другие девчонки, учиться вышивке у молодых. Мы и на речке загорали вместе до прошлого года, когда подруги сказали ей: «Ты должна купаться в нашем броде».

Мама всегда защищает Шекер, если мы ссоримся. Говорит: «Она единственный ягнёнок в семье, ты должен быть снисходительным. У нее на службе две женщины - мать и бабушка. Вот родится у Берды ага сын, и Шекер угомонится».

Наши семьи - дружные соседи. Вечером мы с Шекер часто встречаемся на тропинке между

домами с тарелками в руках: по народному обычаю несём соседское угощение от только что приготовленного ужина.

Именно с дедушкой Шекер Акмурадом ага решил я посоветоваться, как найти подход к отцу.

- Видать, ты по-настоящему хочешь в пустыню, верблюжонок, - улыбнулся Акмурад ага.

Его доброжелательное «верблюжонок» прозвучало для меня как «дитя малое». Я насупился.

- Дело это нетрудное, - положив руку мне на плечо, продолжал Акмурад ага, - несмотря на сопротивление твоего отца.

- Но ведь если я увяжусь за ним потихоньку, он вернёт меня с полдороги.

- Исподтишка ничего не надо делать, - хитро блеснул глазами Акмурад ага. - Подход к отцу нужно искать через маму. Угодишь ей - не только в пустыню, но и в Стамбул сможешь поехать.

- Как?! - поторопился я с вопросом, имея в виду, конечно, не турецкий город.

- А чтоб она не повторяла тебе дважды какие-то поручения по дому. Делай всё быстро и сразу, а сам время от времени говори: «Хочу поехать к

папе». И уж если твоя мама станет советоваться со мной, я все устрою как надо.

Акмурад ага оказался прав. Поначалу мама ответила мне: «Нечего делать в пустыне. Думаешь, отец сидит там сложа руки? Ты распустишься без присмотра. Что, разве в ауле мало места для забав? Вот и играй здесь в свои игры». Но постепенно стала смягчаться. Как-то сказала: «Посмотрим». Потом: «Приедет отец, спрошу». И, наконец, полностью сдалась: «Съезди и отвяжись, совсем надоел!».

Как она говорила с отцом, когда тот приехал на побывку, не знаю, но она уловила-таки его в сети обещания: на мою очередную робкую просьбу он вдруг ответил утвердительно!

Правда, за день до весенних каникул в школе мама всё же вспомнила, что я целую неделю буду ходить в пустыне неухоженным. А там еще эти «проклятые» расползаются по ожившей земле (так мама иносказательно называет змей, очевидно, веря в пословицу: «Если о волке речь - он тебе навстречь»).

- Вы поглядите на нее! - в сердитом изумлении воскликнул отец. - Разве не ты своими уговорами заставила меня сказать парню «да»? Что, вчера

ребенком была, сегодня выросла?

Я всегда удивляюсь, как умеет отец, не обижая словами, указать маме на женскую непоследовательность. Другие мужчины в таких случаях чаще вспоминают длинный волос и короткий ум.

На его счёт у меня сомнений не было: уж если давал слово - менять ни за что не будет. Может за делами упустить из виду, но напомним, и он сразу скажет «ага».

Когда я учился в четвёртом классе, отец обещал купить велосипед, если закончу без троек. В конце учебного года я положил перед ним табель, где были одни «четверки» и «пятерки». Отец с удовольствием рассмотрел оценки по каждому предмету и сказал маме: «Ты посмотри, что делает наш сын!». Я, конечно, сам знал, что поработал неплохо, но смотрел на него, ожидая большего, чем простая похвала. Ну, как я-то мог забыть про двухколесное чудо со звончком? Отец заметил мой пристальный взгляд, вспомнил, видно, свое обещание, и мы тут же отправились в магазин. Но велосипедов, увы, не оказалось. Я расстроился ужас как, потому что отец через два дня уезжал обратно в пустыню.

И напрасно расстраивался: он крепко наказал маме купить велосипед, как только появится в продаже. Я каждый день бегал в магазин, но мой зелёный велосипед нашёлся в соседнем ауле: его привез Акмурад ага вместе с красным для Шекер. И мы стали гонять с ней по округе...

В общем, как я понимаю, отец не пользовался никакими уловками, но все же признавал уступки. Иначе чем объяснить, что он все же согласился с доводами мамы о пользе моей поездки?

В ночь перед отъездом я долго не мог заснуть. Со мной всегда так: стоит ли отцу появиться дома, или бабушке приехать к нам в гости - не могу унять дневного волнения. И еще я лишился сна, когда к этому новому году директор школы премировал меня книгой за успехи по литературе и языку.

Завтра исполнится моя мечта: я увижу пустыню...

Нужно ли нарушать тишину?

Рано утром у дверей нашего дома лежал на брюхе верблюд. Отец навесил на его бока переметные сумы-хурджуны, наполненные

необходимыми вещами и домашней едой, посадил впереди меня и сел сам. Короткая команда, и верблюд, покачиваясь, встал.

- Если он соскучится и станет хныкать, пришлѐшь его с попутной машиной, - торопливо сказала мама, прижимая к глазам платок.

- Посмотрим, - ответил отец. - Будьте здоровы!

Какое там хныкать! Что за странная мысль пришла маме в голову? Глядя сверху вниз на завистливо округлившего глаза братишку, я чувствовал себя великаном, которому всё по плечу. Наш дом присел передо мной, дружелюбно распахнув крышу, я мог похлопать по ней ладошкой. Разве великан позволит себе хныкать? Прощай, детство, вон какой я - ого-го-о-о!..

И вот уже аул внизу. Холмы, по чьим горбам взбирался верблюд, еще больше увеличили мой рост. Я видел всё-всё вокруг: обросшие ивами голубые извивы Мургаба, разбросанные тут и там по берегу дома, квадраты участков-меллеков с муравьиными фигурками людей, развалины старой крепости на холме среди поля, усыпанного цветами...

Почему-то вспомнилась легенда о шахской дочери и юноше-чабане. Вот так же весной она вышла со служанками на поле собирать ранние цветы. И вдруг услышала грустную мелодию. Поодаль на дудочке-туйдуке играл молодой пастух. Жалкий бедняк, которого и близко не подпускали к шахским покоям, стал властелином чувств принцессы, обласкав ее сердце божественной музыкой. Чтобы задержаться здесь, девушка порвала свои бусы из десятков мелких монет, и, проливая непритворные слезы, вызванные печальной мелодией, долго искала монеты в траве...

И я уже чувствовал себя не великаном, а певцом-бахши, потому что при виде открывшегося передо мной простора из груди рвалась песня, хотелось громко кричать от беспричинной радости.

А история с шахской дочерью, наверное, и вправду была: не зря же крепостной холм и сейчас называется Монетным. Однажды близнецы Гельды и Курбан нашли там шесть кругляшков с полустёршимися знаками. Прибежали домой, показали «клад» матери, а та завернула их обратно, сказав, что вещь,

которая потеряла своего хозяина, им не пойдёт на пользу. На улице Гельды предложил мне две монетки, остальные, мол, они уж так и быть бросят, где взяли. Жалко было расставаться со старинными денежками, но у моей мамы языка, что ли, нет? Она, уверен, сказала бы то же самое.

Аул уже позади, мы будто глубже и глубже погружаемся в тишину пустыни. Ни ветерка. Кусты, похоже, тамариска задумчиво застыли. Вон там дно оврага заросло ериантусом. Я его сразу узнал, потому что в ауле мы любим грызть его сладкие молодые побеги. Узнал я и дикий лук, и эпилозию, но было много растений мне незнакомых. Отец в коше, конечно, расскажет мне обо всём новом, что там встретится. Да я бы и сейчас мог задать ему вопрос, но спрашивать неинтересно, лучше, когда разговор непринуждённый, тогда отец больше вспомнит любопытных подробностей.

Сбоку послышался свист. Я повернул туда голову, но никого не увидел. Свист повторился. Суслик! Белесый фартук его живота возвышался над кучкой свежевыкопанной земли. Тогда и я свистнул.

Важничающий зверёк тут же панически юркнул в нору. Наверное, сигнал показался ему враждебным.

Видно, в тишине пустыни все чужеродное воспринимается как опасность. До самого конца я не нарушал царственного покоя песков.

Стоит ли задираться, чтобы потом проявить выдержку?

Палатку чабанов я увидел издали. Она была похожа на кузовную машину, остановившуюся на склоне с заглухшим мотором. Длинный склон кончался коньком крыши, которую как бы и представлял собой довольно высокий холм. Отец предложил слезть с верблюда и добираться до коша своим ходом. Так мы и сделали.

Сама палатка стояла не на склоне, как показалось снизу, а на широкой пропешине, вытоптанной овцами. Отара собралась чуть поодаль, под скалистым выступом, и все головы, словно по команде, были повернуты в мою сторону. Выпялились, будто век человека не видели!

От гурта отделился большой круторогий баран и, подойдя ко мне, затопал передними

копытцами. То ли удивить хотел, то ли напугать. Не обнаружив в незнакомце ни страха, ни удивления, спокойно вернулся к отаре. А может, он угадал во мне сына своего пастуха и именно таким театральным способом выразил свое почтение?

С черноухим верблюдом, лежащим на привязи у вбитых в землю двух шестов с короткой поперечиной, мне знакомиться не надо: приходя с отцом в аул, он всегда пользовался моим гостеприимством.

Из-за палатки вышел здоровенный, с телёнка, рыжий пес и уставился на меня грозным взглядом.

- Гаплан, жив-здоров? Все ли овцы целы? - Отец, конечно, не ожидал ответа на свой вопрос, он просто поздоровался с собакой.

Пес с красноречивой кличкой “Тигр” нехотя отвел от меня злущие-презлущие зрачки и чуть наклонил голову, как бы кивнул отцу. Нет, не по нраву я ему. Если б не отец, наверное, растерзал бы тут же. А за что? Сузил я, что ли, мир, в котором он властвует? Не собираюсь я с ним соперничать.

Из палатки вышел помощник отца, Йомуд, за

ним - нанчи-баран. Нанчи, как добрая собачонка, подбежал ко мне и уткнулся носом в ладони. Возможно, ждал угощения, но я не был готов одарить его чем-либо вкусненьким. И с этим, значит, подружился.

О чутком и покладистом характере нанчи-баранов я знал из рассказов отца. Они ночуют вместе с чабанами и днём не раз наведываются в палатку. Не случайно их называют «будильником»: один из пастухов на ночь привязывает нанчи к своей руке. Если отара без команды снимется с места, нанчи тут же бросается за ней и будит чабана.

Когда отец только начинал подпаском, он решил, что живой будильник нужен тому, у кого глубокий сон, а он, мол, и так просыпается по малейшему шороху, и, в отсутствие старшего в коше, перестал привязывать к себе нанчи. Однажды проснулся - нет отары. Ни рядом, ни вдали. Целый день убил, чтобы найти ее щиплющей во влажной впадине только что проклюнувшуюся травку. «Ну, так бесшумно ушла, вот как волос из теста вынимают, - вспомнил отец, и по прошествии лет удивляясь способности овец и своей переоценке

собственных возможностей. - Тогда-то я понял, что навыки предков рождены не зря, пренебрегающий ими вредит делу...».

Опыт старших полезен, верно. Меня в этом еще раз убедил Акмурад ага, так чудесно устроивший мою поездку в пустыню. И я решил прощупать Йомуда насчёт Гаплана. Чувствовал, будут у нас с ним осложнения, и если хочу здесь спокойной жизни, значит, должен наладить контакт со свирепым псом. Спросил не напрямую, а увидев еще двух собак коша: какая из трёх самая умная и храбрая?

- Обрати внимание, Бек ходит за отарным ослом, как привязанный. - Йомуд показал на чёрного пса. - А джигита ведь узнают по другу. Да и имя говорит о многом. Люди из породы беков тоже ведь не утруждают себя работой. Зато острый нюх - первым даёт знать о появлении волка... Серая спит очень чутко, и в скорости ей нет равных. Это помесь собаки с волком. Она всегда идёт впереди отары на расстоянии звука. Быстрота бега объясняется ее сложением. Ты заметил, она похожа на гончую?.. Но настоящий смельчак у нас - Гаплан. Воистину тигр. Он нелюдим, но стоит подобраться к отаре волку, вот

тогда увидишь его силу. Те двое к хищнику и не подступятся, будут кружить, поднимая задние лапы у каждого куста, и скулить. Гаплан подойдёт и решит вопрос, будто спичку переломит. Но... стареет, бедняга, слепнуть начал...

Очень тепло говорил Йомуд о Гаплане, что называется, раскрыл мне глаза на все его достоинства и недостатки, и я твердо решил добиться расположения рыжего страшилища.

Я нет-нет, да и приближался к его лёжке, но когда переступал какую-то черту, ведомую лишь ему, он с коротким тихим рыком скалил огромные клыки. Этого зачаточного рычания хватало, чтобы я поворачивал лыжи назад. Всю оставшуюся половинудня я его как бы не замечал, пытаюсь уловить хоть каплю интереса к себе. Но подслеповатого волкодава, как я убедился, моя особа нисколько не занимала: он просто ни разу не взглянул в мою сторону.

А на утро отец раным-рано поднял отару и не стал меня будить, пожалел. Йомуд уехал на день в аул. Мы оказались в коше вдвоем с Гапланом. Ну, ещё черноухий верблюд, но о нём что говорить? На его помощь я в случае нужды не рассчитывал.

Умывшись, я прислонился к чугунку с

углями и, выковыривая ножом кусочки мяса из сала в эмалированном ведре, стал раздумывать под ленивое жевание, как же мне приручить высокомерного компаньона. Гаплан лежал в тени скального выступа, не обращая на меня никакого внимания.

Постепенно созрел план. Он высокомерен, а мне чего чиниться? Попробую подлизаться. В конце концов он прав: мы не равны. Я должен склониться перед его мощью и силой. Уступить старости, если хотите.

Развернув скатерть-сачак, где лежали чуреки, напечённые мамой, отломил большой кусок и снова завернул, вспомнив наказ отца, что у раскрытого сачака найдётся хозяин, да не один - ящерицы, жуки, суслики, короче, любителей дармового хлеба в пустыне много.

- Гаплан мой - храбрая собака... И волка не боится..., и тигра не боится, - приговаривая вот так, я потихоньку подходил к нему. У нас в ауле многие собаки любят ласковые слова.

Подойдя на бросок, кинул кусочек чурека к собачьей морде. Потом ещё и ещё. Гаплан с сытой неохотой понюхал逼近ющий кусок и уставил на меня жёлтые глаза. Если бы он начал есть, это бы значило, что недалеко и до полного доверия. Потом я глажу его по спине, а следующий этап в

дружбе - забираюсь на него.

Под эти приятные мысли о персональном коне в пустыне я сделал еще два шага, льстиво выпевая: «Гаплан мой - сильнее льва...». То ли черту запретную переступил, то ли перехвалил, но пес ошетинил загривок и рывкнул оскаленной пастью. Сердце моё ушло в пятки, и не желая показывать это противнику, я тихо-тихо попятился назад.

Выйдя из опасной зоны, я сам неожиданно расвирепел. Подумаешь, гроза волков! Я что, себя ниже ценю? Дрожа от мстительного чувства за свое малодушие, обошёл палатку и возле каких-то длинных узких ям - для ловли ночных зверей, что ли, вырыты, как рассказывается в учебнике про древних охотников, - подобрал всякие отбросы: консервную банку, обломок кирпича, даже бутылку из-под масла нашёл.

С неё я и начал артобстрел. Когда, подпрыгивая, бутылка покатила к Гаплану, его будто взрывом подбросило с земли. Он прижал мой «снаряд» лапой и цапнул зубами. Та же участь постигла и кусочек кирпича. А консервная банка еще была в воздухе, когда пёс, поняв, что причина его беспокойства не в летящих предметах, а во мне, метнулся в мою сторону.

Я и «мама» не успел подумать, как оказался верхом на верблюде, благо он стоял сегодня у перекладки. Что помогло мне прям-таки взлететь по коновязи, ума не приложу. А ведь и в расчёт не брал черноухого.

Гаплан подступил разумнее, чем я. Он не стал бросаться на меня, а спокойно улегся у ног верблюда, как бы говоря: «Если ты обойдешься, сидя на горбатом, то и я обойдусь, не мстя тебе».

Испуг мой утих, и я с верхотуры принялся разглядывать окрестности. Стало понятно, почему отец выбрал для коша такое место: отсюда можно было пасти стадо глазами - взгляд обнимал безмерный травяной простор вокруг приземистых нижних холмов. Под лёгкими порывами низового ветра поле перекашивалось изумрудными волнами разных оттенков, от самых ярких до зеленовато-седых, и походило на беспокойное озеро. Отец, видно, оберегая ближнее пастбище, увёл отару далеко-далеко. На глаза попадались только редкие купы ериантуса, похожие на лениво пасущихся коров.

А день был сегодня словно летний - весь сиял. Сквозь прищуренные веки я понаблюдал за солнцем, катящимся по небу, как лепешка

сказочной Акпамык, потом - за тенью от верблюда, которая все уменьшалась и уменьшалась...

В ауле сейчас жарко. Наверное, ребята купаются. Я представил наш Глубокий брод и себя в кругу друзей. У каждого в руках чурек, который еще вкуснее, если размочить его в речной воде. Песок и река, жар и прохлада - сколько раз за день мы меняли одно на другое! Весна и осень! А что это такое? Для аульских ребят лето начинается, когда входит в силу солнце, несмотря на время года, и тянется до холодов. На берегу не бывает только тех редких пай-мальчиков, что боятся простудиться. И часы бегут быстро в компанейском веселье, не успеешь оглянуться - вечер.

А вот когда ждёшь...

Уже и Гаплану надоел его караул - замучили мухи. Он лязгал зубами вдоль своих боков, встряхивал передними лапами, морщил шкуру - ничего не помогало.

Соревнуясь с ним в выдержке, я подумывал и о вариантах побега. Что, если бы верблюд оборвал верёвку? Тогда мы этого кровожадного увальня оставили бы в дураках. Если горбатый

наберёт прыти, за ним не то что собака, и скакун не угонится. Однажды верблюдопас Овездурды поскакал за двумя покинувшими стадо верблюдицами. Он даже не смог окунуться в пыль от их ног, а конь его считался самым резвым в ауле.

Нет, не откликается черноухий на мои подталкивания. Жуёт свою колючку и не возьмёт в голову, почему я прилип к его спине.

На горизонте проехала машина, я замахал рукой, что, конечно, было смешно на таком расстоянии, но нечто похожее на отчаяние Робинзона, незамеченного с проходящего судна, испытать пришлось.

Другое порадовало: тень от верблюда сползла с Гаплана, и солнце вынудило-таки пса убраться под навес в скале. А может, это хитрость опытного потрошителя волков? И он ждёт, когда я слезу со своей стремянки? Назло ему я не покинул спасательные горбы, пока не вернулся отец с отарой. И очень гордился проявленной выдержкой.

Правда, если бы я не встал на тропу войны с собакой, которой до меня не было никакого дела, не пришлось бы и терпеть. А?..

Что напоминает дождь?

Дождь идёт...

Когда идёт дождь при нахмуренном небе, у меня портится настроение. Чувствую себя неудобно, будто в гостях у незнакомых людей. Плачущие облака, намокшая одежда, вокруг всё серое - бр-р-р, неприятно.

Осёл вон и тот стоит съёжившись, словно хочет уместиться под своим седлом, как под зонтом. Сидящая далеко впереди отары Серая похожа на промокшую курицу. Собака, по моему, тоже не очень-то жалуется такую погоду, и, если бы не овцы, как ни в чём не бывало пощипывающие траву и нуждающиеся в охране, она бы давно нашла себе укрытие.

Вот что я люблю, так это дождь при солнце. Мне кажется, светило смеётся до слез, глядя на меня, и самому становится радостно, хочется не пропустить этот миг веселья. «Миг» - потому что нельзя смеяться долго, скулы заболят. Когда я был маленьким, всегда бегал под солнечным дождём, взбрыкивая, как козлёнок. Теперь одно из любимых моих занятий - задрать брюки выше колен, побродить после такого дождя по сверкающей каплями траве. Намокшие баш-

маки напоминают детство...

Часто из мокрой травы тебе выставляет шляпки грибная семья. И опять пожалеешь, что нет с собой лукошка, и снова выручает подол рубахи.

Славные, тихие минуты сопровождают солнечный дождь...

Когда с тёмного неба льётся затяжной дождь, я чувствую себя всадником, все более удаляющимся от своего аула, от мамы, от друзей, от всего любимого.

Сегодня снова идёт дождь...

Отец принёс в хурджуне что-то жалобно мекающее, и я сразу забыл о дожде. Ягнёнок! Он родился в поле!

Еле дотерпел, пока его вытащат на свет, и прижал к груди. Маленький серый комочек голосом звал мать. Мог ли я, только что представивший себя одиночкой, которого унылый дождь отделяет от материнского тепла, не посочувствовать малышу? Да и найдутся ли такие, что не захотели бы приласкать увиденного на улице ягнёнка, погладить по его завиткам, по мордочке!

Правда, пострелята не всегда отвечают

взаимностью. При их склонности к игре они пугливы и, чуть протянешь руку, убегают вприпрыжку за спину матери. Остаётся смотреть, какие забавные пируэты они выделывают в погоне друг за другом.

В ауле, когда в дом вносят из хлева новорожденного ягнёнка, за ним тут же вбегает и овца. Она не успокоится, пока ее чадо не уткнётся ей в живот. А за моим неожиданным гостем никто не шёл, и снаружи не было слышно голоса тоскующей матери.

Оказывается, Йомуд искал ее сейчас в отаре, чтобы привести на принудительную кормёжку к новорожденному. И лучше бы он этого не делал. Не видел бы я тогда, как вырывается из чабанских рук овца с одним желанием - вернуться в стадо. На ягненка она и не глядела, какая уж там забота! Будто серенький не родной ей, а так, седьмая вода на киселе.

Во мне всё клокотало от возмущения. Но запарившийся Йомуд не отпустил ее, не сказал: «Иди. Что найдёшь - твоё», как говорят в досаде отчаявшиеся на уговоры взрослые своим доросшим до показной самостоятельности

детям. Овца зря старалась выскользнуть из крепких. рук: её ждала одна из ям, которые я видел за палаткой. Это, оказывается, не ловушки для зверья, а овчарни, специально для таких вот малосознательных, которые не признают своих детей. Овца не может здесь развернуться или удрать, и ягнёнок, как правило, все же заставляет ее выполнить долг кормилицы.

Йомуд с помощью отца затолкал упирающуюся овцу в яму. Туда опустили и ягненка. Очень хотелось посмотреть, как он начнёт есть, но... Шёл дождь, и меня отправили в палатку. Пока я, переодевшись, ставил воду к чаю и помешивал на огне каурму, пришел отец с Йомудом.

Когда мы поужинали, уже совсем стемнело, и отец сказал, что я ничего не разгляжу в яме, пора готовиться ко сну. Сам он лёг в углу палатки, а мне постелил ближе к печке. Йомуд угостил барана-нанчи любимым лакомством - черствым чуреком, и они вместе устроились у входа. В палатке было тепло, дождь со своими заботами остался на улице и ярился на нас, не в силах проникнуть сквозь брезент. Его струи тревожными упрёками падали на палатку,

шуршали по стенам. А временами он в сговоре с ветром пытался приподнять наш шатёр, но - увы.

Мне было не видно тяжёлого неба со жмущимися друг к другу облаками, но я знал - они есть. Я не видел и наших собак, но знал - они стоят на постах вокруг отары. А вот что с моим беспризорным другом-ягнёнком? Признала ли его мать? Накормила? Не мокнет ли он под холодным дождём? Сердце мое было там, в узкой яме. Хорошо бы проснуться раньше всех...

Но встал я не первым. Дождь прекратился, и Йомудасотаройнебылопоблизости. Лишьвзагоне остались овцы с ягнятами. Отец кормил собак. Забыв умыться, я бросился к яме. Ягнёнок тихо без жадности сосал молоко. Овца с тоской водила глазами по сторонам, наверное, прислушивалась, где отара. Подошёл отец, обронил: «Угу, эти в порядке», - и вытащил пленников на волю. Значит, он тоже волновался, не останется ли ягнёнок сиротой при безмолочной матери. Тогда его пришлось бы кормить у других маток, а это сложнее.

Перевоспитавшейся овце явно хотелось побыстрее соединиться с товарками в загоне и

поболтать о достоинствах своего отпрыска, но она сдержалась. Дождалась ягнёнка, который говорил: «Ме-ме, и я с тобой!», и повела его, не торопясь, к таким же лопоухим, чтобы он почувствовал себя членом большого овечьего коллектива.

**Говорят: собака - друг человека.
А разве человек не должен быть
другом собаки?**

На этот раз я не проворонил рассвет и всем своим видом показывал, что готов вместе с отцом и Йомудом следовать за отарой.

Не оставаться же еще на день в обществе угрюмого Гаплана, то и дело ожидая расплаты за давний грех?

Но отец сказал, что путь стаду предстоит дальний и лучше мне остаться в коше.

- А ты, Йомуд, смени-ка сегодня посох на ружьё да поищи того шакала, в зубах которого осталось мясо ягнёнка корноухой овцы. Помнишь, той, что принесла в прошлом году двойняшек? - Йомуд кивнул. - Надо с ним побыстрее рассчитаться, иначе он доставит

нам хлопот. Сдаётся мне, нора его где-то поблизости.

Отец говорил мне, что его помощник меткий стрелок, поэтому, значит, и поручает ему это дело. Йомуд отбросил в сторону чабанскую палку и скрылся в палатке. Высунувшись вскоре с двустволкой в руках, он обескураженно обратился к отцу, который уже седлал осла:

- Рахман ага! Нет на месте... Этого...

- А! Это есть! Подними мешок с солью - найдёшь.

Как они понимают друг друга - с полуслова! Да и я догадался, о чём речь: отец спрятал от меня патроны, чтобы, не дай Бог, не бросил их в огонь. Что я, маленький, что ли?

Когда Йомуд вышел с заряженным ружьём, я, будто ничего не жду от этой жизни, копал землю носком ботинка.

- Идём, Агадурды, вместе пойдём, - понял он моё настроение.

Дважды повторять мне не надо было. Я подбежал к нему, жадно разглядывая двустволку.

- Не боишься звука выстрела? - спросил он.

- Если неожиданно, могу вздрогнуть, - честно

ответил я.

Йомуд бросил на меня внимательно-весёлый взгляд. Должно быть, ему понравилось, что я не старался казаться лучше, чем есть на самом деле.

Мы довольно долго шли по холмикам, я острым взором охотника окидывал окрестность, но по виду Йомуда нельзя было сказать, что он стремится увидеть шакала - он больше смотрел себе под ноги. Конечно, взрослые считают, что они нас должны учить, и обижаются на советы младших. Так что помолчу уж.

Пошёл песок, и я тоже невольно уткнулся в него взглядом, выбирая дорогу. Сыпучая поверхность вся в перекрещивающихся чёрточках и каких-то пятнах, как альбом для рисования моего братишки. Вон след желтопузика! В нашем ауле их можно встретить на каждом шагу. Мой одноклассник Абдулла иногда приходит в школу, подпоясанный желтопузиком, чтобы девчонки в сладком ужасе заверещали: «Ах, какой удалец!». Но у желтопузика и яда-то нет. А вдруг я пересёк след ядовитой змеи, и она подстерегает меня где-то впереди? По коже поползли мурашки. Но я

быстро успокоился, вспомнив газетную статью, где говорилось, что в нашем этрапе обитают двадцать два вида змей, известный змеелов Орлов ежегодно вывозит их отсюда мешками, но я что-то не слышал в ауле об укушенных. Говорят, если не трогать ядовитую гадину, и она не тронет...

Из-под ног то и дело брызгали прочь ящерицы, но вот следов, напоминающих собачьи, я не углядел, и как открытие, пришла в голову мысль: «А ведь шакал похож на лису! Может, он свои следы замечает хвостом?». Я поделился ею с Йомудом. Тот только улыбнулся, искоса взглянув на меня.

Он часто так улыбается, не давая понять, подтверждает ли соображение собеседника или отрицает. Вчера, нет, позавчера, когда он в дождь вернулся из аула, я за чаем обратил внимание на шишку у него на лбу. Небольшая такая, как альчик, которым мы играем с ребятами. Я не удержался: «Дядя Йомуд, откуда это у тебя?». И он вот так же мило улыбнулся, скользнув по мне весёлыми глазами. Ответил за него отец: «Сынок, в ауле, в гостях, он забыл, что находится не в коше, и решил налить себе сам

супу. Тогда одна тётя обиделась: «Кто ты такой, чтобы отбирать мою заботу!» - и шлепнула его ложкой». Йомуд опять улыбнулся. Возможно, отец пошутил, но я почему-то решил не уточнять, где правда. Это личное дело Йомуда, верно?

Тут из-за куста вдруг залаяла собака. Рядом с ней оказалась недавно разродившаяся овца с чёрненьким ягнёнком. Обходя эту троицу, Йомуд поднял ружьё. Собака яростно заметалась туда-сюда, залиvistый лай перешёл в злобный хрип, но своих подопечных она не бросила.

- Ты видел, что она делает, - спросил Йомуд, когда мы миновали куст.

- Видел.

- А понял, что она сказала, когда я нацелил ружьё?

- Нет... - я пожал плечами: что за шутки?

- Она сказала: «Вашей доли здесь нет. Если захотите отобрать, не отдам, хоть умру». Знай: это очень хорошая собака. Никчемная убежала бы от ружья, подняв хвост. Наверняка собака Сары Лысого, его отара должна быть неподалёку.

Сколько я видел собак, и все разные. Как люди... Но и шакалы бывают с чужинкой, вспомнил я вдруг. Обычно они убегают при

виде человека, а вот тот шакал, который встретился Язджуме Махи, проявил себя храбрецом. Правда, потому, наверное, что Язджума трусил. Он нарезал у реки камыш для крыши сарая и на обратной дороге наткнулся на шакала. Бросил вязанку и с криком: «Ой-ой, вай-вай!» - мы с Сапаром купались и слышали - пустился наутёк. Позорное бегство человека взбодрило шакала, и он кинулся вдогонку. Я как представляю вжавшего голову в плечи, отмахивающего назад серпом Язджуму, так хохочу всегда. Но надо же было случиться, что в очередном скачке шакал налетел-таки глазом на серп. Это дало потом возможность Язджуме похвалиться: «Этот бешеный как набросится на меня, а я как дам ему серпом по морде, он - брык, и тут же дух испустил». Мы с ребятами бегали смотреть труп, пока Аман ага из Калтахара не засыпал его песком.

Мы успели к полуденному чаю в коше Сары ага. Лысым его называют, конечно, только за глаза, хотя голова его и впрямь как голая коленка. А шутник, оказался, с ним всё время держи ухо востро.

Протянув мне руку, он сказал:

- Дай пять. - Тряхнул мою. - Ты в каком классе учишься, батыр?

- В пятом. - Я сделал вид, что не заметил подтрунивания.

- А в каком классе наша Айпарча?

- Айпарча Сарыева? - Я сразу вспомнил девочку, которая сидит на третьей парте в ряду учителя и носит платья с красиво вышитыми воротниками.

- Та самая, сынок. Эта Айпарча Сарыева - мой чертёнок.

- В нашем классе.

- А-а, хорошо-хорошо. Тогда ты, парень, будешь нашим зятем?

Ну, уж это слишком! Я опустил загоревшееся лицо.

- Ты ее за косы не дергай, молодец. Знаешь, как теперь повысилась ценность девушки? Будешь хорошим сейчас - в будущем это твоей заслугой обернётся.

- Не смущай парня, Сары ага, - вступился за меня Йомуд и взялся за ручку закопчённого кумгана. - Давай, браток, подолью тебе чаю. Хозяин, видно, к зиме приготовил запас каурмы, уж больно солона. Обопьёшься потом.

Он налил чаю в мою пиалу с жареным мясом, превращая второе блюдо в первое - суп с плавающим жиром.

Бойкий Сары ага не остался в долгу.

- Насчёт соли, браток. Подобный тебе тупица... то есть, я хотел сказать, такой же, как ты, подпасок есть и у меня. Попросишь принести халат-дон - несёт казан. Это мясо - его рук дело, будь оно неладно.

Йомуд понял, что разговор краем коснулся и его, улыбнулся и почесал затылок. «Неужели опять ограничится своей непонятной ухмылкой?» - подумал я. Ан нет...

- Сары ага, - продолжая мягко улыбаться сказал Йомуд, - мне кажется, чабаны похожи на свекровей. Как тем всегда не нравятся невестки, так вам - подпаски... Ешь, браток, - кивнул он мне успокаивающе, - Сары ага не может испортить нашего аппетита.

Хозяин открыл рот, выпучил глаза и... громко захохотал, схватившись за тугой живот...

- Дай пять! - пробормотал он, наконец, сквозь слёзы и шлёпнул ладонью о ладонь Йомуда.

Отходчивый, понимает шутки и других. Мне стало легко в компании этого толстяка.

Из дальнейшей беседы выяснилось, что Сары ага на днях отплатил шакалу, загрызшему нашего ягнёнка, и нору его засыпал. Йомуд рассказал о собаке, которую мы встретили. Да, это его собака, но хозяин и не подумал бежать на указанное место. Наоборот, теснее прижался к внешней стенке палатки - «Если в спину дует ветер, я чай не признаю» - и принялся рассуждать о своем верном стороже:

- Говорят, если животное не похожа на владельца - это несчастье. Мой Бойнок такой же жесткий, как и я. Десять дней не приду к нему - все равно не подпустит к овце никого. Я этот род хорошо знаю. С его бабушкой-прабабушкой познакомился еще в войну, только в пески тогда пришёл. Байрам ага был моим пастухом. Старый-престарый, еле ноги передвигал, и то лишь потому, что весь народ в большом несчастье находился. Однажды загнали с ним овец за загородку, сели пить чай. И тут к собачьей миске побрела, качаясь, старая сука. Чабан расстроился и замолк. А потом запел вполголоса: «Достигнешь горы, скажи: счастливое время прошло...». Чем я мог его утешить? Да... В тот же день, после полудня, он дал мне в руки

тарелку с трещиной и сказал: «Отведи старую собаку к тем холмам, а это поставь перед ней». Я и не задумался, что к чему, молодой был, глупый. Выполнил поручение. Утром пришлось мне седлать верблюда и ехать в аул, уж и не помню, по какой причине. Вернулся через неделю - нет старой собаки в коше. Побежал к месту, где ее оставил, а она лежит возле треснувшей миски остывшая. Как говорится, умерла на посту... Бойнак - ее потомок. Да... - Сары ага задумался, видно, о прошлом и вдруг блеснул в мою сторону хитрыми глазами. - А на днях у него потомство появилось, целых пятеро: куцая сука ощенилась...

- Я так и заёрзал на месте: ужас как захотелось щенка. Сары ага заметил это, но вопрос обратил к Йомуду:

- Вам не нужна собака? - И тут, хитрец, равнодушно бросил в сторону: - Вообще-то, в ауле многие просят привезти щенка.

- Мне нужен! - невежливо опередил я ответ Йомуда.

- Если нужен, зять, подожди дня два-три, пусть откроют глаза. Я вам сам сообщу.

Как ни хотел я сдержать радость, не мог. Сары

ага посмотрел на меня с завистливой улыбкой.

- Что можем, надо делать для детей. Ты гляди, Йомуд, как радуется наш зять. Да подари нам сейчас кто-нибудь ключи от «Волво», мы не обрадуемся так, как он.

- А в тот день, когда у тебя родился внук, какого барана отвалил ты Гарли Ферме за эту весть? - ядовито-ласково спросил Йомуд. - Если ты не обрадуешься, Сары ага, из тебя, и копейки не вытащишь.

- Человек только тогда человек, когда хорошему радуется, а плохому печалится.

- Значит, пока мы оба принадлежим к людской породе, - примиряюще сказал Йомуд.

Но Сары ага не мог успокоиться, коль разговор зашёл о внуке:

- Малыш уже знает много слов. Щебечет: «Я дедын сын». Как приду, с рук не слезает. А когда без меня плачет, говорят, орёт: «Я к деду хочу!».

Чувствовалось, о своем «языкастом звоночке» Сары ага может говорить бесконечно. Но Йомуд, поблагодарив за гостеприимство, встал. Нас ждали дела в своем коше.

На обратном пути Йомуд лишь раз помянул имя Сары ага:

- Ты, небось, решил, Сары ага только тем и

занимается, что разговоры разговаривает? - Он скосил на меня улыбчивый взгляд. - Потому, думаешь, он и лысый, как древний мыслитель Сократ, что копит много баек для гостей? Он, действительно, лысый, самый лучший лысый из всех, каких я встречал. Хотя... говорят, любит прятаться под мостом, чтобы пугать лысиной проезжающих ослов.

Мы долго вместе хохотали над этой шуткой.

Отец с отарой еще не вернулись. Йомуд, вымыв казан, занялся приготовлением пищи. Я начал таскать к очагу полешки саксаула из кучки у скалы. И странно - без боязни ходил на глазах у Гаплана. И он не делал попыток броситься на меня, поминая старое. Незлопамятен или, может, включил уже меня в число тех, кто имеет право подойти к отаре, участвовать в хозяйственных делах коша?

**«Да» - и вправду не то же самое,
что «мм-да»?**

Наконец-то мы идём с отцом, рядышком, за отарой!

Овцы пасутся на ходу, рассеявшись по холмам. Временами до нас доносится звон

колокольчика идущего впереди вожака. Последними, кучкой, пасутся старые овцы, начавшие тощать. Иногда отец кричит: «Эй-хей!» - и передняя часть отары дружно откидывается назад, давая возможность слабосильным догнать себя. Овцы приучены к командам чабана, иначе за день так набегашься, что ног под собой не почувешь.

Я вдруг обратил внимание, что не вижу ящериц, в изобилии попавшихся мне вчера. Почему так? - спросил я отца.

- Покойный Аганияз ага говорил: овцы - как пожар, где они пройдут, не будет ни змей, ни ящериц. Ещё слышал я, что эти холонокровные не переносят овечьего запаха. Вот почему отара может день и ночь находиться в поле, а редко кто из овец страдает от змеиного яда.

Ну, раз отец вспомнил своего первого учителя Аганияза ага, он не ограничится этим коротким замечанием: в нём жива благодарная память юности. Так и вышло. Хотя начал он по случайному поводу:

- Вон, видишь куст с набухшими почками? Это саксаул. Здесь он встречается редко, а в белых песках его много. Осталась неделька-

две, и он начнёт цвести. Да как! Просто глаза разбегаются. Зимой он виден из-под снега, тогда нет ценнее пищи для овец... Аганияз ага любил повторять, что в степи есть любые лекарства от болезней животных, надо только знать их. Вот ходишь и смотришь, где что растёт, запоминаешь. Когда-нибудь пригодится. Например, полынь вылечивает от глистов. Это ранняя трава. Через пару холмов отара выйдет на неё, я тебе покажу. Если у овец расстроился желудок, их надо попасти там, где растёт катран. Можно варить его корень и добавлять отвар в колоду с водой... А ты не заметил, какая трава под постелью в коше? - Отец испытующе посмотрел на меня и, очевидно решив, что о триоснице «ребенок» еще не слышал, продолжил: - Для чабана астрагал - триосница - подушка и постель. Змея на этот запах и близко не подползёт. Иначе, окаянная, может занять передний угол, будто в свой дом пришла. «Астарагал-трава на счастье подпаска выросла», - говорил Аганияз ага. В дождь чем огонь разжигать, когда все намокло? Астрагалом. Подожги пучок спичкой - будто масло прольётся на костёр. Он влагу не воспринимает. Сколько бы дождь не лил, поверхность его - как оперение

утки...

Отец остановился. Я проследил за его взглядом: отара стала переваливать за хребет дальнего холма, скрываясь из вида. Я было бросился возвратить животных, но отец сложив рупором руки, крикнул протяжно: «Хай, хайт!». Перед отарой будто приведение возникло - так стремительно она откинулась от вершины вниз. Колокольчик вожака повёл овец по склону.

- Овца - очень нежное животное, - неожиданно мягко сказал отец. - Вроде и не смотрит на тебя, безразлична, но если от души полюбить ее - она поймет. И будет определять по голосу: ум у нее в ушах. Ты понял: бежать за отарой по нашим холмам вверх-вниз - калекой станешь. Конечно, весной, когда овцы на сносях, забот прибавляется. Ягнёнок, только родившийся, может уснуть, запутавшись в траве. Приходиться следить. А в остальное время отару нужно пасти голосом. Тогда и скот будет цел, и сам не измучаешься. Только не думай, что надо поминутно кричать. Овцы шум не любят. Настоящие чабаны всегда пасли, не видя овец, лишь слушая землю. Такая отара не имела потерь... Аганияз ага умел держать овец в руках. Голосом он мог заставить

кружить их на одном месте. Многие пастухи думали, что дело в самой отаре - опытный, дескать, вожак, умные бараны. Но когда приспичит, обращались за советом не к овцам Аганияза ага, а к нему самому: как тут быть, как тут? Были и завистники. Однажды они уговорили завфермой дать Аганиязу ага больше молодняка, тогда, мол, станет ясно, какой он умелец. Гляжу я, что-то много у нас стало подросших ягнят. Неспроста, думаю. А Аганиязу ага хоть бы хны. Сказал заведующему фермой: «Хорошо», а меня успокаивает: «Делай вид, сынок, что ничего не случилось. Им же будет стыдно, когда поймут, что скот таков, каковы хозяева». Ну и заставили нас попотеть пугливые новобранцы дней десять! Барашки выросли в разных отарах, все с разными привычками, ни голоса твоего не воспринимают, ни тебя. Каждый сам по себе. Я-то был молодым парнем, маялся, не терпел. А Аганияз ага уже шесть десятков лет кинул на плечи, поясница его искривилась, сил уменьшилось. Лопнуло у него терпение. Но сдаваться - ни-ни. Его «да» всегда было твёрдым. Задело, значит, за живое. Привёл овец на сочное пастбище, накормил досыта. Утром велел мне погрузить на верблюда весь наш

скарб. «Ты, - говорит, - братишка, отправляйся туда, где в прошлом году Овлет и Джумадурды держали ягнят около Гызылкаты. Там и устрой кош. А я с отарой пойду следом». Стало ясно, что старый чабан оседлал какую-то мысль. На место, куда я пришел до полудня, отара добралась лишь к вечеру. На следующий день Аганияз ага загнал овец в разщелину, с трех сторон сжатую обрывистыми красноватыми скалами, меня с палкой поставил у узкого выхода. И начал охаживать плохих учеников. Стегает, стегаёт, они мечутся по кругу с другими, он кричит: «Хей-хай! Стой!» - если не останавливаются, опять принимается бить палкой. Через неделю вся отара без исключения откликалась на еле слышное «хайт». Прошепчешь - и катят назад. После этой «учебы» мы вернулись на прежнее место, и я насладился позором наших завистников...

Отец приостанавливается и, сделав руку козырьком, вглядывается вперёд. Вообще-то солнце сегодня не заставляет жмуриться, оно скрыто за облаками, расстелившимися по небу ровной темно-серой кошмой. Но, наверное, козырёк обостряет все же зрение. Я не вижу,

что заинтересовало отца. Может, опять часть отары спустилась на невидимую сторону холма? И повинувшись внезапно вспыхнувшему в груди желанию проявить свою власть над отарой, я кричу:

- Хе-ей! Сто-ой!

Мне тут же пришлось раскаяться в необдуманном поступке: не шелохнулась ни одна овца, даже морды никто не повернул. От серых спин ко мне шли - я это чувствовал! - волны холодного презрения.

Отрывисто крикнул отец - отара послушной волной откатилась назад. Вобщем, подтвердилась старая истина, что между «мм-да» и «да» есть большая разница.

- Ничего, сынок, - подбодрил меня отец. - Даже доктор Лукман, который понимал язык всех степных растений и мог вылечить ими любую болезнь, не знал лекарства от зубной боли. Когда его спрашивали, как утихомирить ноющий зуб, он вырывал первую попавшуюся под руку траву и уходил.

- И что? - глянул я исподлобья, думая, что он посмеивается надо мной.

- Доктор этим говорил: «Нет другого выхода,

как удалить зуб».

Отец рассмеялся по-доброму, и мою насупленность как рукой сняло. Конечно я понял, что нет никакой связи между зубной болью и брошенной мной на ветер командой. Однако сознание того, что ты не одинок в неудачах, несколько примиряет с ними. Овцы привыкли к голосу отца, я для них никто. Но если я стану чабаном... А может, врачом?..

Трудно в одиннадцать лет выбрать себе профессию. Их столько, хороших и разных. Например, собаковод-пограничник. Тут я вспомнил о щенке, которого обещал Сары ага, и нетерпеливо подумал: еще два дня ждать.

Чабанский посох мне тоже нравится. Отец несёт его косо на плече, а иногда перекладывает за спину. В начале пути я подумал, что отцу тяжело и хотел на время попросить пастушью палку, но увидел, как он поднимается на холм, опираясь на нее, и не стал. Я без палки могу взобраться, даже налегке лучше, она все же длинная. С вершин хорошо видны красные цветы на солнечной стороне склонов. Отец говорит о холмах, как о живых: ему кажется, они могут свернуть свои цветастые одеяла и уйти куда-то. Он ведь видит

степь не только ярко весенней, но и обесцвеченной жгучим солнцем лета, и унылой - осенью.

- Вот триосница, видишь? - кивает отец. - Султан, как на кукурузе. Овцы прошли мимо, будто гребень через мягкие волосы, даже о здоровье у него не справились. Они едят триосницу, когда другой травы остаётся мало. Тогда она сладкая, словно мёд... Ну, верблюжью колючку ты знаешь. Сейчас она молода, а с жарой расползётся и захватит всё вокруг. Одна из немногих трав, что имеют зелёный халат с весны до глубокой осени. Как и верблюд, легко переносит засуху. Сок жизни она тянет из земли через длинный-длинный корень.

Отец читал травяной покров, как книгу. Каких только растений, оказывается, нет в нашем Бадхызе! И предгорные, и характерные для средних песков... И каждое полезно людям или животным. Может, все же попробовать дорогу легендарного табиба Лукмана? Врачевать животных? Или... - у меня даже дух захватило! - в дрессировщики пойти? У меня бы хватило терпения обучать зверей лаской, а не битьем...

Отара растянулась, кое-где были видны укладывающиеся на отдых овцы. Как говорил

мне однажды отец: если животное начинает сгибать колени, значит, наелась.

Мы обошли отару и повернули ее к кошу. И снова меж холмами полз серый поток, то растекаясь по сторонам, то сгибаясь узкой лентой меж крутых холмов. Посеял мелкий дождь.

Пески, которые обычно связаны с представлением о движущихся барханах, сейчас похожи на волнующееся зелёное море, совсем как то, которое показал мне однажды, взяв с собой в поездку, дядя Апат. У него ни начала, ни конца. Куда ни глянешь, всюду будто переливается, сверкая разноцветьем, сплошная вода.

Мне припомнился урок географии, где нам впервые сказали, что на месте пустыни когда-то плескалось море. Почти всё живое, что сейчас населяет пески, тогда плавало. А кони, наверное, были чайками, в вольном полёте меряющими небо над водной гладью.

Мне кажется - неужели я не прав? - что буйно зелёная каждую весну пустыня вспоминает свое прошлое, то самое время, когда она была морем...

Ложь во спасение?..

Это ужасное событие случилось в те сутки, как мне доверили пасти овец с ягнятами отдельно от отары.

Я был горд поручением, а особенно еще и потому, что Гаплан не рычал на меня больше, когда я невольно, без всякой задней мысли, озабоченный только тем, как лучше сделать дело, проходил вблизи него. Значит, он признал меня своим! Меня терзал стыд, что я пытался добиться этого уловкой, насильно. Собака тогда почувствовала мою корыстную неискренность.

Свое «стадо» я не обременял суровыми ограничениями и запретами. Просто следил, чтобы отдельные овцы не отбивались слишком далеко, а куда они двигаются все вместе - их дело. Трава вокруг коша везде сладкая.

Изредка я поглядывал в сторону палатки, там тоже было интересно. Отец, обложенный иглами, дратвой, ремнями и пряжками, чинил старое седло, Йомуд месил тесто, намереваясь испечь в горячей золе лепешки.

Когда к нам завернула легковушка с завфермой, мужчины бросили свои занятия, чтобы оказать приём гостю, но Гарли ага лишь

поздоровался с ними и крикнул мне:

- Агадурды! Подойди-ка сюда, верблюжонок!

За его «верблюжонка» я не стал торопиться; только повернув овец в сторону коша, пошёл на зов.

Гарли Ферма, поджидая меня, открыл заднюю дверцу машины и нетерпеливо сказал:

- Ну-ка, посмотри сюда, смотри, что я тебе привёз!

Привез? Любопытно! Подстегнутый, я ускорил шаг. Между сиденьями лежало что-то пятнистое. Джейранчик! Моей радости не было предела.

За чаем завфермой рассказал, что дня три назад увидел издали этого детёныша джейрана, но, подумав, что один, без матери, тот быть не может, проехал мимо. А сегодня опять наткнулся на него и почуял недоброе. Малыш попытался убежать, но бессильные ноги не слушались, и, запутавшись в траве, он упал. Гарли ага решил, что тут вина браконьера. Однако на теле джейранчика не оказалось следов ранения. Было ясно одно: мать он потерял. И Гарли ага привёз сироту к нам, вспомнив обо мне.

Йомуд бросил у огня охапку тамарисковых

ветвей, застелил ее кошмой, принес и положил джейранчика на это ложе. Мог ли я оторваться от несчастного? Отец, видимо, понял это, и к овцам с ягнятами отправился Йомуд.

Завфермой уехал на основной кош, пообещав прислать ветеринара. Отец сказал, чтобы я размочил в молоке чурек и попробовал покормить проголодавшегося сосунка, а сам пошёл к отаре.

Я сделал, как велели, но джейранчик не притронулся к пище. Только время от времени подымал голову и оглядывал кош с тоской в больших глазах. Что же делать?

За чем-то прошел в палатку Йомуд, а уходя к овцам, заглянул в миску.

- Он что, не ел хлеб?

- Нет. Не хочет. - Я с надеждой смотрел на Йомуда.

- Тогда вот что сделай, браток. Раствори в теплой воде кусок сахара. Это поддержит его.

Я бросился делать напиток, сразу уверовав в его целебную силу.

Джейранчик действительно попил сладкой водицы, но начал кашлять так, что билось все тельце. Йомуд решил развести в молоке мягкие

отруби, но и они не вызвали аппетита у моего подопечного.

Овцы с ягнятами ушли за бугор, и Йомуд покинул меня. Я не забывал подкидывать в костер сухие ветки, поддерживая ровный огонь, и все смотрел и смотрел на джейранчика. Сердце мое разрывалось от любви и жалости к нему.

Он, видно, почувствовал, что вреда ему здесь не будет, и перестал боязливо оглядываться. Но вводил меня в совершенную панику, когда закрывал глаза. Мне казалось, что он умирает, что глаза его больше никогда не откроются. Каждый раз я дотрагивался пальцем до одного из его маленьких рожек, которые торчали, как грибки из-под листвы.

Он вздрагивал и распахивал глаза.

Приехал ветеринар, послушал пациента и сказал: «Воспаление легких». Вот почему у него иногда хрипит в груди! Врач стал делать укол, и я отвернулся, чтобы не видеть, как джейранчик дёрнется от боли. Нет, если я стану ветеринаром, буду лечить животных только травами.

Через некоторое время был сделан второй укол и, приложив ухо к пятнистому боку, врач покачал головой: «Легкие сильно простужены».

Сердце мое сжалось. Неужели никто не сможет помочь этому существу, к которому я успел привязаться всей душой? Я уже все представил... Как заберу его с собой в аул, буду кормить коровьим молоком из чайника с соской; как вместе с Шекер мы станем играть с ним в догонялки; как он превратится во взрослого тура с большими рогами - ну, точь-в-точь горный красавец на уступе скалы, которого я видел в какой-то книжке.

Возвратились с овцами отец и Йомуд. Врач посоветовал напоить больного козьим молоком, потому что есть он отказывался, и сказал, что завтра наведается ещё.

Джейранчик проглотил немного парного молока. Миску с хлебом и отрубями с удовольствием очистил нанчи-баран и, наверное, в знак признательности, облизал мордочку малыша. Сегодня им спать вместе в палатке, хорошо, что нанчи так добр.

Я долго не мог уснуть и часто щупал горячее тельце под старой буркой, лежащее рядом. Сон мой в ту ночь был очень чуток и сопровождался слезами...

Утром я прежде всего умылся, чтобы не

увидели следов слез на лице. И тут Йомуд с отцом стали наперебой говорить, каким притворой оказался джейранчик, (Йомуд), что надо было привязать его, чтоб не убежал (отец), наверное, кровь его разгорелась от тепла палатки, и он вспомнил, что он дитя джейрана (Йомуд). «По моей оплошности получилось, по моей», - твердил отец. Он по правде был огорчён.

А я молчал, понурившись. Потому что слышал их ночной разговор шепотом: «Рахман ага, Рахман ага!» - «А? Что?» - «Этот бедняжка только что скончался». - «Что?!» - «Этот бедняга, говорю, вроде хотел встать и...» - «Ох, нехорошо! Агадурды расстроится». - «Это так, но что поделаешь. Может, тогда скажем...» - «Что тут, скажешь?» - «А если закопать сейчас, а Агадурды скажем: ушел джейранчик, прозевали мы». - «Да?» - «Пусть он потом в каждом джейране видит «своего» джейранчика. Хорошо ведь будет, Рахман ага?..». Отец не ответил, но поднял джейранчика на руки, как ребёнка, а Йомуд звякнул лопатой...

Моих слёз они не слышали. Я уткнулся в подушку и старался не выдать себя всхлипом. А теперь думаю: где граница между честной

уловкой и обманом? Мой никогда не врущий отец и добряк Йомуд придумали неправду, чтобы уберечь меня. И сделали это, конечно, из-за любви ко мне. Могу ли я обвинить их во лжи? Мир взрослых сложнее детского. Они думают не только о том, что «хорошо», а что «плохо». еще и о том, как подействует это «хорошо» или «плохо» на душу невзрослого.

Но если б кто знал, как мне жаль джейранчика! И еще - одинокости слез, которые меня не облегчили...

Добро нуждается в кулаках?

Сары ага выполнил обещание. Его подпасок передал нам его слова: «Пусть сын Рахмана приедет и заберёт своего щенка». Но мне еще долго пришлось пробыть в ожидании, потому что у отца и Йомуда было много хлопот с новорожденными ягнятами. После обеда отец, наконец, освободился.

...Сары ага подтягивал подпруги на осле.

- А, зятёк, едешь? - приветливо заулыбался он. - Пришли бы на пять - десять минут позже, не нашли меня здесь. Собираюсь за отарой.

Осел был брошен, хозяин принялся

подманивать собаку, которая стояла в яме над своими щенками, напряженная, как струна, с тревогой во взгляде.

- Газап, что это значит? Не стыдно тебе: где отара, а где ты? - совестил Сары ага бесхвостую собаку. Будто понимая его слова, она не могла поднять взгляд, водила опущенной головой. - Стыдно, родная, надеясь на тебя, я был спокоен за отару, а ты...

Дисциплинированная собака не смогла послушаться пастуха, она выпрыгнула из ямы и потрусила к холму, за который перевалила отара.

Как принято, без пиалы чая и обмена новостями не обошлось.

- Бедняжка поняла, что что-то случится, - и повёл нас к яме.

Щенята были один другого лучше. Они трогательно жались друг к другу, покачиваясь на неверных ножках. Я бы взял любого и поскорее убежал, пока их мать вдалеке. Но отец не торопился. Присев на корточки, он приглядывался к щенкам. Затем схватил одного, самого пузатенького, за уши и поднял вверх. Щенок заскулил, извиваясь, потом стал жалобно повизгивать.

Мои руки уже готовы были протянуться, а на языке крутилась просьба: «Папа, давай возьмём этого!». Но отец положил его обратно, поднял другого, с белой отметинкой на морде. Тот засопел, растянул губы и принялся хватать воздух вокруг. Кусака какой-то! Отец погладил его по спинке и протянул мне.

- На, вот твой щенок.

Хотя я и принял кусаку, но глаз от пузатенького не мог отвести.

- Сынок, учти, нехорошо, когда начинают базарить по малейшему поводу, будь то человек или животное. От таких защиты не жди. Вот этот, почуяв опасность, зарычал и готовился укусить. Это настоящий пес. Он дорожит своей честью. Того, кто тронет, не пощадит, но и зря в драку не полезет...

Сары ага кивнул, поддерживая отца. Но я не был уверен, что мне нужна собака-сторож. Я ведь не пасу пока овец. Ни волки, ни воры аулу не грозят. Я сам хотел быть защитой для четвероногого друга. Пузатенький нуждался в опеке.

Но делать было нечего. Я чмокнул щенка в нос. В конце концов, как говорит Сары ага, плохо, если собака не похожа на хозяина.

Наименование всегда соответствует содержанию?

Сегодня я должен возвращаться в аул. С Йомудом мы простились утром, он ушёл за большой отарой. Отец, дожидаясь машины завфермой, занял себя мелкими делами, которых всегда хватает в коше.

А мне захотелось еще раз обойти всё вокруг, оглядеть последним взглядом места, где провёл целых восемь дней. Отец был не против, сказал лишь, что Гарли Ферма должен вот-вот прибыть.

Отец понимает, как грустно прощание. Обойдешь ближние места - потянет на дальние. А там откроются такие, где ты еще не был и манят тебя неизведанным. Чтобы успокоить его, я взял с собой щенка. С ним далеко не уйдёшь.

Небо сегодня яснее, чем вчера. Верховой ветер с Гиндукуша гонит на запад лёгкие облака, его бархатный шлейф приятно поглаживает кожу, пригибает к земле траву.

Щенок, хоть и мал, не хочет отставать от меня. Он весь в заботе, чтобы, переваливаясь на мягких лапах, подняться туда, куда поднимаюсь я, и опуститься оттуда, откуда спускаюсь

я. Лапы заплетаются, не подчиняются воле щенка, это злит его. Иногда он запутывается в гибких стеблях, которые для него как лианы в джунглях, и призывно подскуливает. Я иду назад, освобождаю его, несу немного на руках, но он просится к самостоятельному путешествию в травяных дебрях.

Иногда я называю его Батырджан-Храбрычок, полагаясь на характеристику, которую дал ему отец в коше Сары ага. Но это временно, пока я не определился твёрдо в кличке. Можно назвать, например, Лайкой, в честь собаки, первой летавшей в космос. Но вчера Йомуд спросил, какое имя щенку я придумал, и, когда узнал, что я колеблюсь, сказал следующее: «Ты же видел фильмы про индейцев? Там имена соплеменникам дают по характерной черте человека или его умению в каком-нибудь деле. «Ловчий сокол», «Острый глаз»... Или возьми аульские клички: Сары Лысый (он-таки лысый), Гарли ферма (он, действительно, заведует фермой)».

Не знаю, как выходят из положения индейцы, но аульчане, кроме кличек имеют все же имена от рождения. Что же, моему щенку ждать, пока

вырастет? А до этого - просто Пёс? Кого зовут «собакой»? Тех, кто, позабыв о достоинстве, решает все вопросы глоткой или зубами. Или как, допустим, подзывают прислужника, которому отведено низшее место среди людей: «Эй, человек!». Его лишают даже имени, чтобы не сблизится с ним на равных. Когда в семье появляется ребёнок, родители, разумеется, не знают, каким он будет, но веря в его звезду, вкладывают в имя младенца свою надежду. У туркмен, как наверное, и у других народов, каждое имя собственное имеет своё значение. Агадурды - «первенец», с пожеланием: «Будь всегда первым». Шекер - «сахар», «сладкая»... Вот вернусь домой, обязательно посоветуюсь с ней и окрестим щёнка.

Мысль о доме, сама по себе такая радостная, связалась у меня с сожалением о необходимости покинуть кош. Тот, чей отец безотлучно рядом, не поймёт меня. Поймут лишь те, кто смотрит с надеждой на дорогу: «Папа приедет завтра... Папа послезавтра...». Для тех, кто ждёт, ценность отца особая. Для меня отец желанен, как... как мечта, которую страстно хочешь достичь. Хотя он не сюсюкает со мной, не демонстрирует

окружающим свою любовь объятьями и поцелуями.

Когда он приезжает из песков, я встречаю его у дома, помогаю посадить верблюда. На отца, конечно, набрасывается запоздалым ураганом братишка и повисает на шее. Но о состоянии дома он спрашивает у меня, как у хозяина: «Сынок, все ли живы-здоровы? В ауле всё в порядке?».

Если в селении свадьба, я сообщаю. Если предстоят похороны... не огорчаю на пороге (такова традиция). Об этом за чаем скажет мама. Она же готовит отца к визитам по соседям. На свадьбу он может не пойти, а близких умерших обязательно посетит.

Раньше, лет пять назад - я был старше, чем брат сейчас, - отец по приезде брал меня на руки, целовал. Мне это не очень нравилось. И, наконец, смущаясь, я попросил: «Папа, не целуй меня больше». Отец не обиделся, но был удивлен: «Почему, сынок?» - «Я ведь тоже теперь взрослый. Ты всегда говоришь: «Когда меня нет, хозяин дома - ты». А сам...». Отец улыбнулся и бросил на мать взгляд, в котором читалось: «Смотри, как заговорил!», а мне ободряюще сказал: «Хорошо,

сын, пусть будет по-твоему».

Хозяином-то может быть я себя и чувствовал, но стоит приехать отцу, сразу становлюсь сильнее. Готов побороться с любым из сверстников. Вот знал я, например, что нелегко прижать к земле лопатки Кадыра, который хочет, чтобы его называли Пальваном-силачом, а на свадьбе дяди Апата, брата отца, уложил его дважды приёмом куриной подножки. Причина - рядом был отец, поэтому дышалось как-то свободнее и стыдно было осрамиться...

Вспомнив о туркменской народной борьбе, я чуть не наступил на драчунов, которые, видно, не были знакомы с ее приёмами. Две черепахи, как ожившие перевернутые миски, танками шли друг на друга, втянув головы. Панцири их при столкновении цокали и оседали, чтобы после краткого передоха снова начать разбег. Как они намерены победить друг друга, не покидая своих крепостей? Вот уж никогда не думал, что хладнокровные тихоходы способны на междоусобную войну!

Многое я еще не знаю о потаённой жизни песков. Надо почаще бывать с отцом, Йомудом, с Сары ага... Думаю, так и будет. Уж коль я тут

появился, раз-плотина разрушена. И отец меня проверил, не будет больше препятствовать.

Мы со щенком потихоньку добрались до старой овчарни. Она была усыпана грибами! Как же я вчера не догадался пройти здесь, ведь накануне брызнул дождик? В голове зазвучала считалка, которой мы обычно перекликались с Шекер:

Будь со мною, грибок,
Покажись, покажись!
Будь со мною, грибок,
Сначала мне покажись!

Но здесь я один, без ребят, и азарта не было. Однако не пропадать же такой вкуснятине! Привезу маме, она приготовит - пальчики оближешь.

Я снял рубашку и, пока не набил ее до половины грибами, даже не оглянулся. А когда разогнулся, то увидел, как от коша мне машут две маленькие фигурки - отец и Гарли ага. Подхватил грибной мешок, другой рукой - Храбрячка, и бегом вниз.

...Машина, как лодка, качается на морской зыби, в окно плещут зеленые волны. Щенок мирно сопит, облапив мой блокнот. Укачало беднягу. Я уже мысленно распрощался с кошем и теперь думаю о доме, к которому приближает

меня челн вождя индейцев Гарли Фермы.

Мама, конечно, стоит у калитки. Она степенно поздоровается с Гарли ага, он ей свояк, а меня порывисто прижмёт к себе и, оглядывая мое лицо, будет искать на нём следы тяжелых испытаний и невзгод, которые я перенёс в пустыне. Возможно, даже расплачется. Когда в прошлом году я вернулся с моря от дяди Апата, так и было.

Братишка на арыке позади дома гоняет соседских гусей. Ему лишь бы гуси были, других игр не надо. Раньше маме Шекер не нравилось, трогают их птицу, но с некоторых пор она чудесным образом изменила свое отношение и теперь даже просит Язгельды: «Вон гуси, сам корми, сам гоняй, лишь в воду не свались». А Шекер никогда не мешала брату, она не меньше меня любит его.

Да, Шекер, конечно, тоже стоит рядом с моей мамой. Она же целую неделю оставалась без товарища по играм и, думаю, соскучилась. Как и я. Закидает меня вопросами: «Что ты видел? Каковы пески? В пустыне действительно пусто?..».

Я протяну ей вот этот дневник и скажу: возьми и почитай сама.

Несколько слов о писателе Агагельды Алланазарове

Агагельды Алланазаров родился в 1948 году в селе Марчак Тахта-Базарского этрапа. После окончания 8 классов поступил в Марыйское педучилище. Год работал учителем в школе № 6 г. Мары. С 1969 по 1971 гг. служил в десантных войсках. После службы в 1971 году поступил в Московский Литературный институт им. А. М. Горького и окончил его в 1976 году. В этом же году начал работать в издательстве «Туркменистан» редактором. С 1983 - 1988 гг. возглавил Бюро пропаганды СП Туркменистана. В 1988-1992 гг. работал в издательстве «Туркменистан» главным редактором. В 1992 году был назначен заместителем председателя Комитета по печати при Кабинете Министров Туркменистана. С 1995-2001 гг. работал директором издательства «Туркменистан». С 2001 года он был назначен директором Государственной книжной палаты Туркменистана. В настоящее время работает в системе Туркменской государственной издательской службы.

Агагельды Алланазаров увлекся литературой в школьные годы. Его первой книгой стала книга для детей - стихи и рассказы, которая была уже тогда напечатана. Он пришёл в литературу как поэт.

Его своеобразные стихи 80-х годов обратили на себя внимание известных писателей и большой аудитории читателей. В разные годы были выпущены как в Ашхабаде, так и в Москве несколько книг на туркменском и на русском языках такие как «Дом солнца», «Три весёлых капитана», «Пишу “А”», «Собака, которая летала однажды», «Сказки», «Весёлая азбука», «Играй, моя дудочка», «Выше, чем гора», «Догоняю ветер», «Вам такое и не снилось» и др.

Его повесть «Семь зерен» была тепло встречена читателями и высоко оценена известными писателями. После, в различные годы издавались прозаические произведения такие как «Поклажа для инера», «Разбитые версты», «Путешествие к себе и в даль», «Письмо с дороги», «Мгновение любви» и др.

По повестям Агагельды Алланазарова сняты два полнометражных художественных фильма: по повести «Семь зёрен» - фильм «Прощай,

мой парфянин»; по повести «Разбитые версты» - фильм «Дестан». Его пьеса «День рождения Лиса», написанная для детей, последние 20 лет поставлена Дашогузским, Марыйским театрами и за рубежом в Израиле и в Украине.

Агагельды Алланазаров - член Союза писателей, лауреат молодежной Премии Туркменистана (1983г.). Его произведения переводились на языки народов мира.

2005 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Дм.Молдавский.Счастливым и яркий мир детства.....	3
Солнечный пароход. <i>Переводы Якова Акима</i>	9
Солнечный пароход.....	10
Дождь идёт.....	11
Догоняю ветер.....	12
Проверю	13
Трудный класс	14
Самое лучшее время года	15
Зима	15
Весна.....	16
Лето.....	17
Осень	18
Дождь	19
Добрый конь.....	20
Играй, моя дудочка!	22
Мячик Эзиза.....	23
Я считаю.....	24
Гора	25
Луна гуляет	26
Бабушкины очки.....	27
Найдёт звезду.....	28
Я стал взрослым	32
Ночь.....	34
Если бы	36
Где спит солнце.....	37
Я спрашиваю.....	38
Холмы	39
Счастье.....	40
Стрекоза	41

Жеребёнок	42
Непонятливая бабушка	43
Купаемся!	44
Письмо	45
Сенокос	46
Когда у нас зима	48
Несушка	49
Утро	50
Мои краски	52
Мой скакун	53
Мои друзья	54
Скажи, водичка	56
Морские кони	57
Ворона	58
Идёт верблюд	59
Яков Аким.Первое знакомство.....	60
Я среди мастеров. <i>Переводы Владимира Орлова.</i>	62
Из сердца в сердце	63
В летний денёк	67
Хороший кот	69
Бабушкина колыбельная	70
Доброе слово	72
Шакал на дереве	74
Шла собака	75
Птичка-счетовод	76
Подарок	78
А как у вас?	79
Первая работа	80
Снежный пух	81
На границе	82
В чём я виноват?	84

Часы.....	86
Маяк	87
Пока не стану Дедом Морозом	88
Забывчивые котята	89
Обиженный ветерок.....	91
Возмущенная ворона	92
Мой братишка.....	93
Жаворонок.....	94
Стихи-загадки	95
Живой мешок.....	95
Съедобный зонтик.....	95
Самоходная кибитка	96
Незнакомые братья.....	96
Дорожка.....	98
Жаркий день	99
Песенка жеребёнка	100
К бабушке.....	102
Мой дед.....	104
Ласковое солнышко	106
Черепаша	107
Я друга потерял... ..	109
Я среди мастеров.....	111
Последняя рыбка.....	114
Осёл	118
Рыбак Юсуп.....	119
Цветущая пустыня	122
Верблюжонок	124
Наш зеленый крокодил. <i>Переводы Юрия Кушака</i>	125
Вам такое и не снилось!.....	126
Мой шар	128
Брат рассказывает сон	130

Кошка, кошка, не сердись!	131
Разговор с жирафой	132
Весной	133
Снег-снежок	135
Наш зелёный крокодил	136
Веселая азбука. <i>Переводы Евгения Новичихина.</i>	139
Стихи	210
Три усатых капитана.....	210
Первая встреча	212
На солнцепеке	215
Игра	216
Считалка трех котят.....	218
На крыше.....	220
Три котёнка и радио.....	222
Забывчивые котята	225
Однажды	227
Путешествие	229
Песня сытой собаки	231
Поднимаюсь с петухами	233
Лисица-охотница	235
Ползёт черепаха.....	237
Моя мечта.....	238
Хвастуны	245
Пишу «А»	248
Мое слово	250
Верхом на коне.....	252
Цветущий луг пустыни	257
На реке	258
Куда спешит аул.....	260
Письмо другу	261

На солнцепеке. <i>Переводы Игоря Мазнина</i>	265
На солнцепеке	266
Жаворонок.....	268
Рассвет. <i>Я.Акиму</i>	270
Собака под седлом	271
Джейранья чаша.....	273
Прощанье с теплом.....	274
Мои друзья. <i>Переводы Светланы Пшеничных</i>	276
Мои друзья	277
Верблюжонок	278
Петушки	279
Собака	280
Лошадка.....	281
Ослик	282
Счастливый телёнок.....	283
Ягнёнок.....	284
Кошка	285
Зеленые качели. <i>Переводы Александра Брагина</i>	287
Цыплята	286
День смеха.....	288
Зелёные качели	290
Петух	292
Странная лиса.....	293
Помощница	294
Жёлтая дыня	295
Настоящий телефон	296
Верблюжонок-чемпион. <i>Переводы Сергея Каратова</i>	298
Дождь	299
Верблюжонок-чемпион.....	300
Косолапый парашютист. <i>Переводы Леонида Сороки</i>	319
Косолапый парашютист	319
Место для волны	322

Контролёр	324
Реклаитис и мама(<i>из литовского цикла</i>)	325
Отчего плачет кошка.....	327
Бабушка и я.....	328
Добрый лес и злой Пильбасан (<i>Сказка</i>)	330
Сладкая дыня вахарман (<i>или день рождения Лиса</i>)	337
Собака, которая летала однажды	387
Морские дни пустыни	599
Несколько слов о писателе Агагельды Алланазарове	663

Агагельды Алланазаров

СОЛНЕЧНЫЙ ПАРОХОД

Литературно - художественное издание в 2-х томах

Том I

Редактор Н.Смирнова

**Дизайн
и верстка А.Атаев**

Подписано в печать 19.10.2005 г. Формат 60х84 $\frac{1}{16}$. Бумага
офсетная. Гарнитура литературная. Печ.л. 40.